

2020 | Том 12 | № 3

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ПРИМОРСКИЙ ФАКТОР

ТУРИЗМ

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIJSKIJ REGION

2020 || Том 12 || № 3

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2020

12+

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2020

Том 12

№ 3

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2020.
169 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2020

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); *Й. фон Браун*, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниеми*, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Люхто*, проф., Пан-Европейский институт высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); *К. К. Худолей*, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия).

Подписной индекс 32249

Тираж 1000 экз.

Дата выхода в свет 19.08.2020 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические процессы

Смирнов П.Е. Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века.....4

Смирнов В.А. Трансформация политических элит стран Прибалтики: общее и особенное.....26

Экономические процессы

Федоров Г.М. Оценка уровня экономической безопасности эксклавного региона России — Калининградской области.....40

Талалаева Е. Ю., Пронина Т.С. Этноконфессиональные иммигрантские гетто как проблема национальной безопасности в современном общественно-политическом дискурсе Дании55

Воронов В.В., Ружа О.П., Сташане Я.В. Многомерная бедность в странах Балтии в контексте ЕС: теоретические и практические аспекты.....72

Приморский фактор

Дружинин А.Г. Опорные базы морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности.....89

Михайлов А.С., Горочная В.В., Хвалец Д.В., Гуменюк И.С. Специфика инновационного развития приморских регионов России: дивергенция севера и юга105

Туризм

Студзеницкий Т., Якубовский А., Мейер Б. Менеджмент транснациональных туристских дестинаций: пример региона Балтийского моря.....127

Саранча М.А. Оценка конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона.....147

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ США В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

П. Е. Смирнов

Институт США и Канады РАН,
121069, Москва, Россия, Хлебный пер., 2/3

Поступила в редакцию 09.07.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-1
© Смирнов П. Е., 2020

После коренных изменений, которые претерпела геополитическая ситуация в Балтийском регионе в результате окончания биполярного противостояния периода холодной войны, США также начали пересмотр своих приоритетов в данном регионе. Второе десятилетие XXI века стало в этом смысле особенно показательным, поскольку именно в данный период вследствие украинского кризиса, наиболее наглядно проявились последствия расширения Евросоюза и НАТО путем включения в их состав бывших союзников СССР по Варшавскому договору и государств Балтии. Предлагаемая работа показывает, как выстраивались общие подходы к обеспечению американского политического лидерства в Балтийском регионе ввиду необходимости «сдерживания» России, как в Вашингтоне предлагают снизить уязвимость государств региона перед военными и невоенными инструментами российского воздействия, какие шаги в данном направлении были предприняты США и их союзниками по НАТО в указанный период. Автор приходит к выводу, что, хотя наращивание западного военного присутствия на Балтике, а также попытки США нейтрализовать «гибридные» инструменты российского влияния, не способны принципиальным образом повысить защищаемость государств региона со стороны НАТО, военно-политическая динамика в регионе может сделать его одной из наиболее вероятных арен столкновения между Россией и Западом. Для России важно способствовать тому, чтобы государства Балтийского региона не были лишь инструментами в российско-американском противостоянии, а осознавали собственные интересы в региональном сотрудничестве.

Ключевые слова:

регион, безопасность, НАТО, военное присутствие, учения, ротация, инфраструктура, энергетическая безопасность, «гибридные» войны

Введение

Регион, прилегающий к Балтийскому морю, всегда представлял для России особое значение с цивилизационной, геополитической и социально-экономической точек зрения. В период биполярного противостояния между СССР (Организацией Варшавского договора) и НАТО данный регион был примером того, как даже в ус-

Для цитирования: Смирнов П.Е. Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 4–25.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-1.

ловиях конфронтации противоборствующие стороны могут соблюдать определенные «правила игры», позволяющие избежать неконтролируемого роста напряженности и попыток пересмотреть сложившееся разграничение сфер влияния. Этому способствовало и наличие в Балтийском регионе внеблоковых стран — Швеции и Финляндии (с известной спецификой политики Хельсинки, вызванной особыми отношениями с СССР). Присутствие НАТО там было весьма ограниченным, тем более что Норвегия и Дания не допускали размещения на своих континентальных территориях военных баз и ядерного оружия.

Ситуация принципиальным образом изменилась в результате перестройки в Советском Союзе, за которой последовали развал социалистического лагеря, распад СССР, вступление бывших союзников Москвы в Евросоюз и НАТО. Российская Федерация, чьи позиции на Балтике существенно ослабли в сравнении с теми, которыми обладал Советский Союз, была поставлена перед необходимостью сдерживания экспансии этих структур в неравных условиях.

Соединенные Штаты, благодаря не столько собственным амбициям, сколько потребностям их новых союзников по НАТО с их постоянным ощущением неизбежного «российского реванша», получили шанс стать одним из главных игроков в Балтийском регионе.

Второе десятилетие XXI века, и особенно период после начала украинского кризиса в 2013—2014 годах, имеет с исследовательской точки зрения особое значение, поскольку именно тогда в основном сложилась новая конфронтационная реальность между РФ и США/НАТО, в том числе в Балтийском регионе. Когда после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года российское руководство осуществило возвращение Крыма, а затем развернулись боевые действия в Донбассе, вину за которые Запад возложил на Москву, Вашингтон и НАТО перешли к новому этапу выстраивания конфронтационной по отношению к России модели поведения в этой части Европы.

При этом, несмотря на двухпартийную поддержку этой линии в самих США, конкретные методы ее проведения в жизнь отнюдь не оставались неизменными. Приход к власти администрации Д. Трампа с ее философией «Америка в первую очередь» не мог не сказаться на доверии к Вашингтону среди его ведущих союзников, в том числе в Балтийском регионе.

Задача данной работы — проследить, как складывались и чем определялись базовые политические и военные приоритеты США в регионе Балтийского моря, как Вашингтон реагировал на те перемены в военно-политической ситуации в регионе и в Европе в целом, которые происходили в течение второго десятилетия XXI века, как эти изменяющиеся приоритеты США отражались на решениях, принимаемых в рамках НАТО, как США используют в Балтийском регионе невоенные механизмы (прежде всего энергетические) для сдерживания российского влияния в Европе. Предлагаемая статья использует как сравнительно-исторический метод (прослеживание эволюции подхода США к Балтийскому региону на протяжении второго десятилетия нынешнего века и сравнение тех приоритетов, на которых строились подходы администраций Б. Обамы и Д. Трампа), так и анализ отдельных проблемных аспектов, из которых формируется политика Вашингтона на указанном направлении.

Учитывая, что в российской и мировой экспертной литературе по проблемам геополитики Балтийского региона нет единого мнения о том, где проходят границы этого региона, что физико-географический взгляд на понятие «регион» может существенно отличаться от социально-экономического и военно-политического [1], и вместе с тем соглашаясь с мнением, что от точки зрения на то, что такое регион, и оценки его географических границ зависит и внешнеполитическая линия той или иной страны [2, с. 14], автор придерживается широкого понимания термина

«Балтийский регион». Это понимание, в соответствии с которым данный регион включает Российскую Федерацию, Германию, Польшу, страны Балтии (Эстония, Латвия, Литва), Скандинавские страны (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия), сложилось после образования в 1992 году Совета государств Балтийского моря, в который помимо вышеназванных 10 государств входит также Исландия (с 1995 г.) [3, с. 1152—1153].

Причины интереса США к Балтийскому региону

Распад «восточного блока» и особенно принятие Польши, Эстонии, Латвии и Литвы в Европейский союз и НАТО на рубеже XX и XXI веков, фактически превратили Балтику во «внутреннее море» этих политико-экономических и военных объединений. Однако если до украинских событий 2014 года соперничество между Россией и Западом в регионе не выходило за относительно мирные рамки, то после воссоединения Крыма и начала конфликта на Юго-Востоке Украины геополитическое противостояние вместе с ростом военной напряженности стали возвращаться и в эту часть Европы. Правда, здесь следует согласиться с экспертом по Балтийскому региону Л. Милевски (Лейденский университет), который утверждает, что геополитика отсюда никогда не уходила, она просто игнорировалась — во всяком случае в том, что касалось разработки стратегии обороны прибалтийских государств [4, р. 61—62].

Тот факт, что включение Прибалтийских государств в НАТО в 2004 г. было в первую очередь политическим актом и вплоть до середины следующего десятилетия не сопровождалось разработкой детальных вариантов обороны этих государств (кроме как на случай непосредственного «российского нападения»), свидетельствует об отсутствии стратегического интереса у США к данному региону до того, как украинские события внесли коррективы в американское внешнеполитическое планирование. В «доукраинский» период основным показателем интереса Вашингтона к Балтийскому региону, по утверждению финского военно-политического эксперта Я. Ханска, была упоминаемость его государств в выступлениях американских лидеров, и число подобных упоминаний (за исключением Польши) было крайне невелико [5, р. 21]. Однако резкий рост российско-западной конфронтации после украинского кризиса привел к заметному изменению критериев американского участия в делах Балтийского региона, вернул задачу «сдерживания» России в число первоочередных.

Шаги, предпринимаемые Вашингтоном и его союзниками по обеспечению защиты Польши и прибалтийских государств от предполагаемой «российской агрессии», меры по укреплению Россией своей обороноспособности в Балтийском регионе в условиях приближения НАТО к ее рубежам — это лишь один из примеров роста напряженности между Москвой и Западом, дающей повод экспертному сообществу в различных странах для проведения параллелей с эпохой холодной войны [6—8]. Не все специалисты согласны с прямым переносом термина «холодная война» в нынешний период. Так, Л. Милевски считает, что наличие у НАТО примерно того же противника, что и во время «первой холодной войны», — это единственное основание для подобных аналогий. У Запада в настоящее время нет задачи выстраивать политику сдерживания России в расчете на ее крах и на поражение ее собственного идеологического проекта, ведь такого проекта фактически нет. Более того, считает эксперт, Запад как раз заинтересован в том, чтобы канализировать энергию России в направлении Сирии и даже проявить определенную терпимость к российским действиям на Украине, но любая враждебная активность Москвы в Балтийском регионе должна считаться неприемлемой, поскольку она равносильна отбрасыванию Запада от его нынешних границ [4, р. 70—73].

К.К. Худолей (СПбГУ) считает, что в Балтийском регионе «имеет место противостояние двух разновидностей капитализма — государственного, авторитарного

и либерального, демократического» и друг другу противостоят институты, а не общественно-политические системы или цивилизации, и, исходя из этого, предлагает говорить не о холодной, а о «прохладной» войне в Балтийском регионе [9, с. 5].

Как представляется, идейно-ценностные аргументы, используемые Вашингтоном в нынешнем противостоянии с Россией, — это в первую очередь прикрытие для его усилий по сохранению того геополитического порядка, который установился в Европе после распада биполярности и который в западных политико-академических кругах все чаще обосновывается концепцией «порядка, основанного на правилах». Сторонники «нового сдерживания» России, как правило, делают акцент именно на нарушении ею подобных произвольно трактуемых «правил», а Балтийский регион, по мнению многих из них, в частности бывшего командующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерала Ф. Бридлава и бывшего заместителя генерального секретаря НАТО А. Вершбоу, стал центральной ареной противодействия Западу подобному «российскому ревизионизму», оформившемуся при президенте В.В. Путине [10, р. 1]. Именно применение парадигмы «сдерживания» Москвы там, где она способна поколебать завоеванные Западом позиции, а не какая-то долговременная стратегия определяет в настоящее время линию Вашингтона при взаимодействии с Россией в Балтийском регионе.

О существенном росте интереса внешнеполитического сообщества США (в частности, американских законодателей) к Балтийскому региону в период после начала украинского кризиса свидетельствует тот факт, что в июле 2019 года Комиссия по безопасности и сотрудничеству США впервые провела свои «полевые слушания» за пределами США именно на территории региона — в Гданьске.

Вашингтон использует при этом стремление политических элит восточноевропейских и прибалтийских государств опереться в своей политике именно на США, а не на Евросоюз, как на главного гаранта своего западного «якоря». По мнению В. Волового и И. Баторшиной, «заинтересованность политических кругов Литвы, Латвии и Эстонии в лидерстве США на европейском континенте обусловлена не только совпадающими интересами в регионе Балтийского моря, но и обнажившимся фактом отсутствия солидарности и явного энтузиазма западноевропейских стран отправлять свои войска для защиты Прибалтики» [11, с. 35].

Балтийский регион (равно как и Центральная и Восточная Европа в целом) используется США как инструмент «воспитания» союзников по НАТО, которые не всегда желают втягиваться в конфронтацию с Москвой, выделять достаточные суммы на нужды обороны и жертвовать взаимовыгодными экономическими проектами с Россией. Упомянутые исследователи считают, что «все военно-политические “маневры” США/НАТО в Прибалтике и Польше всего лишь геополитическая игра, целью которой является стратегическая конфронтация России с Европой. <...> Америке не нужен единый (особенно федеративный) Евросоюз, у которого сложились бы партнерские отношения с Евразийским экономическим союзом. Поэтому нужно убедить европейцев в реальности российской угрозы» [11, с. 33—34].

Именно бывшие члены Организации Варшавского договора и государства Балтии в наибольшей степени стараются соответствовать нормативу военных расходов в 2% от ВВП. К 2020 году эту норму, установленную НАТО на саммите в Уэльсе (2014), выполнили все бывшие участники «советского блока» в регионе. Латвия в 2019 году достигла ее впервые. В то же время Норвегия (1,8%) и, особенно, Дания (1,32%) пока отстают от установленной планки¹.

При этом большая часть американского экспертного сообщества, специализирующегося на восточноевропейском регионе, считает Прибалтийские республики

¹ Chart: NATO Defense Expenditure // Statista. 2019. Dec. 3. URL: <https://www.statista.com/chart/14636/defense-expenditures-of-nato-countries/> (дата обращения: 01.07.2020).

особенно уязвимыми перед лицом гипотетической «российской агрессии» и практически незащищаемыми со стороны Североатлантического альянса. Эта уязвимость проявляется по следующим основным направлениям:

— невыгодное географическое положение — регион почти целиком граничит по суше только с Российской Федерацией и с Беларусью, что облегчает Москве задачу, в случае необходимости, «оккупации» их территорий в течение короткого периода времени;

— незначительный военный потенциал Прибалтийских государств (во всех трех странах, вместе взятых, под ружьем чуть больше 20 тыс. военнослужащих);

— критическая зависимость от поставок российского углеводородного сырья, несмотря на определенные и небезуспешные усилия в направлении снижения этой зависимости;

— высокая доля (особенно в Латвии и Эстонии) русскоязычного населения, которое в своем большинстве не разделяет националистическую повестку дня, навязываемую господствующей идеологией, и подвержено информационному воздействию России.

При всем долговременном характере этих факторов конкретные методы реализации политических приоритетов Вашингтона в регионе зависят от восприятия угрозы, которое доминирует в США в тот или иной момент, а также от расстановки стратегических приоритетов различными группировками правящего класса в США. Так, при администрации Б. Обамы действия США в ответ на «агрессивное» поведение России с указанных событий 2014 года носили в основном реактивный характер и выражались в подтверждении готовности поддержать Прибалтийские республики путем размещения дополнительных воинских контингентов в Эстонии, Латвии и Литве на ротационной основе и интенсификации там военных учений НАТО. В начале сентября 2014 года Б. Обама посетил Эстонию и в ходе встречи с президентами прибалтийской «тройки» Т. Ильвесом, А. Берзиньшем и Д. Грибаускайте подтвердил американские обязательства по защите безопасности этих государств в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора². Данные установки легли в основу решений сентябрьского (2014) саммита НАТО в Ньюпорте (Уэльс, Великобритания), который в то же время подтвердил, что США и их ведущие союзники по НАТО не желают переходить определенный порог в конфронтации с Россией, в частности в удовлетворении призывов лидеров Прибалтийских государств и Польши к установлению там военного присутствия на постоянной, а не только ротационной основе.

С приходом в Белый дом в 2017 году Д. Трампа акценты новой администрации в отношении союзников по военно-политическим альянсам стали заметно меняться, и это отражало стремление нового президента бросить вызов многосторонним транснациональным институтам и в целом дискредитировать принципы глобального управления [12, с. 131 — 133]. Это часто порождало ложное представление об «изоляционистских» взглядах 45-го президента США, тем более что Трамп на первых порах высказывался об «устарелости» НАТО, допускал возможность отказа от возможности применения ст. 5 Вашингтонского договора в отношении тех государств — членов НАТО, которые не удовлетворяют 2%-ному нормативу военных расходов по отношению к ВВП [13, р. 133]. В «Стратегии национальной безопасности США», утвержденной Д. Трампом в декабре 2017 года, значительно больший акцент, чем в предыдущих аналогичных документах, делается на поощрении «прифронтовых» союзников и партнеров на восточном фланге НАТО к тому, чтобы «лучше защищать самих себя»³.

² *Remarks by President Obama and Leaders of Baltic States in Multilateral Meeting* // The White House. President Barack Obama. 2014. September 03. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/03/remarks-president-obama-and-leaders-baltic-states-multilateral-meeting> (дата обращения: 09.06.2020).

³ *National Security Strategy of the United States of America*. December 2017. The White House, Washington, DC, 2017. P. 48.

Выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) в 2019 году и Договора по открытому небу (ДОН), о котором президент Д. Трамп объявил в мае 2020 года, — а основной предлог для выхода из ДОН был связан именно с Прибалтийским регионом (введенные Россией ограничения на инспекционные полеты над Калининградской областью) — также способствовал серьезной эрозии американского лидерства при формировании общезападных приоритетов на восточном фланге НАТО.

При этом Д. Трамп, как показало его выступление на встрече с президентами Латвии, Литвы и Эстонии Р. Вейонисом, Д. Грибаускайте и К. Кальюлайд в начале апреля 2018 года в Вашингтоне, старался снизить зависимость своих приоритетов в регионе от украинского кризиса, хотя и продолжал действовать в русле мер, намеченных НАТО в связи с этим кризисом. Он отметил значимость той поддержки, которую оказывают США эти страны в борьбе против ИГИЛ, упомянул о том, что Балтия является важным рынком для американских товаров⁴, подчеркнул значимость сотрудничества в сфере энергетической безопасности, прокладки в Балтийском регионе альтернативных маршрутов транспортировки энергоносителей, поставок американского сжиженного газа⁵. Именно энергетическая безопасность в контексте продвижения интересов американских энергетических компаний стала наиболее заметным из новых акцентов, сделанных администрацией Д. Трампа на восточном фланге НАТО.

В то же время при 45-м президенте США (хотя сама проблема не игнорировалась и при его предшественнике) стали гораздо более активно выстраиваться противорессы российским «гибридным угрозам», в первую очередь в цифровой и информационной сфере и в отпоре «российскому вмешательству» во внутривнутриполитические процессы в странах НАТО и особенно в странах Балтии как наиболее уязвимых.

Кроме того, Д. Трамп провозглашает в качестве приоритетной задачи сдерживание растущей мощи и экспансии Китая, в частности его проекта «Один пояс — один путь», в котором странам Балтии отведена важная транзитная роль. Так, помощник госсекретаря по европейским и евразийским делам А. Уэсс Митчелл указывал, что регион Восточной Европы стал одним из главных объектов атак России и Китая, каждый из которых использует доступные им механизмы (Россия — военные, пропагандистские, энергетические с применением коррупционных связей; Китай — методы торгового и инвестиционного наступления, «дипломатию чековой книжки»), чтобы установить над ними контроль⁶.

В период президентства Д. Трампа возможность военного противостояния с Китаем стала рассматриваться применительно не только к Тихоокеанскому, но и

⁴ При этом общий товарооборот между США и Прибалтийскими государствами невелик, хотя он и вырос за годы президентства Д. Трампа: с Эстонией — около 1,3 млрд дол., с Латвией — более 1,2 млрд дол., с Литвой — около 2 млрд дол. (данные за 2018 год). Источник: *Estonia, Latvia, and Lithuania: Background and U.S. — Baltic Relations* // Congressional Research Service. 2020. Jan. 02. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R46139.pdf> (дата обращения: 24.06.2020). Аналогичная ситуация наблюдается с торговлей между США и Польшей — около 13,5 млрд дол. в 2018 году — примерно в 10 раз меньше, чем товарооборот между Польшей и Германией (*Poland exports, imports and trade balance By Country and Region. 2018*) // World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/POL/Year/LTST/TradeFlow/EXPIIMP> (дата обращения: 24.06.2020).

⁵ *Remarks by President Trump and Heads of the Baltic States in Joint Press Conference. 2018. April 3.* URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-heads-baltic-states-joint-press-conference/> (дата обращения: 23.06.2020).

⁶ *Remarks. A. Wess Mitchell, Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs // Atlantic Council. Washington DC. 2018. October 18.* URL: <https://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2018/286787.htm> (дата обращения: 29.03.2020).

к значительно более отдаленным регионам, и регион Балтийского моря, Северной Европы и, в более широком плане, Северная Атлантика не являются здесь исключением, ведь КНР в своей стратегии «шелкового пути» открыто провозглашает намерение стать одной из арктических держав. После того как в июле 2017 года в Балтийском море впервые были проведены российско-китайские военные учения «Морское взаимодействие», военный и политический истеблишмент США получил осязаемые свидетельства того, что Москва и Пекин и здесь способны объединять усилия в деле выстраивания противовесов американской мощи и что вызовы для американского лидерства в Европе уже нельзя рассматривать только во внутри-европейских рамках⁷.

Военный аспект

«Российская угроза» как главный вызов. Пока не начался украинский кризис, политика Вашингтона в области военного присутствия в Европе, в том числе на восточном фланге НАТО, во многом определялась установкой, что основные угрозы для национальной безопасности США исходят из-за пределов Европы. До указанных событий, как подчеркивает В.И. Батюк, военная политика администрации США в отношении союзников по НАТО при президенте Б. Обаме оставалась, в принципе, такой же, что и при Дж. Буше: «максимально сократить в Европе численность американских войск, способных принимать участие в военных действиях на сухопутных ТВД (сухопутные войска, морская пехота, тактическая авиация), заменив их подразделениями, размещенными в США и прибывающими в Европу на условиях ротации — на время проведения учений и иных мероприятий» [14, с. 142—143].

При этом некоторым странам Балтийского региона отводилась заметная роль в размещении американских систем противоракетной обороны в Европе. В рамках третьего этапа «Европейского поэтапного адаптивного подхода» (ЕПАП) к развертыванию систем ЕвроПРО, который был объявлен президентом Б. Обамой в 2009 году и официально предназначен для нейтрализации иранской и северокорейской ракетной угрозы, Вашингтон планировал развернуть в 2018 году 48 противоракет SM-3 по проекту *Aegis Ashore* на севере Польши, в населенном пункте Редзиково. Однако ввод в строй этого объекта дважды откладывался, и в феврале 2020 года было объявлено, что теперь он переносится на 2022 год. Кроме того, в сентябре 2012 года секретарь Совета национальной безопасности Польши генерал С. Козей заявил о намерении также создать собственную (и уже открыто ориентированную против России) национальную систему ПРО. Как отмечают В.Н. Коньшев, А.А. Сергунин и С.В. Субботин, «в Польше и странах Балтии вообще сложились наиболее радикальные и антироссийские настроения по поводу создания систем ПРО». Правда, как напоминают исследователи, их призывы перенацелить систему ЕвроПРО против России не были удовлетворены на саммите НАТО в Уэльсе — против этого была, в частности, Германия, считавшая, что этот шаг будет ненужной провокацией против Москвы [15, с. 53].

После начала украинского кризиса во многих экспертных публикациях в США и в целом на Западе «агрессия России» против Прибалтийских государств стала рассматриваться в качестве весьма вероятного варианта развития событий (хотя есть и немногочисленные специалисты, которые признают, что такое нападение

⁷ US to monitor Russian-Chinese naval drills in Baltic Sea // Stars and Stripes. 2017. July 20. URL: <https://www.stripes.com/news/us-to-monitor-russian-chinese-naval-drills-in-baltic-sea-1.478931> (дата обращения: 24.07.2020).

маловероятно⁸). Как правило, авторы подобных публикаций считают, что НАТО, если и сможет защищать эти государства, то в течение очень непродолжительного времени. Так, в докладе, подготовленном под руководством бывшего командующего сухопутными силами США в Европе генерала Б. Ходжеса, утверждается, что Россия наращивает и модернизирует свои силы в Западном военном округе, а в калининградском эксклаве переходит от реализации стратегии «ограничения и воспреещения доступа и маневра» (A2/AD) к созданию потенциального плацдарма для ограниченного сухопутного удара против того или иного члена Альянса. Кроме того, Россия, по утверждению авторов этого доклада, продолжает агрессивные действия против союзников и партнеров по НАТО в воздушном и морском пространствах, угрожает Дании и Швеции возможностью ядерного удара, отработывая соответствующие сценарии [16, р. 4].

Большие опасения вызвало в НАТО проведение российско-белорусских военных учений «Запад-2017» с участием более 100 тыс. военнослужащих, а также упомянутых выше российско-китайских учений «Морское взаимодействие».

Другой эксперт, представляющий Джеймстаунский фонд, утверждает, что неспособность защитить Прибалтийские государства уже размещенными в регионе силами в первые 30 дней гипотетической войны с РФ будет означать быстрый коллапс западной системы обороны, прежде чем НАТО сможет эффективно вмешаться, оккупацию Россией этих стран и возможный развал Альянса [17, р. 22].

Общим местом у западных аналитиков стало приписывание России стремления взять под контроль «Сувалкский коридор» — участок польско-литовской границы, через который можно было бы наладить сообщение между Беларусью и Калининградской областью РФ.

Многие американские эксперты (в том числе выходцы из Польши и Прибалтийских стран) склонны приписывать военное значение и проекту «Северный поток-2», который, по их утверждениям, может быть использован как предлог для значительного расширения Россией своей военной активности [18].

С целью найти ответы на эти вызовы, которые стали остро ощущаться после событий вокруг Украины, США в апреле 2014 года начали операцию «Атлантическая решимость» (*Atlantic Resolve*), финансируемую в рамках «Европейской инициативы по обеспечению безопасности» (*The European Reassurance Initiative*). В 2017 году последняя была преобразована в «Европейскую инициативу сдерживания» (*The European Deterrence Initiative*). В ее рамках проводятся периодические перемещения бронетанковых и воздушно-десантных подразделений в Польшу и страны Балтии. При Д. Трампе ее финансирование возросло особенно существенно — до 6,5 млрд дол. в 2019 году (в 2015 году — 985 млн дол.), после чего, правда, запросы администрации на ее реализацию несколько снизились⁹.

В рамках программы «Иностранные военные продажи» Вашингтон, начиная с 2015 года, также поставил Прибалтийским государствам различные товары и услуги оборонного назначения на сумму более 500 млн дол., а в рамках программы

⁸ Один из таких экспертов считает, в частности, что Москва не будет предпринимать подобных действий, пока со стороны НАТО нет попыток заблокировать калининградский эксклав, и что русскоязычные жители прибалтийских стран, в отличие от русских в Крыму и Донбассе, не станут проводниками интересов России в ее возможной «гибридной» войне, поскольку они в своем большинстве сохраняют лояльность своим государствам. См.: *Person R. 6 reasons not to worry about Russia invading the Baltics* // *The Washington Post*. 2015. Nov. 12. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/11/12/6-reasons-not-to-worry-about-russia-invading-the-baltics/> (дата обращения: 29.07.2020).

⁹ *The European Deterrence Initiative: A Budgetary Overview* // *Congressional Research Service*. 2020. June 16. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/IF10946.pdf> (дата обращения: 26.06.2020).

«Прямые коммерческие продажи» они получили от США за тот же период соответствующей продукции на сумму почти 350 млн дол. Также про программе «Зарубежное военное финансирование» США выделили этим трем странам около 250 млн дол. на совершенствование их потенциала в сфере радиоэлектронной борьбы и «гибридных войн», пограничной охраны, систем обеспечения безопасности в морском и воздушном пространстве, на повышение оперативной совместимости с вооруженными силами стран НАТО¹⁰.

Балтийский регион на повестке дня НАТО. Основную роль в реализации своих политических приоритетов в Балтийском регионе Вашингтон отводит Североатлантическому союзу, тем более что, как говорилось выше, украинский кризис остро поставил вопрос о необходимости разработки в рамках НАТО детальных планов обороны прибалтийских государств. После начала украинского кризиса была расширена функция воздушной полиции НАТО в государствах Балтии. По решению саммита НАТО в Уэльсе (сентябрь 2014 года) были созданы «Межвидовые силы очень высокой боевой готовности», а варшавский саммит (июль 2016 года) в рамках программы «расширенного передового присутствия» принял решение о развертывании четырех боевых групп батальонного состава на ротационной основе. Основой этих боевых групп стали воинские контингенты из США, Великобритании, Канады и ФРГ. На территории Польши также создана штаб-квартира для многонациональной дивизии [19].

В июле 2018 года Североатлантический альянс на саммите в Брюсселе утвердил инициативу «4 x 30», которая предполагает, что Альянс с 2020 года будет способен привести в боевую готовность 30 батальонов, 30 авиаэскадрилий и 30 боевых кораблей максимум в течение 30 суток. Эти силы должны в случае необходимости усилить многонациональные батальоны в Польше, Литве, Латвии и Эстонии¹¹.

С января 2017 года в Польшу также перебрасываются бронетанковые бригадные группы ВС США (каждая сроком на 9 месяцев и численностью около 4,5 тыс. военнослужащих), дополняемые боевой вертолетной бригадой. В июне 2019 года президенты США и Польши Д. Трамп и А. Дуда договорились, что американское ротационное военное присутствие в этой стране будет увеличено дополнительно примерно на 1 тыс. военнослужащих. Также в Польше планируется разместить эскадрилью американских беспилотников MQ-9 Reaper.

Правда, эти шаги мыслятся Вашингтоном не в последнюю очередь как компенсация за его нежелание размещать на польской территории, а также в Прибалтийских странах свои войска на постоянной основе. Однако и в США ряд экспертов поддерживают желание новых союзников Вашингтона по НАТО в регионе обеспечить на их территориях дополнительное американское военное присутствие ([20]), а бывший командующий сухопутными силами США в Европе генерал Б. Ходжес считает, что в Латвии, Литве и Эстонии необходимо разместить американские подразделения, в задачу которых входили бы логистические, разведывательные и коммуникационные задачи, а также совершенствование противовоздушной и противоракетной обороны¹².

¹⁰ U.S. Security Cooperation With the Baltic States // U.S. Department of State. Bureau of Political-Military Affairs. 2020. June 11. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-the-baltic-states/> (дата обращения: 19.06.2020).

¹¹ Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11–12 July 2018 // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm#14 (дата обращения: 27.06.2020).

¹² Judson J. Do the Baltics need more US military support to deter Russia? // Defense News. 2019. July 16. URL: <https://www.defensenews.com/land/2019/07/15/do-the-baltics-need-more-us-military-support-to-deter-russia/> (дата обращения: 26.07.2020).

При этом Польша рассматривается Вашингтоном как один из самых перспективных в Восточной Европе рынков для американских вооружений. В конце января 2020 года был подписан контракт между Польшей и США на закупку 32 истребителей F-35A Lightning II на сумму 4,6 млрд дол. Он предусматривает не только закупку самолетов, но и обучение польских пилотов, инструктаж на тренажерах и американское содействие польской стороне в сфере логистики. Это уже вторая крупная сделка по поставке Польше американских истребителей после покупки в 2000-х годах 48 самолетов F-16. Следует упомянуть также о соглашении 2018 года между США и Польшей о поставках ракетных комплексов «Пэтриот».

Принятые НАТО после 2014 года решения по увеличению своего военного присутствия в Балтийском регионе говорят о том, что США в данном вопросе не испытывают особых проблем с мобилизацией даже тех своих союзников в «старой Европе» (в частности, Германии и Франции), которые не желают жертвовать преимуществами своих связей с Россией. Приход в Белый дом Д. Трампа, который привнес немалый конфликтный потенциал в отношении с Европой, не нарушил принципиальным образом внутриамериканского консенсуса относительно необходимости отпора «российской экспансии». Единственным камнем преткновения в достижении Альянсом согласия по «прибалтийскому вопросу» грозила стать в конце 2019 года блокировка Турцией плана обороны Прибалтийских государств и Польши на декабрьском саммите НАТО в Лондоне. Президент Р.Т. Эрдоган требовал от союзников по альянсу, чтобы они в обмен на одобрение Анкарой этого плана согласились признать террористическими курдские вооруженные формирования YPG в Северной Сирии. Это стало свидетельством того, что для одного из ключевых союзников США по НАТО проблемы в собственном геополитическом окружении намного важнее проблем далекого от Турции региона Балтики, и на возникших из-за этого «трещинах» между Анкарой и НАТО, как предостерегает эксперт из Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) Р. Элехуус, не замедлила сыграть Россия [21]. Правда, в конце июня 2020 года Турция сняла свои возражения против введения в действие плана обороны Польши и стран Балтии¹⁵.

События 2014 года стали предлогом для НАТО, чтобы существенно увеличить количество и масштаб своих военных учений в регионе Балтийского моря. Так, Шведский институт оборонных исследований (FOI) отмечает, что с 2014 по 2019 год число учений, проводимых в регионе НАТО совместно со странами — партнерами Альянса возросло со 155 до 310 [22, р. 22]. Наиболее крупные учения, проводимые Западом в Балтийском и соседних с ним регионах: *Joint Warrior*, *Anaconda*, *Cold Response*, *Saber Strike*, *Baltops*, *Trident Juncture*.

Правда, пандемия COVID-19 вынудила НАТО, а также страны, активизирующие военное сотрудничество с ним, сократить масштаб и количество своих учений, и это непосредственно коснулось Балтийского региона (аналогичные меры были предприняты и Россией). Из-за того, что пандемия затронула многонациональный батальон, развернутый в Литве, было отложено проведение в регионе крупных военных учений НАТО *Defender-Europe 20* (они были проведены в скорректированном виде в июне). Пришлось также отменить намеченные на май — июнь 2020 года в Швеции учения *Aurora-2020*, на которые США должны были направить крупнейший из иностранных контингентов. Подобные чрезвычайные ситуации глобального масштаба способны оказать непосредственное влияние не только на боеготовность сил НАТО, но и в целом на доверие к альянсу [23].

¹⁵ NATO puts defence plan for Poland, Baltics into action, officials say // Reuters. 2020. July 2. URL: <https://www.reuters.com/article/us-nato-baltics-turkey/nato-puts-defence-plan-for-poland-baltics-into-action-officials-say-idUSKBN24320B> (дата обращения: 27.07.2020).

Балтийский регион после начала в 2014 году кризиса вокруг Украины характеризуется высокой концентрацией опасных военных инцидентов между Россией и НАТО (среди которых следует отметить инциденты в июне 2017 года и августе 2019 года, когда истребители стран НАТО пытались приблизиться к самолету министра обороны РФ С. Шойгу). Наиболее алармистски настроенные эксперты, в частности американский аналитик Л. Томпсон (Лексингтонский институт), даже считают, что именно с Балтийского региона с наибольшей степенью вероятности может начаться война с применением нестратегического ядерного оружия, и поводом для этого станут необходимость защиты безопасности Эстонии, Латвии и Литвы либо угроза для Калининградской области. Такая вероятность, по мнению эксперта, обусловлена прежде всего непосредственной близостью Прибалтийских стран к крупнейшим политическим и военным центрам России, необходимостью для Вашингтона обеспечивать гарантии безопасности всем союзникам по НАТО и в то же время весьма ограниченным ресурсом, имеющимся у НАТО для защиты этих государств с помощью обычных вооружений [24].

В явном меньшинстве в американском (и в целом западном) политико-академическом сообществе, специализирующемся на проблемах Балтийского и других восточноевропейских регионов, оказываются те его представители, которые признают (как, в частности, аналитик Фонда Карнеги У. Кюн), что избыточная реакция на угрозу «российской агрессии» против стран Балтии не менее опасна, чем недостаточная, а главная опасность для региона состоит в эскалации российско-натовского военного противостояния в регионе [25, р. 23—31].

Один из поводов для озабоченности США и НАТО — инфраструктурная изоляция Прибалтики от остальной территории НАТО, недостаток или низкий технический уровень магистральных шоссейных и железнодорожных путей, которые могли бы обеспечивать доставку воинских контингентов и военных грузов из Западной Европы в этот регион. Эта изоляция порождается в первую очередь непригодностью существующей схемы железных дорог — с их доставшимся от СССР стандартом колеи 1520 мм и ориентацией с востока на запад — для реализации стратегии западного альянса [26]. Финансируемый Евросоюзом железнодорожный проект *Rail Baltica* со стандартной европейской шириной колеи (1435 мм) при всей своей спорности с экономической точки зрения (он вряд ли способен обеспечить объем грузо- и пассажирооборота, необходимого для своей окупаемости в обозримом будущем) может иметь смысл с точки зрения логистического обеспечения стратегии НАТО не только в Балтийском регионе, но и в целом в Центральной и Восточной Европе. Аналитик Джеймстаунского фонда О. Никерс утверждает, что магистраль *Rail Baltica* благодаря совместимости своей колеи с европейской поможет НАТО бесперебойно транспортировать крупные партии военных грузов из Германии и Польши в Прибалтийские государства, экономя время, персонал и транспортное оборудование, необходимое для перехода на другую колею, и способна приобрести ключевое значение для обороны Прибалтийских государств [27].

Хотя необходимость отпора «российской агрессии» после событий 2014 года смогла в известной мере сплотить страны — члены НАТО под американским лидерством, неопределенность в вопросе о готовности США защищать своих союзников вне зависимости от их географического положения, размеров, доли в мировом ВВП, вклада в военные усилия НАТО остается. Несмотря на то, что украинский кризис способствовал росту военного противостояния в Балтийском регионе и усилил опасности, связанные с его эскалацией и отсутствием общепризнанных правил игры между противостоящими сторонами, полный возврат к модели времен холодной войны не представляется возможным. Это означает, что в стратегических планах Вашингтона защита граничащих с Россией периферийных государств на восточном фланге

НАТО, вплоть до применения ст. 5 Вашингтонского договора, неизбежно будет иметь меньшую приоритетность в сравнении с защитой «старых» союзников в Западной Европе, ведь даже намеченные НАТО меры по увеличению своего военного присутствия в регионе не дают Альянсу реальных возможностей компенсировать то резкое сокращение численности войск и вооружений, которое произошло в Европе после холодной войны. В этом смысле следует согласиться с профессором Гарвардского университета Г. Аллисоном, который, проводя параллели между возможностью оказания США помощи Тайваню в случае объявления им независимости вслед за подавлением китайскими властями протестов в Гонконге и столь же гипотетической возможностью помощи Латвии, если Россия аннексирует часть ее территории в ответ на подавление восстания русскоязычных рабочих на рижских судостроительных верфях, утверждает, что прямой военный ответ со стороны США (в том числе с применением ст. 5) ни в том, ни в другом случае невозможен и нецелесообразен, а значит, для США «настало время подвергнуть [руководимые ими] альянсы такому же стресс-тесту, какой испытывали банки после финансового кризиса 2008 года» [28, р. 38].

США, Россия и «гибридные войны» на Балтике. Балтийский регион в период, наступивший после украинского кризиса, был избран Вашингтоном в качестве одного из центральных полигонов для отработки стратегии противодействия «гибридным войнам», якобы ведущимся Россией против Запада и отработанным ею в ходе присоединения Крыма. Особенное внимание разработке этой темы уделяется в исследованиях, проводимых корпорацией «РЭНД» (RAND) [29—31]. Сам термин «гибридные войны» не имеет общепринятого определения и четких критериев. Однако в упомянутый период в экспертном дискурсе на Западе наиболее распространенной стала трактовка данного термина, которая описывает соответствующие «войны» как активное совмещение военных и невоенных методов противостояния враждующих сторон, применение инструментов, связанных с завоеванием политического влияния, созданием информационного превосходства и экономического доминирования, с вмешательством в выборы и прочие внутривнутриполитические процессы стран-конкурентов, в особенности, если при этом используются кибертехнологии (в частности, хакерские атаки).

То, что ряд стран Балтийского региона, в первую очередь Эстония, Латвия и Литва, рассматриваются американскими сторонниками «сдерживания» России как один из первоочередных объектов российского «гибридного» воздействия, обусловлено сохраняющейся энергетической зависимостью этих стран от Москвы и транспортно-инфраструктурной привязкой к постсоветскому пространству, а также высокой долей русскоязычного населения в первых двух из названных республик. Не решенная там проблема массового безгражданства — хотя в этой сфере и делаются определенные шаги к либерализации соответствующего законодательства, а число неграждан по объективным причинам снижается — создает базу для деструктивного, по мнению разработчиков американских стратегических концепций, российского влияния. В этой связи даже самые антироссийски настроенные американские специалисты признают, что, только расширив сферу использования русского языка, увеличив расходы на русскоязычное образование и дав дополнительные возможности получения гражданства тем мигрантам, которые прибыли в прибалтийские страны в советские годы, и их потомкам, власти Эстонии и Латвии смогут добиться уменьшения этого влияния (пусть даже это противоречит националистическому нарративу, сопровождавшему появление этих государств) [30, р. 31—33].

Тема отпора «гибридным» угрозам регулярно становится одной из главных на саммитах НАТО с 2014 года. В Варшаве (2016) и в Брюсселе (2018) она, правда, без указания на то, от кого конкретно исходит подобная угроза, упоминалась в итоговых документах уже в увязке с возможностью применения ст. 5 Вашингтонского

договора. На брюссельском саммите альянс объявил о создании специальных групп поддержки в противодействии «гибридным» угрозам с целью оказания адресной помощи тем или иным странам НАТО¹⁴.

В разрабатываемой Альянсом стратегии противодействия «гибридным» угрозам заметную роль играет Центр НАТО по сотрудничеству в сфере кибербезопасности, который был создан в Таллине еще в 2008 году. В его работе участвуют представители 25 стран, в том числе не входящих в НАТО Австрии, Финляндии и Швеции.

Финляндия и Швеция в военных планах США и НАТО. Конфронтация между Россией и Западом размывает внеблоковый статус Финляндии и Швеции, которые все активнее вовлекаются в совместную военную активность с НАТО (в том числе путем участия в военных учениях, в частности *Aurora*, *Baltops* и *Cold Response*), хотя пока на официальном уровне и не ставят задачу вступления в НАТО. На саммите НАТО в Уэльсе (2014) эти две страны подписали меморандумы с НАТО о присоединении к программе Альянса «Поддержка принимающей страны» (*Host Nation Support*), что предполагает возможность приглашать силы НАТО в кризисных ситуациях и для проведения учений. В экспертном сообществе, как в этих странах, так и в США, обсуждение целесообразности более активного американского военного присутствия в регионе Балтийского моря, необходимости оказания Хельсинки и Стокгольмом более ощутимой поддержки Вашингтону и по крайней мере рассмотрения возможности их вступления в НАТО уже вышло за рамки сугубо академических дискуссий [17; 32—34]. Один из аналитиков, в частности, считает, что если Швеция предоставит НАТО свое воздушное пространство, аэродромы и территориальные воды, положение России и возможности ее военного планирования существенно осложнятся, а баланс сил в регионе изменится. НАТО, по его мнению, должно поощрять Швецию и Финляндию к тому, чтобы вступить в Альянс в качестве полноправных членов в случае «российской агрессии» против Прибалтийских стран [17, р. 27].

Несмотря на растущие стимулы к укреплению военно-политического сотрудничества с США и НАТО, у этих двух стран остаются серьезные преграды для вступления в Североатлантический альянс. Финляндия, не отказавшаяся даже после присоединения к антироссийским санкциям из-за событий вокруг Украины от традиции «привилегированных отношений» с Москвой, считает контрпродуктивным идти на серьезное ухудшение этих отношений, которое, без сомнения, произойдет, если она без каких-либо провоцирующих действий со стороны России вступит в НАТО. К тому же, как указывают К. Худoley и Д. Ланко, в Финляндии велики опасения, что страна в случае присоединения к НАТО будет втянута в войну в далеких от нее регионах и ради чуждых ей интересов [35, с. 17]. Такие же опасения существуют и у Швеции. Кроме того, как представляется, Швеция, имеющая развитую военную промышленность и значительно меньше, чем Финляндия, зависящая от импорта продукции американского ВПК, не хочет усиливать эту зависимость, что станет неизбежным в случае вступления в НАТО. В то же время в деле давления на Россию в украинском вопросе, сохранения санкций против Москвы или в вопросе о российском военном присутствии на Балтике и в Северной Европе Стокгольм может стать эффективным союзником Вашингтона и даже способен компенсировать для США уход Великобритании из ЕС в плане воздействия на внешнюю политику Евросоюза [36, с. 383].

¹⁴ *Brussels Summit Declaration*. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11 — 12 July 2018 North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 21.06.2020).

Балтийский регион и американские приоритеты в сфере энергетической безопасности

Балтийское море и прилегающие к нему страны еще в первые годы XXI века стали одной из основных арен борьбы Вашингтона против российского «энергетического оружия». Американские аналитики, обосновывающие необходимость нейтрализации российского влияния в данной сфере, отмечают вызовы, с одной стороны, общерегионального плана (особенно критическую зависимость большинства стран региона от российских поставок углеводородного сырья), с другой — «угрозы», которым подвержены именно Эстония, Латвия и Литва как бывшие республики СССР и которые связаны прежде всего со сферой электроэнергетики и ее инфраструктуры. Речь идет об унаследованной от СССР привязке их электросетей к сетям России и Беларуси и о необходимости отказа от этой привязки, выхода прибалтийской «тройки» из энергокольца БРЭЛЛ (соглашение об этом энергокольце было подписано в 2001 году) и переподключения их энергосетей к сетям Евросоюза [37, р. 123—125].

Начиная с администрации Дж. Буша-мл., Вашингтон неизменно делал ставку на ослабление энергетических рычагов влияния России в Европе, возводя зависимость своих военно-политических союзников от российских нефтегазовых поставок в ранг угроз национальной безопасности. Одной из главных таких «угроз» стало сотрудничество России и Германии в строительстве газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» по дну Балтийского моря в обход территорий Польши и Прибалтийских стран, чье недовольство указанными проектами США активно эксплуатируют. С середины второго десятилетия XXI века главным инструментом в продвижении Вашингтоном своей концепции энергетической безопасности Балтийского и других регионов ЦВЕ становится налаживание поставок американского сжиженного природного газа (СПГ) — параллельно с газовыми поставками из других альтернативных источников (Норвегия, Катар). Первые шаги к этому были сделаны еще администрацией Б. Обамы. Однако только с приходом Д. Трампа политика максимально возможного замещения российского газа американским СПГ (в том числе на рынках Балтийского региона) стала приобретать системный характер, преследуя главную цель — не допустить формирования энергетического альянса между Россией и Евросоюзом.

Для продвижения американских энергоресурсов на рынки Балтийского и других регионов Восточной Европы задействуется «Инициатива трех морей», поддержанная Вашингтоном еще во время президентства Б. Обамы. Этот проект (Балто-Адриато-Черноморская инициатива), охватывающий 12 стран Центральной и Юго-Восточной Европы и восходящий к межвоенной польской концепции «междуморья», был выдвинут в 2015 году президентом Хорватии К. Грабар-Китарович и президентом Польши А. Дудой. В июле 2017 года на «Саммите трех морей» в Варшаве президент Д. Трамп выступил со своего рода программной речью по вопросу о переориентации углеводородного рынка региона с российских поставок на альтернативные источники, в том числе на сжиженный природный газ из США. Он говорил о необходимости создания новой энергетической инфраструктуры в данном регионе, обеспечения более широкого доступа к энергетическим рынкам, снижения барьеров в торговле энергоресурсами¹⁵.

¹⁵ Read Donald Trump's Remarks at the Three Seas Initiative Summit in Poland // Time. 2017. July 6. URL: <http://time.com/4846780/read-donald-trump-speech-warsaw-poland-transcript/> (дата обращения: 10.06.2020).

Государственный секретарь США М. Помпео в ходе Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2020 года анонсировал новый пакет американской помощи центрально- и восточноевропейским странам в размере до 1 млрд дол. в рамках «Инициативы трех морей»¹⁶.

Продвижение американских интересов в сфере энергетики в Балтийском регионе активно увязывается с проблематикой противодействия «гибридным» угрозам. Так, в начале октября 2019 года министр энергетики США Р. Перри в ходе своего турне по странам Балтии подписал в Вильнюсе (где он участвовал в конференции «Партнерства ради трансатлантического сотрудничества в энергетике») со своими коллегами из Литвы, Латвии и Эстонии декларацию о гарантиях поддержки в вопросах защиты энергетической инфраструктуры этих стран от кибератак¹⁷.

«Северный поток-2» при администрации Д. Трампа стал главной мишенью США при формировании энергетической стратегии США в Европе, ведь подобные проекты не только увеличивают зависимость Германии (а также других стран, в которые по газопроводу может пойти российский газ) от «Газпрома», но и усиливают двойственность позиций политических элит европейских стран. Санкции США против «Северного потока-2» (а они инкорпорированы в различные законодательные акты, начиная с подписанного президентом Д. Трампом в августе 2017 года «Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций», а также в законодательство об оборонном бюджете) стали частью общей санкционной политики против России, хотя затронутыми этими мерами оказывается не только Россия, но и те европейские компании, которые участвуют в создании проекта.

Фактически на руку Вашингтону в его стремлении если не сорвать, то затруднить реализацию «Северного потока-2» играют некоторые ключевые нормативные акты Евросоюза, в частности Третий энергетический пакет, принятый в 2009 году и требующий от компаний, действующих в сфере ТЭК, разделения бизнеса по добыче энергоносителей и бизнеса по их транспортировке, а также утвержденные в 2019 году поправки к Газовой директиве ЕС, распространяющие нормы Третьего энергопакета на морские газопроводы, идущие в ЕС из третьих стран.

Главным в Балтийском регионе проводником стратегии по продвижению американского СПГ стала Польша, которая не намерена продлевать после 2022 года контракт с «Газпромом» на поставку газа и рассчитывает заместить большую часть выпадающих объемов топлива поставками из альтернативных источников. Помимо закупок у Катара и планируемых поставок норвежского газа по строящемуся газопроводу *Baltic Pipe* польская государственная энергетическая компания *PGNiG* заключила в 2018—2019 годах несколько контрактов с американскими компаниями (*Cheniere, Ventures Global LNG, Sempra Energy*) по закупке сжиженного газа. В результате, как планируется, Варшава с 2023 года будет получать почти 10 млрд кубометров американского СПГ (это составляет примерно половину нынешнего потребления газа в стране) и рассчитывает стать распределительным узлом для газовых поставок в другие страны Восточной Европы.

Другим союзником Вашингтона в борьбе против российского «энергетического оружия» выступает Литва. В 2012 году по решению саммита НАТО в Чикаго Центр

¹⁶ *The West is Winning*. Speech Michael R. Pompeo, Secretary of State. Munich, Germany. Munich Security Conference. 2020. February 15. URL: <https://www.state.gov/the-west-is-winning/> (дата обращения: 06.06.2020).

¹⁷ *Secretary of Energy Rick Perry's Keynote Address at the 2nd P-TEC Meeting // U.S. Embassy in Lithuania*. 2019. October 7. URL: <https://lt.usembassy.gov/secretary-of-energy-rick-perrys-keynote-address-at-the-2nd-partnership-for-transatlantic-energy-cooperation-p-tec/> (дата обращения: 27.05.2020).

энергетической безопасности Литвы стал аккредитованным центром передового опыта НАТО. В августе 2017 года в Клайпедский порт, где Литва в 2014 году оборудовала терминал СПГ, была доставлена первая партия американского сжиженного газа. Американско-литовский эксперт по энергетической геополитике А. Григас тогда выразила уверенность, что США отныне станут мощным глобальным поставщиком газа и что американские компании готовы конкурировать с «Газпромом» даже на самых традиционных для него рынках [38]. Латвия и Эстония также поддерживают проекты по строительству на своих территориях терминалов для СПГ и газопроводов и рассматривают эти терминалы как хабы для транспортировки СПГ в другие страны, стремящиеся к уменьшению зависимости от российских углеводородов (в частности, в Беларусь).

Главным препятствием для расширения поставок американского СПГ в страны Балтийского региона является его высокая стоимость и большие затраты на доставку¹⁸. С 2019 года клайпедский плавучий терминал стал также использоваться для приема помимо норвежского и американского также российского СПГ от российской компании «Новатэк» с завода в г. Высоцке. Озабоченность подобными тенденциями выражена в докладе Департамента госбезопасности Литвы (февраль 2020 года), который утверждает, что «Новатэк» способен предложить более низкие цены на СПГ только благодаря преференциальным условиям его экспорта, которые дает российское правительство, и Россия таким образом реализует задачу сохранения доминирующих позиций на балтийском энергорынке¹⁹.

В то же время, несмотря на то, что «энергетический щит», который администрация Д. Трампа обещает странам Европы, не дает никаких гарантий стабильных поставок нужных им объемов газа на более выгодных условиях, чем от России, эти американские обещания позволяют наиболее антироссийски настроенным правительствам Балтийского региона добиваться дополнительных уступок в торге с «Газпромом», ставить под угрозу его стратегию долгосрочных контрактов на поставки и транзит газа, создавать дополнительные препятствия для не устраивающих их российских энерготранспортных проектов, в первую очередь «Северного потока-2».

Заключение

Анализ основных тенденций в политике США в отношении Балтийского региона в тот период, когда напряженность между Россией и Западом существенно обострилась, позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, данный регион не входит в число тех, от которых зависит формирование долгосрочных стратегических интересов США, с другой — для Вашингтона он приобретает важное инструментальное значение как полигон для сдерживания «неприемлемого» поведения России и препятствования сближению между Россией и Европейским союзом.

Действительно, США и под их влиянием другие ведущие союзники делают ставку на наращивание своего военного потенциала в Балтийском регионе с целью противодействия «российской угрозе». Бывшие республики советской Прибалти-

¹⁸ К концу мая 2020 года доля СПГ из США в общем объеме этого топлива, поступившем на клайпедский терминал, составила 5,47% (*Lithuanian LNG terminal proving to be a player in the global market*) // LNG Industry. 2020. May 26. URL: <https://www.lngindustry.com/liquid-natural-gas/26052020/lithuanian-lng-terminal-proving-to-be-a-player-in-the-global-market/> (дата обращения: 04.07.2020).

¹⁹ *Russian gas imports via Klaipeda named as risk to Lithuania's energy independence* // The Baltic Times. 04.02.2020. URL: https://www.baltictimes.com/russian_gas_imports_via_klaipeda_named_as_risk_to_lithuania_s_energy_independence/ (дата обращения: 04.07.2020).

ки, кроме того, рассматриваются Вашингтоном как один из главных плацдармов противостояния с Россией в сфере «гибридных войн». В период президентства Д. Трампа реализация этих задач оказалась едва ли не единственной продуктивной основой для сплочения под американским крылом тех союзников Вашингтона (если говорить о Балтийском регионе, то это в первую очередь Германия), отношения с которыми у США в эти годы стали особенно напряженными.

Однако политическая конъюнктура, складывающаяся после 2014 года, не способна изменить главное — неопределенность в вопросе о готовности США обеспечить защиту своим союзникам в регионе, в том числе с возможным применением ст. 5 Вашингтонского договора. Приход Д. Трампа с его коммерческим и эгоистическим подходом к отношениям с союзниками, выход из ключевых договоров по контролю над вооружениями, торговые войны с важнейшими партнерами США только усилили эту неопределенность.

Если администрация Б. Обамы ради защиты стран Восточной Европы от «росийской агрессии» была готова отодвинуть на задний план вопрос о недостаточном вкладе государств-союзников в совместные оборонные усилия, то Д. Трамп сделал этот вопрос одним из ключевых. В результате этого (равно как и вследствие той войны, которую его администрация развязала против проекта «Северный поток-2») «дала трещину» политическая сплоченность государств региона вокруг США. Обострились, в частности, традиционные германо-польские противоречия, где Варшава еще более демонстративно подтверждает свою роль авангарда проамериканской линии. Это наглядно проявилось, когда в июне 2020 года президент Д. Трамп объявил о намерении вывести из Германии 9,5 тыс. американских военнослужащих из-за невыполнения ею 2%-ного норматива военных расходов и стремления и дальше поддерживать «Северный поток-2», а Польша выразила готовность принять у себя эти силы.

Для России ситуация в Балтийском регионе после начала украинского кризиса несет еще большую опасность втягивания в гонку вооружений и даже военного столкновения с НАТО (пусть и непреднамеренного). В то же время эта напряженность заставляет лидеров по крайней мере некоторых государств региона, даже относящихся к России отнюдь не позитивно, искать пути восстановления контактов с Москвой в условиях, когда возрастает опасность превращения этих государств в арену боевых действий (в том числе с применением ядерного оружия). Об этом свидетельствует, в частности, весьма необычный для нынешней военно-политической ситуации визит в Москву президента Эстонии К. Кальюлайд в апреле 2019 года.

Прибалтийские государства, помимо стремления избежать неконтролируемого роста напряженности с Россией, в своих контактах с Москвой преследуют цель восстановить позиции на российском рынке, стимулировать ее к активизации транспортного и транзитного сотрудничества, надеясь остановить переориентацию российского транзита на собственные балтийские порты.

Есть и признаки налаживания диалога России с теми Скандинавскими государствами, которые до сих пор старались воздерживаться от такого диалога и активно участвовали в антироссийских информационных кампаниях. Здесь следует отметить приезд на V Международный арктический форум «Арктика — территория диалога», состоявшийся в апреле 2019 года в Санкт-Петербурге, премьер-министров Швеции и Норвегии С. Лёвена и Э. Сульберга.

В 2020 году Москва выступила с инициативой о возобновлении регулярных встреч глав правительств Совета государств Балтийского моря (СГБМ). Ее выдвинул министр иностранных дел РФ С.В. Лавров в ходе состоявшейся в середине мая в онлайн-формате (из-за пандемии COVID-19) встречи министров иностранных дел СГБМ²⁰.

²⁰ *Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Совета государств Балтийского моря в формате видеоконференции, Москва, 19 мая 2020 года. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4133375 (дата обращения: 02.06.2020).*

В то же время, как представляется, реальный прорыв в реформировании той системы отношений, которые сложились в Балтийском регионе (как и во всей зоне соприкосновения между Россией и западным альянсом), будет возможен лишь тогда, когда страны региона начнут осознавать себя как субъекты с собственными интересами, а не просто инструменты в соперничестве Москвы и Вашингтона, и придут к пониманию того, что выстраивание своих стратегических приоритетов в расчете на дальнейшее «геополитическое сжатие» России и на гарантированную американскую защиту не имеет перспектив.

Список литературы

1. Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т. и др. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 7—28. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-1.
2. Межевич Н.М. К вопросу об идентификации понятия «Балтийский регион» // Псковский регионологический журнал. 2007. № 5. С. 14—17.
3. Ковалёв А.А., Балашов А.И. Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 6. С. 1151—1165. <https://doi.org/10.24891/ni.14.6.1151>.
4. Milevski L. The West's East: Contemporary Baltic Defense in Strategic Perspective. Oxford University Press, 2018.
5. Hanska J. The Role of the Baltic Region for the United States. An Analysis of the U.S. Presidential Rhetoric from the Reagan Years to Today // FIIA Working Paper. 2015. April.
6. Караганов С.А. Как победить в холодной войне // Россия в глобальной политике. 2018. 14 сент. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-pobedit-v-holodnoj-vojne-2/> (дата обращения: 17.06.2020).
7. Lucas E. The New Cold War: Putin's Russia and Threat to the West. L., 2014.
8. Legvold R. Managing the New Cold War: What Moscow and Washington Can Learn From the Last One // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93, №4. P. 74—84.
9. Худолеев К.К. «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 4—24. doi: 10.5922/20798555201931.
10. Vershbow A., Breedlove Ph. Permanent Deterrence: Enhancements to the US Military Presence in North Central Europe // Atlantic Council. Scowcroft Center for Strategy and Security, 2018.
11. Воловой В., Баторшина И.А. Система безопасности в Балтийском регионе как проекция глобального противостояния России и США // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №1. С. 27—43. doi: 10.5922/2074-9848-201-1-2.12.
12. Смирнов П.Е. США и кризис глобального управления в период администрации Д. Трампа // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 4. С. 127—141. doi: 10.31429/26190567-20-4-127-141.
13. Rapp-Hooper M. Saving America's Alliances. The United States Still Needs the System That Put It on Top // Foreign Affairs. Vol. 99, № 2. P. 127—140.
14. Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века / под ред. В.И. Батюка. М., 2017.
15. Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Балтийском и Североевропейском регионах // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 48—64. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-3.
16. Hodges B., Bugajski J., Wojcik R., Schmiedl C. One Flank, One Threat, One Presence. A Strategy for NATO's Eastern Flank // Center for European Policy Analysis. 2020. May.
17. Hooker R.D., Jr. How to Defend the Baltic States // The Jamestown Foundation. Washington D.C., 2019.
18. Francis D. The US is defending Europe by blocking Putin's pipeline // Atlantic Council. 2020. June 24. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/the-us-is-defending-europe-by-blocking-putins-pipeline/> (дата обращения: 06.07.2020).

19. Батюк В.И. США и военная безопасность Европы: эволюция подходов // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 3. С. 207—220. doi: 10.23952/2542-0240-2019-12-3-207-220.
20. Chivvis C.S. The Baltic Balance. How to Reduce the Chances of War in Europe // *Foreign Affairs*. 2015. July 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/baltics/2015-07-01/baltic-balance> (дата обращения: 23.06.2020).
21. Ellehuus R. Turkey and NATO: A Relationship Worth Saving // *Center for Strategic & International Studies*. 2019. December 2. URL: <https://www.csis.org/analysis/turkey-and-nato-relationship-worth-saving> (дата обращения: 29.07.2020).
22. Aronson A., Olsson B. Västlig militär övningsverksamhet 2014—2019. Anpassning, utveckling och framsteg // FOI. 2020. Mars.
23. Skaluba Ch., Brzezinski I. Coronavirus and transatlantic security: Implications for defense planning // *Atlantic Council*. 2020. Mar. 30. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/coronavirus-and-transatlantic-security-implications-for-defense-planning/> (дата обращения: 08.06.2020).
24. Thompson L. Why The Baltic States Are Where Nuclear War Is Most Likely To Begin. // *The National Interest*. 2016. July 20. URL: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/why-the-baltic-states-are-where-nuclear-war-most-likely-17044> (дата обращения: 31.05.2020).
25. Kühn U. Preventing Escalation in the Baltics. A NATO Playbook // *Carnegie Endowment for International Peace*. Washington, 2018.
26. Thomas M. The Current Status of Transportation Infrastructure in the Baltics // *Foreign Policy Research Institute*. *Baltic Bulletin*. 2020. April 17. URL: <https://www.fpri.org/article/2020/04/the-current-status-of-transportation-infrastructure-in-the-baltics/> (дата обращения: 28.05.2020).
27. Nikers O. New Railroad Agreement a National Security Milestone for Baltic Allies, Poland, EU, and NATO // *Atlantic Council*. Oct. 24. 2016. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/new-railroad-agreement-a-national-security-milestone-for-baltic-allies-poland-eu-and-nato/> (дата обращения: 26.05.2020).
28. Allison G. The New Spheres of Influence. Sharing the Globe With Other Great Powers // *Foreign Affairs*. 2020. Vol. 99, № 2. P. 30—40.
29. Larrabee S., Pezard S., Radin A. et al. Russia and the West After the Ukrainian Crisis // *RAND Corporation*. Santa Monica, Calif., 2017.
30. Radin A. Hybrid Warfare in the Baltics. Threats and Potential Responses // *RAND Corporation*, Santa Monica, Calif., 2017.
31. Cohen R., Radin A. Russia's Hostile Measures in Europe. Understanding the Threat // *RAND Corporation*. Santa Monica, Calif., 2019.
32. Andersson J. J. Nordic NATO. Why It's Time For Finland and Sweden to Join the Alliance // *Foreign Affairs*. 2014. April 30. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/finland/2014-04-30/nordic-nato> (дата обращения: 31.05.2020).
33. Nilsson C.H. Sverige och USA måste fördjupa militärt samarbete // *Natobloggen*. 2016. 21 juni. URL: <http://natobloggen.se/2016/06/21/sverige-och-usa-maste-fordjupa-forsvarssamarbetet/> (дата обращения: 02.07.2020).
34. Brattberg E. Sveriges säkerhetspolitiska förhållande med USA i en ny tid // *Internasjonal Politikk*. 2017. Vol. 75, № 1. P. 21—27. doi: <http://dx.doi.org/10.23865/ip.v75.691>
35. Худoley К.К., Ланко Д.А. Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 3. С. 13—20. doi: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20.
36. Кислицын С.В. Военно-политическое сотрудничество США с Финляндией и Швецией на современном этапе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2018. Т. 11, вып. 4. С. 376—389. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.404>.
37. *Baltic Security Strategic Report*. What the Baltics Can Offer for a Stronger Alliance / O. Nikers, O. Tabuns (ed.) // *The Jamestown Foundation*. Washington, D.C. 2019.
38. Grigas A. U.S. Natural Gas Arrives in Lithuania. What It Means for Russia and the Baltic Region // *Foreign Affairs*. 2017. September 12. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/baltics/2017-09-12/us-natural-gas-arrives-lithuania> (дата обращения: 02.07.2020).

Об авторе

Павел Евгеньевич Смирнов, старший научный сотрудник, Институт США и Канады РАН, Россия.

E-mail: smi-pavel@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4757-8099>

THE EVOLUTION OF US POLITICAL PRIORITIES IN THE BALTIC SEA REGION IN THE 2010s

P. E. Smirnov

Institute for the US and Canadian Studies
of the Russian Academy of Sciences
2/3 Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russia

Received 09 July 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-1
© Smirnov, P.E., 2020

The fundamental geopolitical changes in the Baltic Sea region after the end of the Cold War caused the United States to revise its priorities in that part of the world. The process became especially apparent in the second decade of the 21st century when the Ukraine crisis brought to light the consequences of NATO and EU enlargement to the former Warsaw Treaty allies and the Baltic States. This article shows how the US, motivated by the need to 'contain' Russia, was developing its overall approaches to ensuring its political leadership in the Baltic region. It demonstrates how Washington is planning to reduce the vulnerability of certain nations of the region to Russia's military and non-military influence and what steps the US and its NATO allies have taken in this direction. It is argued that, although the Western military buildup in the Baltic Sea region and the US attempts to neutralise Russian 'hybrid' instruments are unable to increase substantially the defence capabilities of NATO allies in the Baltic, the security dynamics in the region are likely to turn it into an arena for a struggle between Russia and the West. Russia will benefit from seeing the Baltic region nations not as tools in the Russian-US confrontation, but as partners in regional cooperation aware of their own interests.

Keywords:

Region, security, NATO, war presence, military training, rotation, infrastructure, energy security, hybrid warfare

References

1. Klemeshev, A.P., Korneevets, V.S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G.M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 4–20. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-1.
2. Mezhevich, N.M. 2007, Identifying the Concept of the Baltic region, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regional Studies Journal], no. 5, p. 14–17 (In Russ.).
3. Kovalev, A.A., Balashov, A.I. 2018., The Military Security of the Baltic Region and the NATO Military Infrastructure Approximating the Border of the Russian Federation, *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], Vol. 14, no. 6, p. 1151–1165. doi: 10.24891/ni.14.6.1151 (In Russ.).

4. Milevski, L. 2018, *The West's East: Contemporary Baltic Defense in Strategic Perspective*, Oxford University Press, 228 pp.
5. Hanska, J. 2015, *The Role of the Baltic Region for the United States. An Analysis of the U.S. Presidential Rhetoric from the Reagan Years to Today*, The Finnish Institute of International Affairs, FIIA Working Paper, April, 26 p.
6. Karaganov, S. 2018, How to Win a Cold War, Rossiya v global'noi politike [Russia in Global Affairs], Sept. 14, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-pobedit-v-holodnoj-vojne/> (accessed 17 June 2020). (In Russ.)
7. Lucas, E. 2014, *The New Cold War: Putin's Russia and Threat to the West*, London, 2014. 384 pp.
8. Legvold, R. 2014, Managing the New Cold War: What Moscow and Washington Can Learn From the Last One, *Foreign Affairs*, vol. 93, no. 4 (July/August), pp. 74–84.
9. Khudoley, K.K. 2019, The 'cool war' in the Baltic Sea Region: consequences and future scenarios, *Balti. reg.*, Vol. 11, no. 3, p. 4–24. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-1.
10. Breedlove, Ph., Vershbow, A. 2018. Permanent Deterrence: Enhancements to the US Military Presence in North Central Europe. Atlantic Council. Scowcroft Center for Strategy and Security, December, 16 pp.
11. Volovoy, V., Batorshina, I. A. 2017, Security in the Baltic Region as a Projection of Global Confrontation between Russia and the USA, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 18–29. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-2.
12. Smirnov, P.Ye. 2019, United States and Crisis of Global Governance Under Donald Trump, *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], Vol. 20, no. 4, p. 127–141. doi: 10.31429/26190567-20-4-127-141 (In Russ.).
13. Rapp-Hooper, M. 2020, Saving America's Alliances. The United States Still Needs the System That Put It on Top, *Foreign Affairs*, Vol. 99, no.2, March-April, p. 127–140.
14. Batyuk, V.I. (ed.) 2017, *Lokalnaya vojna v voenno-politicheskoy strategii SShA v nachale XXI veka* [Local War: the U. S. Political and Military Strategy at the beginning of the 21st Century], Institute for the U.S. and Canadian Studies RAS, Moscow, Izdatelstvo VES MIR, 328 p. (In Russ.).
15. Konyshchev, V.N., Sergunin, A.A., Subbotin, S.V. 2016, The US ballistic missile defence policy in the Baltic and Nordic regions, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 1, pp. 34–44. doi: 10.5922/2079-8555-2016-1-3.
16. Hodges, B., Bugajski, J., Wojcik, R., Schmiedl, C. 2020, *One Flank, One Threat, One Presence. A Strategy for NATO's Eastern Flank*, Center for European Policy Analysis. May, 90 p.
17. Hooker, R.D., Jr., 2019, How to Defend the Baltic States, *The Jamestown Foundation*, Washington D.C. October, 48 p.
18. Francis, D. 2020, The US is Defending Europe by Blocking Putin's Pipeline, *Atlantic Council*, June 24, available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/the-us-is-defending-europe-by-blocking-putins-pipeline/> (accessed: 6 July 2020).
19. Batyuk, V.I. 2019, USA and Military Security of Europe: Evolution of Approaches, *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], Vol. 12, no 3, p. 207–220. doi: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-207-220 (in Russ.).
20. Chivvis, C.S. 2015, The Baltic Balance. How to Reduce the Chances of War in Europe, *Foreign Affairs*, July 1, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/baltics/2015-07-01/baltic-balance> (accessed 23 June.2020).
21. Ellehuus, R. 2019, Turkey and NATO: A Relationship Worth Saving, *Center for Strategic & International Studies*, December 2, available at: <https://www.csis.org/analysis/turkey-and-nato-relationship-worth-saving> (accessed: 29 July 2020).
22. Aronson, A., Otosson, B. 2020, *Västlig militär övningsverksamhet 2014-2019. Anpassning, utveckling och framsteg*, FOI, Mars, 65 p.
23. Skaluba, Ch., Brzezinski, I. 2020, Coronavirus and Transatlantic Security: Implications for Defense Planning, *Atlantic Council*, March. 30, available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/coronavirus-and-transatlantic-security-implications-for-defense-planning/> (accessed: 8 June 2020).

24. Thompson, L. 2016, Why The Baltic States Are Where Nuclear War Is Most Likely To Begin, *The National Interest*, July 20, available at: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/why-the-baltic-states-are-where-nuclear-war-most-likely-17044> (accessed: 31 May 2020).

25. Kühn, U. 2018, Preventing Escalation in the Baltics. A NATO Playbook, *Carnegie Endowment for International Peace*, Washington, 88 p.

26. Thomas, M. 2020, The Current Status of Transportation Infrastructure in the Baltics, *Foreign Policy Research Institute. Baltic Bulletin*, April 17, available at: <https://www.fpri.org/article/2020/04/the-current-status-of-transportation-infrastructure-in-the-baltics/> (accessed: 28 May 2020).

27. Nikers, O. 2016, New Railroad Agreement a National Security Milestone for Baltic Allies, Poland, EU, and NATO, *Atlantic Council*, Oct. 24, available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/new-railroad-agreement-a-national-security-milestone-for-baltic-allies-poland-eu-and-nato/> (accessed: 26.05.2020).

28. Allison, G. 2020, The New Spheres of Influence. Sharing the Globe With Other Great Powers, *Foreign Affairs*, Vol. 99, no. 2, March/April, p. 30–40.

29. Larrabee, S., Pezard, S., Radin, A., Chandler, N., Crane, K., Szayna, T. 2017, *Russia and the West After the Ukrainian Crisis*, RAND Corporation, Santa Monica, Calif., 81 p.

30. Radin, A. 2017, *Hybrid Warfare in the Baltics. Threats and Potential Responses*, RAND Corporation, Santa Monica, Calif., 48 p.

31. Cohen, R., Radin, A. 2019, *Russia's Hostile Measures in Europe. Understanding the Threat*, RAND Corporation, Santa Monica, Calif., 190 p.

32. Andersson, J.J. 2014, Nordic NATO. Why It's Time For Finland and Sweden to Join the Alliance, *Foreign Affairs*, April 30, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/finland/2014-04-30/nordic-nato> (accessed: 31.05.2020).

33. Nilsson, C.H. 2016, Sverige och USA måste fördjupa militärt samarbete *Natobloggen*, 21 juni, available at: <http://natobloggen.se/2016/06/21/sverige-och-usa-maste-fordjupa-forsvarssamarbetet/> (accessed: 2 July 2020).

34. Brattberg, E. 2017, Sveriges säkerhetspolitiska förhållande med USA i en ny tid, *Internasjonal Politikk*, Vol. 75, no. 1, p. 21–27. doi: 10.23865/ip.v75.691.

35. Khudoley, K.K., Lanko, D.A. 2019, Finnish Security Dilemma, NATO and the Factor of Eastern Europe, *World Economy and International Relations*, Vol. 63, no. 3, p. 13-20. doi: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20 (In Russ.).

36. Kislitsyn, S.V. 2018, Military and Political Cooperation of the United States with Finland and Sweden in Modern Times, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, Vol. 11, no. 4, p. 376–389. doi: 10.21638/11701/spbu06.2018.404 (In Russ.).

37. Nikers, O., Tabuns, O. (ed.) 2019, *Baltic Security Strategic Report. What the Baltics Can Offer for a Stronger Alliance*, The Jamestown Foundation, Washington, D.C., 206 p.

38. Grigas, A. 2017, U.S. Natural Gas Arrives in Lithuania. What It Means for Russia and the Baltic Region, *Foreign Affairs*, September 12, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/baltics/2017-09-12/us-natural-gas-arrives-lithuania> (accessed: 2.07.2020).

The author

Pavel E. Smirnov, Senior Research Fellow, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: smi-pavel@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4757-8099>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ СТРАН ПРИБАЛТИКИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В. А. Смирнов

Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11/3

Поступила в редакцию 06.06.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2
© Смирнов В.А., 2020

Исследованы особенности и тенденции трансформации властных групп и их роль в политической жизни обществ стран Прибалтики. Проанализированы структурно-функциональные изменения в составе политических элит стран Прибалтики в период после провозглашения независимости. Выделены общие и особенные черты трансформации элит в Латвии, Литве и Эстонии. Процесс изменений в структуре властных групп вписан в субрегиональный масштаб с учетом актуального российско-прибалтийского политического взаимодействия. Автор использовал количественные методы анализа для выявления основных тенденций в процессе смены каналов и механизмов элитного рекрутирования. Изучение хода и результатов перемен властных групп проведено на основе рассмотрения масштабных социально-политических трансформаций наряду с анализом индивидуальных практик. Комплексное исследование трансформации политических элит малых стран, к которым относятся страны Прибалтики, предполагает рассмотрение как внутри-, так и внешнеполитического аспекта. Выдвинут тезис о том, что, несмотря на ряд различий в странах Прибалтики, с 1990-х годов происходили схожие процессы трансформации политических элит, становление которых обусловлено принципом государственного континуитета как преемственности с довоенными режимами Латвии, Литвы и Эстонии и разрывом с советским прошлым. Результатом борьбы элит за власть в 1990-е годы стало закрепление в обществах стран Прибалтики глубоких расколов — этнических, языковых, политических, которые ограничивают конкуренцию властных групп и способность политических систем к обновлению. После реализации идеи «возвращения в Европу» элиты стран Прибалтики заменили ее «российской угрозой», что позволило отложить преодоление внутренних расколов, чреватых ослаблением их власти.

Ключевые слова:

элиты, властные группы, страны Прибалтики, Латвия, Литва, Эстония, трансформация, Россия

Актуальность исследования

В условиях, когда внутренняя политика все больше зависит от внешней, политические элиты сталкиваются с рядом вызовов: кризис собственной легитимности и ослабление вертикальной интеграции, усложнение механизмов управления и размывание роли представительных институтов [21]. В этом смысле отдельный интерес представляет опыт стран Прибалтики.

Латвия, Литва и Эстония — единственные из бывших советских республик, властные группы которых в рамках глубоких и подчас болезненных трансформа-

Для цитирования: Смирнов В. А. Трансформация политических элит стран Прибалтики: общее и особенное // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 26–39. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2.

ций реализовали переход от «восточной» к «западной» политико-экономической модели, добились присоединения к основным евроатлантическим интеграционным форматам. Их «возвращение на Запад» (для переломных 1990-х годов был характерен лозунг «Назад в Европу») сопровождалось всплеском националистических настроений, демонтажем советских органов власти, созданием обновленной структуры управления, нарастанием социальной фрагментации на фоне сложных реформ, отказом от политики нейтралитета, ослаблением связей с Россией и т. д.

Определение понятия политических элит

При определении понятия политических элит автор придерживается структурно-функционального подхода, разработанного, в частности, Х. Бестом (Германия) и Дж. Хигли (США) [3], О. В. Гаман-Голутвиной (Россия) [20].

Дж. Хигли трактует элиты как личности и небольшие группы людей, которые, благодаря преимуществу своего стратегического положения в крупных организациях, можно считать ведущими на основании каких-либо иных признаков и способными оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты. Дж. Хигли говорит об отнесении к элите и тех, кто, не обладая формальной принадлежностью к правящему меньшинству, способен тем не менее влиять на принимаемые решения и является частью «контрэлиты» [5]. Представляется, что данный подход чрезмерно расширяет границы элиты, делает их рыхлыми и трудно определяемыми. Следует согласиться с идеей Дж. Хигли о том, что элитой можно назвать тех, кто занимает стратегически важные командные высоты. Однако отнесение к их числу и «контрэлиты» (общественные деятели, диссиденты и т. д.) представляется малопродуктивным. В этом смысле более проработана идея Х. Беста и Дж. Хигли об «узком внутреннем круге» элиты, члены которого контролируют различные государственные функции и иные властные сегменты [2, р. 7], хотя эта идея и создает условия для другой крайности: чрезмерного сужения элитной группы до нескольких десятков человек или даже единичных персон.

О. В. Гаман-Голутвина указывает, что политическую элиту правомерно определить как внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом. При этом ученый делает акцент на том, что существующая в реальности множественность властных групп и фракций не противоречит представлению о внутренней интегрированности элиты [19].

Данное определение политических элит целесообразно уточнить — учесть критерий непосредственного доступа элиты к воздействию на систему органов государственной власти. Небольшие группы людей, занимающие значимые позиции, уместно относить к политической элите постольку, поскольку обладание указанными позициями предоставляет им не только необходимый ресурсный потенциал, но и возможность систематически и значительно воздействовать в своих интересах на институты государственной власти и в целом на главный институт — государство. Этот подход к определению политической элиты можно назвать государственноцентричным, подчеркивающим неразрывную связь властных групп с государством.

Таким образом, автор определяет политические элиты как группы лиц, контролирующие с помощью формальных и неформальных практик принятие и исполнение системой органов государственной власти ключевых политических решений. Различные социально-политические группы, не имеющие значительного прямого воздействия на систему органов госвласти, не входят в категорию элиты, что не исключает их возможностей косвенно влиять на политические процессы.

Позиционный подход в изучении элит

Для получения ценной с научной точки зрения информации о механизмах, каналах и тенденциях становления властных групп применен позиционный подход, который ставит степень влияния на политические процессы того или иного лица в зависимости от занимаемой им позиции во властной иерархии. Классическим примером такого рода анализа является работа Р. Миллса «Властвующая элита»: рассмотрев политические, экономические и военные властные группы, американский специалист пришел к выводу о наличии одной, тесно связанной элиты [26]. Разумеется, политическая наука не стояла на месте, и впоследствии были предложены иные подходы — репутационный (Ф. Хантер) и десизионный (Р. Даль). Тем не менее позиционный подход по-прежнему остается информативным способом анализа в первую очередь структурно-функциональных изменений политических элит. Дополнительно для уточнения получаемых данных вводится биографическое измерение. Это позволяет отслеживать профессиональный опыт представителей властных групп, выявлять точки их карьерных пересечений, определять границы различных властных фракций (объединенных в силу тех или иных причин) и т.д.

Такой анализ нацелен на измерение основных параметров структурных изменений властных групп, дает возможность количественно охарактеризовать в динамике положение отдельных членов политической элиты, провести сопоставления на более обширном эмпирическом материале¹. Позиционный подход применялся для изучения трансформаций элитогенеза в странах Восточной Европы как на старте постсоветских трансформаций [15], так и спустя десятилетия [6].

С целью количественного анализа политических элит использованы данные из открытых источников о карьерных траекториях 886 политических деятелей Латвии, Литвы и Эстонии, из них 252 — от Литвы, 271 — от Эстонии и 363 — от Латвии (в латвийском случае — большее количество учтенных парламентских электоральных циклов: девять вместо семи в Литве и восьми в Эстонии), около 53% — представители парламентов, 40% — правительств, 7% — президенты и их советники. Применены специальные «фильтры» («не менее одного года на министерской позиции», «не менее двух сроков в качестве депутата парламента» и т.д.), позволяющие отсеять нерелевантных политических деятелей.

Элитное рекрутирование в новых условиях

С усложнением социального устройства в странах Прибалтики менялся и состав их политических элит. Были подорваны позиции экс-номенклатуры. Обострилось соперничество между кадрами, вышедшими из советской партийно-управленческой системы. В новых условиях они конкурировали не только со вчерашними коллегами, но и с иными претендентами на власть: с кандидатами от интеллигенции, бизнеса, зарубежных эмигрантских общин. Сочетание представителей четырех данных групп определяло структурную динамику политических элит. От выборов к выборам состав элит менялся, появлялись и распадались властные коалиции, создавались и исчезали партии и движения, разгорались политические кризисы, одни лидеры сменяли других.

¹ «Характеристики бассейна рекрутирования и политических карьер могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, которая лежит в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует» [17, с. 25].

Подтверждением глубинных сдвигов в системе элитного рекрутирования стало изменение такой характеристики членов властных групп, как возраст. Средний возраст членов ЦК КПСС в 1981 году достигал 67 лет, постепенно снизился до 61 года в 1986 году и до 56 лет в 1991-м. Возрастная структура властных групп стран Прибалтики концу 1990-х годов существенно изменилась. Средний возраст политической элиты Эстонии составлял 43 года, Латвии и Литвы — 46 лет. Доля тех, кто занимал высшие управленческие должности в бюрократической системе в возрасте 22—44 лет, в Эстонии была 52%, в Литве — 50%, в Латвии — 37%. Средний возраст депутатов первых всенародно избранных парламентов в Литве составлял 50,8 лет, в Латвии — 45,3 года и в Эстонии — 43,3 года [11].

В первое десятилетие после обретения независимости оформилась четырехставная структура элит стран Прибалтики: «политики морали», экс-номенклатура, выходцы из зарубежных диаспор и представители бизнеса. Такая конфигурация, сочетающая элементы властных групп старого и нового времени, отражала противоречивую атмосферу ранних постсоветских перемен, демонтажа прежних каналов и механизмов рекрутирования элит и их постепенного переформатирования в новых политических условиях. Процесс трансформации властных групп в странах Прибалтики набирал силу постепенно и зависел от многих факторов [31].

Латвия, Литва и Эстония демонстрировали схожие закономерности структурной динамики политических элит. Мощный приток творческой интеллигенции на старте независимости (количество «политиков морали» в первой половине 1990-х годов в странах Прибалтики превышало 55%²) через несколько лет сменился возрождением экс-номенклатуры.

И. Матоните утверждала, что страны Прибалтики не только унаследовали «искривления» советской социальной системы, но и самих коммунистов *in persona* [12]. Во многих случаях на смену «первым секретарям» пришли «инструкторы» — амбициозное молодое поколение, которое совершило первые шаги в советской системе иерархии в позднесоветский период, а в новых условиях увидело возможность улучшить свое положение путем подчеркивания ценности независимого национального государства³. Обильное рекрутирование кадров советского периода показало, что даже после масштабных политических встрясок элита не может быть создана с нуля. Вплоть до начала 2000-х годов в среднем до 40% властных групп Латвии, Литвы и Эстонии составляли представители старого режима⁴.

В свою очередь бизнесмены и выходцы из зарубежных латышских, литовских и эстонских диаспор (в основном из США, Канады, Германии и Швеции) образовали новые источники элитного рекрутирования. Представители коммерческого сектора с начала 2000 годов удерживают не менее 30% (в отдельные периоды свыше 40%) властных позиций в странах Прибалтики. Выходцев из зарубежных диаспор было

² Здесь и далее, если не указано иное, — расчеты автора.

³ По оценкам К. Антанайтиса, представители экс-номенклатуры составляли до 50 % в элите Литвы первых лет независимости [1, р. 92].

⁴ Имело это и внешнеполитические эффекты. Так, в 2004—2014 годах позиции еврокомиссаров от стран Прибалтики чаще других занимали (и удерживали два срока) представители властных групп, имевшие в своем политическом прошлом членство в Компартии: например, от Литвы — Д. Грибаускайте, от Латвии — А. Пиебалгс, от Эстонии — А. Ансип и С. Каллас. Л. Белинис характеризовал Д. Грибаускайте как «евробюрократа советской номенклатурной школы» [4]. «Умный мальчик с плохим характером» — так называли А. Ансипа, в советское время старательно исполнявшего поручения по партийной линии, а в новую эру ставшего расчетливым политическим тяжеловесом, который позволял себе игнорировать требования президента Т.Х. Ильвеса [14].

немного: в Латвии — 2,8%, в Литве — 4%, в Эстонии — 1,7%. Однако они, не имея численного превосходства, добились высших политических позиций и обрели статус опорного звена элитного рекрутирования, олицетворяя собой полный разрыв с советским периодом и стратегический курс на форсированную евроатлантическую интеграцию.

При схожих тенденциях трансформации элит каждая страна Прибалтики продемонстрировала особенности. Так, отличительная черта Эстонии — существенное «вымывание» экс-номенклатуры из состава властных групп: к настоящему времени их осталось в пределах 5% (почти вдвое меньше, чем в Литве и Латвии). В Литве отмечается больше представителей зарубежной диаспоры из США (в основном в периоды президентства В. Адамкуса в 1998—2003 и 2004—2009 годах): в президентском аппарате, в сфере международных отношений, обороны и безопасности. Присутствие бизнеса во властных группах наиболее характерно для Латвии, где на рубеже 2010-х годов предприниматели занимали до 60% позиций в кабинете министров и до 30% в парламенте.

Номенклатура уходит, бизнес остается

Четырехсоставная структура элит формировалась с учетом вызовов первых лет независимости. К настоящему времени существенное присутствие сохранил лишь бизнес, остальные сегменты постепенно «растворяются». Выходцы из коммерческих кругов, удерживая опорный статус на фоне ослабления других элитных фракций, содействовали укоренению неформальных практик внутриэлитного взаимодействия: теневых политических сделок, закулисных решений. Демократические институты в Латвии, Литве и Эстонии хрупки и в существенной мере зависимы от непрозрачных действий властных групп, подвержены влиянию бизнеса.

В каждой из стран Прибалтики это имеет свои проявления — «капитализм браганов» (Эстония) [23], «клан государственников» (Литва) [7], «выборы» президента олигархами в зоопарке Риги (Латвия) [13]. Практика соблюдения формальных политических правил в условиях системы юридической ненаказуемости персональных договоренностей остается значимым вызовом для элит стран Прибалтики, содействуя ослаблению доверия граждан к властным группам, нарастанию кризисных тенденций в сфере легитимности политических институтов в целом.

Активное рекрутирование бизнеса в элиты стран Прибалтики имело и другой эффект — продление политического долголетия представителей экс-номенклатуры. Стремясь сохраниться в новых условиях, они часто образывали блоки с «капитанами бизнеса», нередко и сами бывшие аппаратчики превращались в миллионеров, используя возможности приватизации либо выступая посредниками при передаче предприятий в частные руки. Мощный политический игрок Литвы Б. Лубис (бывший премьер-министр и влиятельный бизнесмен) или умело использовавший приватизацию дважды премьер-министр Латвии и чрезвычайно состоятельный по местным меркам бизнесмен А. Шкеле — их примеры иллюстрируют данный тезис. В Эстонии, по оценкам Н.М. Межевича, «модель отношений “политика — бизнес”» пытались строить как подражание «северной, или скандинавской, модели»: «Экссессы типа продажи рублевой массы в Чечню и перевозки оружия на пароме “Эстония” вызвали достаточно жесткую реакцию в компетентных структурах США и Европы. Именно после этих событий произошла ревизия внешних признаков сращивания политических элит и бизнеса, был успешно запущен PR-проект, рекламирующий правящую элиту в категориях традиционных национальных ценностей» [25, с. 176].

К настоящему времени экс-номенклатура, занимавшая руководящие посты вплоть до премьер-министра и президента, лидеров партий (преимущественно социал-демократической, центристской направленности), утрачивает свое значение. В условиях, когда коммунистическая идеология, а затем и прежний советский порядок в целом объявлены в странах Прибалтики вне закона, представители этого элитного сегмента в минувшие десятилетия были заняты, по сути, лишь вопросом собственного политического выживания. Их главным навыком стали политическая конъюнктурность, готовность к широким компромиссам, неожиданным коалициям и разнообразным политическим сделкам. Пытаясь избежать ошибок, они с осторожностью подходили к ключевым вопросам внешней политики и безопасности, больше концентрируясь на нейтральных темах торговли, экономики, социального обеспечения. Это позволяло выступать с прагматичными, более понятными избирателям установками, но в то же время ставило таких политиков в ведомую позицию, приглушало их влияние и не гарантировало иммунитета от давления со стороны политических оппонентов⁵. Кроме того, такой подход контрастировал с ролью «политиков морали» и выходцев из зарубежных диаспор, с самого начала имевших амбиции архитекторов новых политических режимов стран Прибалтики.

«Встраивание» в политическую элиту постсоветских Латвии, Литвы и Эстонии происходило в основном с социал-демократических, центристских позиций. Представители КПСС сумели в новое время «сохраниться» не только на депутатском, министерском уровнях, но и на президентском: в Латвии — Г. Улманис и А. Берзиньш, в Литве — А. Бразаускас и Д. Грибаускайте, в Эстонии — А. Рюйтель. Вместе с тем спектр их политических возможностей был существенно сужен и, по сути, вписан в те границы, «красные линии», которые были установлены по инициативе «политиков морали» и представителей зарубежных диаспор.

Творческая интеллигенция и вернувшиеся эмигранты, стоявшие в основном на националистических позициях⁶, были нацелены на закрепление евроатлантического интеграционного вектора в качестве безусловного приоритета Латвии, Литвы и Эстонии в сфере внешней политики и безопасности. Именно в период массового присутствия «политиков морали» в органах власти реализован стержневой в рамках создания нового политического порядка принцип континуитета, преемственности постсоветской и досоветской государственности. В его основе — тезис о «прерванной» государственности стран Прибалтики в связи с их присоединением в 1940 году к Советскому Союзу. Представители зарубежных диаспор (в первую очередь из США, где действовали дипмиссии «в изгнании») настаивали на нормативном закреплении преемственности с довоенным временем⁷. В этих целях элитами Латвии, Литвы и Эстонии полностью или частично восстановлено досоветское законодательство, в том числе конституционное, отдельные политические партии и

⁵ В качестве повода после 2014 года нередко использовали их позицию по Крыму: так, поддержавший присоединение Крыма к России Э. Сависаар из некогда лидера Народного фронта Эстонии стал... «агентом» Кремля (подробнее см.: [22]).

⁶ Как отмечает А.И. Тэвдой-Бурмули, установлению этнократического режима содействовал характер пришедшей к власти в странах Прибалтики элиты: «Отсечение от политики русскоязычной части элиты было дополнено приходом в политику небольшой, но влиятельной эмигрантской части латышской и эстонской элиты, не имевшей никакого опыта коммуникации с русскоязычными и переносившими на них свое негативное отношение к СССР в целом» [34, с. 136].

⁷ В 1940—1991 годах миссии Латвии, Литвы и Эстонии действовали в США: в Вашингтоне (латышская, литовская) и в Нью-Йорке (эстонская). Литовские миссии сохранялись в Лондоне и Ватикане. В течение советского периода представители литовской, латышской и эстонской миссий входили в списки дипломатов при Госдепартаменте США [27, с. 177, 178].

иные значимые институты, проведена реституция собственности. Советский период официально маркирован как «оккупация», историческая и культурная «травма», имеющая отрицательные последствия в политике, экономике, в социальной и гуманитарной сферах [16; 24].

Создание структурных ограничений

В дальнейшем система элитного рекрутирования определялась «красными линиями» — структурными ограничениями, играющими ключевую роль в рамках нового политического порядка в странах Прибалтики. Спустя 30 лет после провозглашения независимости Латвии, Литвы и Эстонии на их политическую авансцену выходит очередное поколение политических элит.

Все больше его представителей не только не имеют опыта членства в компартиях или работы в органах власти в советский период, но и родились после распада Советского Союза. Однако по-прежнему, несмотря на прошедшие десятилетия, используются те же приемы внутривнутриполитической консолидации: если раньше речь шла об отмежевании от союзного Центра, то теперь о «российской угрозе». Не имея советского опыта, они становятся политическими наследниками тех, кто свое становление в качестве элиты основывал на борьбе с советским проектом⁸. Если лидеры укрепившихся в последние годы правопопулистских и тяготеющих к евро-скептическим (насколько это возможно в реалиях стран Прибалтики) политических сил и используют броскую риторику, то на идеологические опоры сложившегося политического порядка не посягают.

Преимущество с досоветской государственностью, евроатлантический вектор, натоцентричная система безопасности и фактор «российской угрозы» не были по существу оспорены ни экс-номенклатурой, ни прагматичным бизнесом. При активном участии «политиков морали» и выходцев из зарубежных диаспор⁹ они обрели роль институционального каркаса, несущих опор нового политического порядка, которые теперь определяют для очередных поколений элит пределы допустимого, формируя структурное ядро политического пространства в Латвии, Литве и Эстонии.

⁸ Кая Каллас, дочь бывшего номенклатурного деятеля, премьер-министра Эстонии, затем вице-президента Еврокомиссии Сийма Калласа возглавила в 2018 году Партию реформ, которую создавал ее отец. Габриэлюс Ландсбергис, внук лидера «Саюдиса» В. Ландсбергиса, свой мандат депутата Европарламента получил от деда, а затем благодаря ему же возглавил в 2015 году партию, которую дед создавал, — «Союз Отечества — Христианские демократы Литвы». Эти случаи не единственные, но и их достаточно, чтобы, глядя на современные элиты стран Прибалтики, вспомнить о классической формуле Г. Моска: правящие группы стремятся сохранить свою власть, передавая ее по наследству.

⁹ Наиболее известны случаи президентов: Латвии — В. Вике-Фрейберги, Литвы — В. Адамкуса, Эстонии — Т.Х. Ильвеса. Однако примеров гораздо больше, даже среди претендентов на пост президента, отметим некоторые: в Латвии — Г. Мейеровиц (сын главы МИД досоветской Латвии) и В. Паэгле (куратор музея «оккупации»), в Литве — С. Лозарайтис (сын главы МИД досоветской Литвы) и К. Бобялис (житель Флориды никак не хотел расставаться с гражданством США), в Эстонии — Р. Таагепера (известный политолог). Среди министров: в Латвии — Я. Ритенис, В. Павловскис, Н. Муйжниекас; в Литве — В. Дуденас, президентские советники С. Кондратас, Р. Межялис, Ю. Шмулкштис, Ю. Казицкис; в Эстонии — Х. Ребас, Я. Маницкий и т.д. Удельный вес эмигрантов, или — как они себя называли — «изгнанников», был скромным (в Латвии — 2,8%, в Литве — 4%, в Эстонии — 1,7%). Однако они, не имея численного превосходства, добились высших политических позиций и обрели статус опорного звена элитного рекрутирования, олицетворяя разрыв с советским периодом и стратегический курс на форсированную евроатлантическую интеграцию.

Огромное значение приобрел фактор истории. Историческая политика властных групп, выставляющая страны Прибалтики жертвами «двух тоталитаризмов», «нацистской и советской оккупации», регулярно используется как внешнеполитический инструмент, особенно на российском направлении¹⁰. Активная эксплуатация властными группами фактора «наследия прошлого» имеет и значимое внутривнутриполитическое звучание, позволяя элитам не только упрочить свои позиции, но и найти буквально любому негативному явлению в жизни современной Латвии, Литвы или Эстонии удобное объяснение¹¹.

Все «красные линии», дополненные инструментом секьюритизации, тщательно оберегаются с использованием при необходимости аппарата государственного принуждения. Персональное измерение политической борьбы утрачивает в странах Прибалтики свое значение по сравнению с годами обретения независимости. Личность конкретного политика (даже на высших позициях) становится не так важна; его действия, как и властных групп в целом, определяются прокрустовым ложем данной структурной обусловленности.

Фактор России: внешние и внутренние эффекты

После присоединения к евроатлантическим институтам политические элиты стран Прибалтики утратили прежний идейный заряд, который мог бы служить целям внутривнутриполитической консолидации. «Возвращение в Европу» было достигнуто¹², и местные общества сполна ощутили все плюсы и минусы, которые несет с собой участие в ЕС и НАТО. Эрзац-вариантом новой «большой идеи» стал конфликтный подход к России. Элиты Латвии, Литвы и Эстонии сделали свои государства не «мостом», «посредником» между Востоком и Западом, а странами «одного вопроса» — «экспертами» по «сдерживанию» России. Именно в духе «сдерживания» ими воспринята программа в рамках политики соседства ЕС «Восточное партнерство». Настойчивые попытки властных групп стран Прибалтики стать «маяками» демократизации на постсоветском пространстве и одновременно «привратниками», бдительно охраняющими «рубежи Запада», позволили элитам Латвии, Литвы и Эстонии претендовать в системе западной внешнеполитической субординации на нишу экспортеров западных ценностей.

¹⁰ Приход восточных европейцев в ЕС (в первую очередь стран Прибалтики и Польши) изменил подход к общеевропейской исторической политике, содействовал (через продвижение идей секьюритизации) дрейфу от нарратива общей вины к нарративу общей угрозы, уравниванию нацизма и коммунизма, формированию аргументационной базы для выдвижения претензий к России. Роль элит стран Прибалтики в наблюдаемых изменениях значительна. Подробнее см.: «Историческая память — еще одно пространство, где решаются политические задачи». Дискуссия в редакции // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 18. С. 59—80.

¹¹ «История и память становятся не просто инструментом политической борьбы, они формируют повестку дня и ориентиры политического развития» [28, с. 73].

¹² По данному вопросу довольно быстро был достигнут внутривнутриэлитный, а затем и широкий общественный консенсус. Идейные колебания, характерные для первых лет независимости, были преодолены без особых сложностей. Как вспоминал один из авторов политической программы Народного фронта Латвии министр обороны Латвии Т. Юндзис (1991—1993, 1997—1998), «преобладали два противоположных направления — западное, с приоритетами ЕС, НАТО; восточное, с приоритетом хороших отношений с Россией. Хотя эти направления теоретически не являются взаимоисключающими, в действительности они абсолютно несовместимы» [9, р. 27].

Наибольшей активностью на данном направлении отличаются властные группы Литвы¹⁵. Именно в Литве в период доминирования «политиков морали» в структуре политических элит был принят Конституционный акт о неприсоединении к восточным постсоветским союзам (часть Конституции 1992 года), согласно которому республика «стремится развивать взаимовыгодные связи с каждым государством, ранее находившимся в составе СССР, однако никогда и ни под каким видом не присоединится к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств»¹⁴.

В свою очередь, во многом благодаря «российскому вопросу» до сих пор сохраняется так называемое прибалтийское единство, хотя бы как идеологическая конструкция, разделяемая элитами трех стран. Траектории постсоветских трансформаций не раз делали Латвию, Литву и Эстонию конкурентами по экономическим, финансовым, инфраструктурным сюжетам — будь то строительство железнодорожной магистрали «Rail Baltic», торговля или так и не осуществленный проект совместного строительства атомной станции. Однако идея «сдерживания» России, взятая на вооружение властными группами стран Прибалтики, до сих пор удерживает их вместе, позволяя рассматривать Латвию, Литву и Эстонию как одновременно часть Евроатлантики и постсоветского пространства.

Если еще 15—20 лет назад обсуждалась идея превращения прибалтийских государств в «мост» между Европой и Россией¹⁵, то к настоящему времени она отошла на периферию [30]. Отметим, что падение российского транзита через прибалтийские порты — результат, но не причина подобного подхода¹⁶. Концепция «транзитного моста» фактически была свернута политическими элитами государств Прибалтики¹⁷.

Идею противостояния с Москвой как бывшим союзным Центром, определявшую политическую жизнь стран Прибалтики многие десятилетия, не стерли ни

¹⁵ Выделим роль выходцев из литовской диаспоры в США, оказавших значительное влияние на укоренение такого подхода к определению внешнеполитической роли Литвы. Важный вклад внес президент В. Адамкус. Привычную по его жизни в США идею «продвижения демократии на Восток» он воспринимал как своего рода «цивилизационную миссию», опирающуюся на историческое наследие Великого княжества Литовского, что и легло в основу внешней политики страны [8, p. 284; 10, p. 111].

¹⁴ Конституция Литовской Республики (принята гражданами Литовской Республики на референдуме 25 октября 1992 г., вступила в силу 2 ноября 1992 г.). URL: https://www.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения: 20.11.2019).

¹⁵ Президент В. Адамкус в своей инаугурационной речи в 2004 году говорил о миссии Литвы стать региональным центром притяжения и «соединить Восток и Запад» (*Inaugural address to the nation* by H. E. MR. Valdas Adamkus, President of the Republic of Lithuania. 12.07.2004. URL: <http://archyvas.lrp.lt/en/news.full/5116> (дата обращения: 14.05.2018)). В свою очередь, глава МИД Латвии В. Биркавс озвучивал концепцию стран Прибалтики как «янтарных ворот» деловой активности с участием России и США в данном регионе (*Birkavs V. Concluding remarks at the conference «Security and Prosperity in the Baltic Region»*. Riga. 1997. 17 November / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/news/latest-news/speeches-and-interviews/4158-concluding-remarks-by-the-minister-of-foreign-affairs-dr-valdis-birkavs-at-the-conference-security-and-prosperity-in-the-baltic-region-riga-latvia-november-17-1997> (дата обращения: 14.05.2018).

¹⁶ Межевич Н.М. Цена сожженных мостов // Литовский курьер. 2015. 15 июля.

¹⁷ Rinkevics E.: Baltic states no longer a bridge between east and west, says Latvia // The Guardian. 18.03.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/18/baltic-states-no-longer-a-bridge-between-east-and-west-says-latvia> (дата обращения: 14.05.2019); Новый президент Эгилс Левитс: Латвия — не мост от России к Западу, она сама Запад // BBC News, Рига. 30.05.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-48451005> (дата обращения: 14.01.2020).

время, ни западные союзники, ни некогда тесная торговля и транзитные связи с Россией, ни переход под «зонтик» ЕС и НАТО. Форсируя «возвращение в Европу», элиты стран Прибалтики стремились не просто добиться формального присоединения к западным интеграционным институтам, но и окончательно порвать с Россией как с «не-Западом», подтвердив тем самым свою принадлежность «Европе». Старое противостояние сохранилось и в новейший период, трансформировавшись в конфронтационный внешнеполитический подход на российском направлении, который стал неотъемлемым элементом внутривнутриполитической жизни стран Прибалтики¹⁸. Для элит Латвии, Литвы и Эстонии, под руководством которых реализована евроатлантическая интеграция, Россия из раздражителя, напоминания о прошлой «травме», превратилась в качестве «источника опасности» в средство укрепления собственной субъектности на внутренней и внешней сценах [32].

Отказ от нейтралитета в начале 1990-х годов, противодействие значимым экономическим инициативам России в регионе («Северный поток») и попытки подрыва ее позиций на постсоветском пространстве («Восточное партнерство»), претензии на особое мнение в диалоге Россия — ЕС, наращивание на своей территории сил и средств НАТО укладываются в эту магистральную линию поведения. Осуществляется давление на «нелояльных» политических конкурентов («Партия труда» в Литве, «Согласие» в Латвии, «Центристская партия» в Эстонии), административно-пропагандистский прессинг в отношении местных нетитульных групп. Законодательно закрепленное желание элит стереть 50 лет советского опыта законсервировало основные расколы в обществах стран Прибалтики: языковой, этнический, проблему массового «негражданства»¹⁹. По оценкам Р.Х. Симоняна, элиты стран Прибалтики используют кризис на Украине «для дискредитации этнических меньшинств, прежде всего русских, для сведения политических счетов с оппонентами, которых теперь можно с еще большим общественным резонансом обвинить в связях с Россией, и как повод для усиления власти спецслужб» [29, с. 63].

Основные выводы

Трансформация властных групп Латвии, Литвы и Эстонии в целом завершена. Описанные выше структурные ограничения, инициированные властными группами первых пореформенных лет, оказывают влияние на последующие поколения элит и, несмотря на процедуры демократической сменяемости властных групп, позволяют удерживать господствующее положение сторонникам и наследникам тех политических сил, которые пришли во власть на заре независимости. Предприняты системные усилия по созданию с помощью тезиса о «русской угрозе» механизма воспроизводства элит и обеспечения лояльности основным идеологическим установкам, укреплению политического контроля. Вместе с тем эти установки сужают арсенал доступных элитам средств политического реагирования в связи с внешними и внутренними изменениями. Интерпретация различных «входящих сигналов» в основном через призму угрозы снижает потенциал элит по поиску адекватного ответа на меняющиеся вызовы.

¹⁸ Как отмечает В. Воротников, «трудно среди бывших советских республик найти государства, столь последовательно и неуклонно, нередко в ущерб собственному экономическому развитию, стремившиеся все эти годы к сознательному разрыву со своим прошлым и целенаправленной внешнеполитической и внешнеэкономической переориентации на Запад, — таковыми оказались три страны Балтии» [18, с. 134].

¹⁹ И.Н. Тарасов, рассматривая случай Латвии, утверждает, что этническая политика в долгосрочной перспективе направлена на формирование новой идентичности русских в Латвии — «еврососсыан» или «латвийцев» вообще и не имеет ничего общего с формированием целостной гражданской нации [33].

Кризисные тенденции в сфере легитимности властных групп, укрепление правопопулистских проектов, вызревание евроскептических идей на фоне искусственного нагнетания ситуации в сфере безопасности в странах Прибалтики свидетельствуют о постепенном исчерпании возможностей данной системы формирования и воспроизводства политических элит. Это осложняет решение вопроса о перспективах перехода от антагонистического подхода в российско-прибалтийском политическом диалоге к контактам, которые основаны на взаимных интересах и уважении.

Список литературы

1. *Antanaitis K.* Nomenklaturų transformacijos Lietuvoje 1988—1992 metais // *Darbai ir dienos.* 2008. № 49. P. 81—93.
2. *Best H., Higley J.* Introduction: Democratic Elitism Reappraised // *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives* / eds. H. Best, J. Higley. Leiden, 2010.
3. *The Palgrave Handbook of Political Elites* / H. Best, J. Higley (eds.). Palgrave, Macmillan, 2018.
4. *Bielinis L.* Prezidentė. Antra knyga. Kaunas, 2013.
5. *Elites, Crises, and the Origins of Regimes* / M. Dogan, J. Higley (eds.). Lanham MA, 1998.
6. *Edinger M.* Elite Formation and Democratic Elitism In Central And Eastern Europe: A Comparative Analysis // *Democratic Elitism. New Theoretical and Comparative Perspectives* / ed. J. Higley, H. Best. Leiden, 2010. P. 127—149.
7. *Janutiene R.* Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai. Vilnius, 2013.
8. *Jokubaitis A., Lopata R.* Lietuva kaip problema. Vilnius, 2014.
9. *Jundzis T.* Baltic States: Cooperation on Security and Integration into the European Security System. Riga, 1996.
10. *Laurinavicius C., Lopata R., Sirutavicius V.* Kritinis požiūris į Lietuvos užsienio politiką: kas pasikeitė nuo Augustino Voldemaro laikų? // *Politologija.* 2009. № 2. P. 91—122.
11. *Matonyte I.* Elito teorijos ir studijos sovietinėse ir posovietinėse visuomenėse // *Sociologija. Mintis ir veiksmai.* 1999. № 4. P. 44—59.
12. *Matonyte I.* Posovietinio elito labirintai. Vilnius, 2001.
13. *Norkus Z.* Parliamentarism versus Semi-Presidentialism in the Baltic States: the Causes and Consequences of Differences in the Constitutional Frameworks // *Baltic Journal of Political Science.* 2013. № 2. P. 7—28.
14. *Paas K., Krjutskova K.* Andrus Ansip — halva iseloomuga tark poiss. Tallinn, 2016.
15. *Wasilewski J.* Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland // *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe* / eds. J. Higley, J. Pakulski, W. Wesołowski. N.Y., 1998. P. 163—187.
16. *Аарелайд-Тарт А.* Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // *Социологические исследования.* 2004. № 10. С. 63—71.
17. *Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В. и др.* Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты.* 2019. Т. 6, № 2. С. 24—66.
18. *Воротников В.В.* Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги // *Современная Европа.* 2019. № 7 (93). С. 124—135.
19. *Гаман-Голутвина О.В.* Политическая элита — определение основных понятий // *Политика.* 2003. № 3. С. 97—103.
20. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // *Политическая наука.* 2016. № 2. С. 38—73.
21. *Гаман-Голутвина О.В., Клемешев А.П.* О локальном и глобальном измерении трансформации элит // *Политические элиты в старых и новых демократиях.* Калининград, 2012. С. 7—13.
22. *Ланко Д.А.* Постсоветская трансформация Эстонии: модернизация или мимикрия? СПб., 2016.

23. Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королева А.В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 60—78.
24. Матоните И. Политическое переосмысление советского прошлого: установки и действия литовских элит // Балтийский регион. 2013. № 3. С. 120—134.
25. Межевич Н.М. Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик». М., 2016.
26. Миллс Р. Властвующая элита. М., 1956.
27. Мялскоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940—1991 гг. и после 1991 г. Тарту, 2005.
28. Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политической идентичности // МЭиМО. 2018. Т. 62, № 11. С. 65—76.
29. Симонян Р.Х. Страны Балтии и Россия в контексте украинского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 9. С. 61—68.
30. Скачков А.С. Почему не состоялся прибалтийский «мост» между Россией и Евросоюзом? // Международная жизнь. 2015. № 10. С. 111—125.
31. Смирнов В.А. Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика. Калининград, 2016.
32. Смирнов В.А. Прибалтийские государства: возможности и ограничения институционального регионализма // Современная Европа. 2019. № 6. С. 40—47.
33. Тарасов И.Н. Инструменты этнической политики в Латвии // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 2. С. 34—44.
34. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 4. С. 125—147.

Об авторе

Вадим Анатольевич Смирнов, кандидат политических наук, отдел социальных и политических исследований, Институт Европы РАН, Россия.

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4270-356X>

THE TRANSFORMATION OF THE BALTIC COUNTRIES' POLITICAL ELITES: GENERAL AND SPECIFIC FEATURES

V. A. Smirnov

Institute of Europe Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya Str, Moscow, 125009, Russia

Received 06 June 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2
© Smirnov, V. A., 2020

This research focuses on the features and transformations of power groups and their role in the political life of the societies of the Baltic countries. This article aims to analyse structural and functional changes in the composition of the Baltic political elites after these countries

To cite this article: Smirnov, V. A. 2020, The transformation of the Baltic countries' political elites: general and specific features, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no. 3, p. 26—39. doi: 10.5922/2078-8555-2020-3-2.

gained independence in the 1990s. The main objective of this research is to reveal the general and the specific in the transformations of Latvian, Lithuanian, and Estonian elites. Changes in the structure of power groups are considered on a sub-regional scale in view of the current Russian-Baltic political interaction. The common and distinctive features in the transformations of Latvian, Lithuanian, and Estonian elites are identified. Quantitative methods of analysis are used to detect trends in the selection of channels and mechanisms of elite recruitment. The study of power groups concentrated on both large-scale socio-political transformations and individual practices. A comprehensive examination of elite transformation in small states such as the Baltics requires the consideration of both domestic and foreign policy aspects. The thesis is put forward that despite some differences between the Baltic States their political elites have undergone very similar transformations since the 1990s. At the time, Baltic elites asserted continuity with pre-war Latvia, Lithuania, and Estonia and detachment from the Soviet past. The 1990s elite struggle for power led to sharp ethnic, linguistic and political divides in Baltic societies. These rifts limit competition between power groups and reduce the ability of political systems to renew themselves. Having reached the 'back to the West' goal, Baltic elites replaced it with the idea of 'Russian threat'. Bridging internal divides, which may weaken the power of the elites, was postponed as a result.

Keywords:

elites, power groups, Baltic States, Latvia, Lithuania, Estonia, transformation, Russia

References

1. Antanaitis, K. 2008, Nomenklaturės transformacijos Lietuvoje 1988–1992 metais, *Darbai ir dienos*, no. 49, p. 81–93 (in Russ.).
2. Best, H., Higley, J. 2010, Introduction: Democratic Elitism Reappraised. In: Best, H., Higley, J. (eds.), *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*, Leiden, Brill.
3. Best, H., Higley, J. (eds.) 2018, *The Palgrave Handbook of Political Elites*, Palgrave, Macmillan.
4. Bielinis, L. 2013, *Prezidentė. Antra knyga*, Kaunas, Knygius.
5. Dogan, M., Higley, J. (eds.) 1998, *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*, Lanham MA, Rowman Littlefield.
6. Edinger, M. 2010, Elite Formation and Democratic Elitism In Central And Eastern Europe: A Comparative Analysis. In: Higley, J., Best, H. (eds.) *Democratic Elitism. New Theoretical and Comparative Perspectives*, Leiden, Brill, p. 127–149.
7. Janutiene, R. 2013, *Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai*, Vilnius.
8. Jokubaitis, A., Lopata, R. 2014, *Lietuva kaip problema*, Vilnius, Tyto Alba.
9. Jundzis, T. 1996, *Baltic States: Cooperation on Security and Integration into the European Security System*, Riga.
10. Laurinavicius, C., Lopata, R., Sirutavicius, V. 2009, Kritinis požiūris į Lietuvos užsienio politiką: kas pasikeitė nuo Augustino Voldemaro laikų? *Politologija*, no. 2 (54), p. 91–122.
11. Matonyte, I. 1999, Elito teorijos ir studijos sovietinėse ir posovietinėse visuomenėse, *Sociologija. Mintis ir veiksmai*, no. 4, p. 44–59.
12. Matonyte, I. 2001, *Posovietinio elito labirintai*, Vilnius, Knygai.
13. Norkus, Z. 2013, Parliamentarism versus Semi-Presidentialism in the Baltic States: the Causes and Consequences of Differences in the Constitutional Frameworks, *Baltic Journal of Political Science*, no. 2, p. 21.
14. Paas, K., Krjutskova, K. 2016, *Andrus Ansip — halva iseloomuga tark poiss*, Tallinn, Vaba Kiri OU, 352 p.
15. Wasilewski, J. 1998, Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland. In: Higley, J., Pakulski, J., Wesołowski, W. (eds.) *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*, New York, St Martin's, p. 163–187.
16. Aarelaid-Tart, A. 2004, Theory of culture trauma: case of Estonia, *Sociologischeskie issledovaniya*, no. 10, p. 63–71 (in Russ.).

17. Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevskii, A.V., Tev, D.B. 2019, Institutionalization of the political elite: recruiting sources and careers, *Vlast' i elity*, Vol. 6, no. 2, p. 24—66 (in Russ.).
18. Vorotnikov, V.V. 2019, Euro-Atlantic Integration of the Baltic States: Some Results, *Sovremennaya Evropa*, no. 7, p. 124—135. doi: 10.15211/SOVEUROPE72019124135 (in Russ.).
19. Gaman-Golutvina, O.V. 2003, Political elite — definition of basic concepts, *Polis*, no. 3, p. 97—103 (in Russ.).
20. Gaman-Golutvina, O.V. 2016, Political elites as an object of research in Russian political science, *Politicheskaja nauka*, no. 2, p. 38—73 (in Russ.).
21. Gaman-Golutvina, O.V., Klemeshev, A.P. 2012, About local and global dimensions of elite transformation. In: *Politicheskie jelity v staryh i novyh demokratijah* [Political elites in old and new democracies], Kaliningrad, p. 7—13 (in Russ.).
22. Lanko, D.A. 2016, *Postsovetskaja transformacija Jestonii: modernizacija ili mimikrija?* [Post-Soviet Transformation of Estonia: Modernization or Mimicry?], Preprint M-53/16, SPb, Izd-vo Evropejskogo universiteta, 52 p.
23. Maksimtsev, I.A., Mezhevich, N.M., Koroleva, A.V. 2017, Economic Development of the Baltic and Nordic Countries: Characteristics of Economic Models, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 41—54. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-4.
24. Matonyte, I. 2013, Political reconsideration of the Soviet past: attitudes and actions of the Lithuanian elites, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 86—97. doi: 10.5922/2079-8555-2013-3-9.
25. Mezhevich, N.M. 2016, *Gosudarstva Pribaltiki 2.0. Chetvert' veka «vtoryh respublik»* [The Baltic States 2.0. A quarter of a century of “second republics”], Moscow, Associacija knigoizdatelej «Russkaja kniga».
26. Mills, R. 1956, *Vlastvujushhaja elita* [Power elite], Moscow, Inostrannaja literatura, 543 p. (in Russ.).
27. Mjalksoo, L. 2005, *Sovetskaja anneksija i gosudarstvennyj kontinuitet: mezhdunarodno-pravovoj status Jestonii, Latvii i Litvy v 1940—1991 gg. i posle 1991 g.* [Soviet annexation and state continuity: Estonia, Latvia and Lithuania in 1940—1991. and after 1991], Tartu, Izd-vo Tartuskogo un-ta, p. 177—178 (in Russ.).
28. Semenenko, I.S. 2018, History on the frontline of identity politics, *World Economy and International Relations*, Vol. 62, no 11, p. 65—76. doi: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76 (in Russ.).
29. Simonyan, R.H. 2019, The Baltic states and Russia in the context of the Ukrainian crisis, *World Economy and International Relations*, Vol 63, no. 9, p. 61—68. doi: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-61-68 (in Russ.).
30. Skachkov, A.S. 2015, Why the Baltic «bridge» between Russia and EU did not take place? *Mezhdunarodnaja zhizn'*, no. 10, p. 111—125 (in Russ.).
31. Smirnov, V.A. 2019, Foreign policy choice of the political elites of the Baltic states: Opportunities and limitations of the institutional regionalism, *Sovremennaya Evropa*, no. 6, p. 40—47. doi: 10.15211/soveurope620194047 (in Russ.).
32. Smirnov, V.A. 2016, *Politicheskie jelity Latvii, Litvy i Jestonii: faktory rekrutirovanija i strukturnaja dinamika*, Kaliningrad, 181 p. (in Russ.).
33. Tarasov, I.N. 2019, Tools of ethnic politics in Latvia, *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*, Vol. 20, no. 2, p. 34—44 (in Russ.).
34. Tevdoi-Burmuli, A.I. Ethno-political dynamics in the CEE sub-region of the European Union: main trends and prospects, *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, Vol. 12, no. 4, p. 125—147 (in Russ.).

The author

Dr Vadim A. Smirnov, Department of Social and Political Studies, Institute of Europe Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: vsmirnov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4270-356X>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКСКЛАВНОГО РЕГИОНА РОССИИ – КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.М. Федоров

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 10.05.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-3
© Федоров Г. М., 2020

Проблемы экономической безопасности Калининградской области вследствие ее эксклавноности более сложны в сравнении с другими российскими регионами. Еще более актуализирует проблематику ухудшение отношений между Россией и странами Запада, усилившееся после введения последними в 2014 году антироссийских санкций и принятия ответных мер Россией. Геополитическая нестабильность в мире усложняет ситуацию. Цель исследования — оценка уровня экономической безопасности Калининградской области. Решаются задачи определения понятия экономической безопасности региона, измерения ее уровня в расположенном на Балтике эксклавном российском регионе. Рассматриваются возможные меры повышения экономической безопасности области. Для оценки уровня экономической безопасности используются официальные статистические данные о динамике промышленного производства и уровня ВРП, а также 28 других социально-экономических индикаторов. Девять из них позволяют оценить соответствующие стороны экономической безопасности области положительно (исходя из их сравнения со средними по РФ показателями), 19 — отрицательно. Рассмотрены предложения по реструктуризации экономики в сторону большего использования собственных природных и трудовых ресурсов региона, а также по возможности вхождения области в проект Большой Евразии и превращения ее в «международный коридор развития».

Ключевые слова:

экономическая безопасность, Калининградская область, эксклавноность, геополитические факторы, экономическое развитие

Введение. Понятие экономической безопасности региона

В конце существования СССР в отечественной литературе появилось использовавшееся за рубежом с середины 1930-х годов понятие экономической безопасности. В 1990-е годы оно стало широко применяться в научных исследованиях и управленческой практике.

Применительно к национальному уровню народного хозяйства в разработку теории, методологии и практику исследований большой вклад внесли труды Л.И. Абалкина, А.Н. Илларионова, С.Ю. Глазьева, В.К. Сенчагова, В.Л. Тамбовцева. Появились и первые работы, изучающие экономическую безопасность на региональном уровне [1; 2].

Для цитирования: Федоров Г. М. Оценка уровня экономической безопасности эксклавного региона России – Калининградской области // Балтийский регион. 2020. Т.12, № 3. С. 40–54.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-3.

Возникло множество определений понятия региональной безопасности, но содержание большинства из них достаточно близко к положению, сформулированному в 1995 году в федеральном законе «О государственном регулировании внешне-торговой деятельности». Экономическая безопасность в данном законе понимается как «состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и прогрессивного развития Российской Федерации, неуязвимость и независимость ее экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям»²⁰.

В 1996 году Указом Президента РФ была утверждена первая в нашей стране Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)²¹.

В 2017 году, в связи с происшедшими за два десятилетия социально-экономическими и политическими изменениями в стране и мире Указом Президента утверждена новая Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Экономическая безопасность понимается как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»²². Определены вызовы и угрозы экономической безопасности страны, сформулированы цели, основные направления и задачи государственной политики для ее обеспечения. Утверждены 40 показателей для оценки состояния экономической безопасности.

Экономическая безопасность изучается во многих высших учебных заведениях, а некоторые из них даже используют это понятие в наименованиях институтов, факультетов, кафедр. Министерством образования РФ утвержден стандарт специальности 38.05.01 «Экономическая безопасность» (уровень специалитета)²³.

Следует различать понятия экономической безопасности страны, региона, муниципалитета, вида экономической деятельности, предприятия, поскольку существует национальная, региональная, муниципальная, отраслевая и локальная экономическая безопасность. В статье речь идет о региональной экономической безопасности, экономической безопасности региона.

Цель данного исследования — оценка уровня экономической безопасности Калининградской области. Решаются задачи определения понятия экономической безопасности региона, измерения ее уровня в расположенном на Балтике эксклавному российском регионе. Рассмотрены возможные меры повышения экономической безопасности области.

²⁰ *О государственном регулировании внешне-торговой деятельности* : федер. закон от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ. Ст. 2. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=22006&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.030903433703612482#000478694923481604> (дата обращения: 21.02.2020).

²¹ *О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)* : указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92725/ (дата обращения: 22.02.2020).

²² *О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года* : указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (дата обращения: 22.02.2020).

²³ *Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 38.05.01 «Экономическая безопасность (уровень специалитета)»* : приказ Минобрнауки России от 16.01.2017 г. № 20. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212678/e2e2b88d94c5e2378119590efc50ee180a7db526/ (дата обращения: 22.02.2020).

Для того чтобы количественно оценить уровень экономической безопасности области, обычно используется тот или иной набор индикаторов, которые сравниваются с «пороговыми» значениями, установленными автором на основе логических умозаключений и сравнительной оценки ситуации в разных регионах. В данной статье также применяется такой метод, но значения показателей сравниваются со средними по РФ. Кроме того, показан уровень волатильности динамики ВРП и объемов выпуска продукции обрабатывающими производствами в сравнении со средним по РФ, что отражает степень устойчивости экономики региона к внешним воздействиям.

Актуальность оценки экономической безопасности Калининградской области

Из общих соображений можно утверждать, что эксклавный регион имеет меньший уровень экономической безопасности по сравнению с внутренними регионами страны из-за известных сложностей транспортных коммуникаций с основной территорией страны. Однако Калининградская область имеет и определенные преимущества, связанные с приморским положением (позволяющим использовать дешевый морской транспорт для торговых связей с удаленными странами и развивать рыболовство) и близостью экономически развитых государств зарубежной Европы — возможных внешнеэкономических партнеров.

Первые годы после распада СССР вопрос об экономической безопасности любых регионов Российской Федерации, включая Калининградскую область, отечественными учеными и специалистами не ставился, поскольку предполагалось постепенное формирование общеевропейского пространства с неизменным участием нашей страны. Расположенные на балтийском побережье российские регионы стали активно участвовать в международных организациях Балтийского региона. Россия вошла в созданный в 1992 году Совет государств Балтийского моря и возглавляемые им программы сотрудничества. В 2002 году был образован Совет Россия — НАТО для координации действий в военно-политической сфере.

Первоначально и особый режим хозяйствования на территории области в виде Свободной экономической зоны «Янтарь» рассматривался вовсе не как механизм преодоления эксклавности региона, а как стимул скорейшего развития рыночных отношений, предпринимательства и вхождения в мировой рынок. Но уже во второй половине 1990-х годов благодаря углубленным исследованиям экономической ситуации появилось мнение о «хрупкости» областной экономики, ее сильной зависимости от внешних воздействий [4]. Постепенно зональный механизм стал восприниматься как способ компенсации дополнительных затрат хозяйствующих субъектов — резидентов Особой экономической зоны в связи с пространственной оторванностью региона от основной территории страны. В 1990-е годы и в начале 2000-х годов в большинстве публикаций российских авторов большие надежды возлагались на сотрудничество России и ЕС: часто говорилось о «пилотном регионе», «регионе сотрудничества» (подробнее см.: [5]). Более того, принятая к реализации в 2003 году стратегия социально-экономического развития Калининградской области так и называлась — «Стратегия социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года»²⁴.

В 1990-е годы и самом начале 2000-х был выполнен ряд международных проектов, касающихся Калининградской области и ее развития в процессе кооперации России и ЕС. Зарубежные авторы опубликовали ряд книг и статей, в которых

²⁴ О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года : постановление Администрации Калининградской области от 15 июля 2003 года № 392. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469726126> (дата обращения: 22.02.2020).

в основном позитивно оценивались возможности российско-европейского экономического сотрудничества [6—13]. Но в других публикациях обращалось большее внимание на возможные трудности во взаимоотношениях сторон [14—19].

Однако постепенно ситуация во взаимоотношениях России и стран Запада стала ухудшаться. После вступления Польши и стран Балтии в НАТО и ЕС возникла геополитическая и геоэкономическая нестабильность, создавшая значительные угрозы национальной безопасности России и экономической безопасности ее эксклавного региона.

Со второй половины 2000-х годов содержание большинства публикаций западных авторов изменилось. Издавались и нацеленные на экономическое сотрудничество работы, в том числе подготовленные совместно российскими и зарубежными авторами [20—22], но среди имеющих отношение к Калининградской области материалов стали преобладать касающиеся национальной безопасности стран ЕС и НАТО в контексте развития политических отношений с Россией [23—27]. Российские же ученые продолжали развивать идеи международного сотрудничества на Балтике, хотя в связи с расширением ЕС и НАТО на восток обращали внимание на необходимость большей ориентации на внутренние источники развития региона [28—31].

Исходя из возникающих геополитических и геоэкономических угроз, усиления присутствия НАТО вблизи государственных границ, Российская Федерация стала принимать меры по налаживанию паромного сообщения с Калининградской областью и созданию автономной энергосистемы (для чего началось строительство четырех небольших тепловых электростанций, обеспечивающих устойчивость энергоснабжения региона) (см. подробнее: [3, 29]).

С ухудшением отношений России со странами Запада, особенно после введения ими в 2014 году антироссийских санкций и резкого сокращения взаимного сотрудничества, актуальность изучения проблем экономической безопасности эксклавного российского региона еще более усилилась. Осуществляемые правительством меры финансовой и институциональной поддержки региона в целом обеспечивают его успешное развитие, однако эксклаvnность остается фактором, создающим дополнительные в сравнении с внутренними регионами страны проблемы экономической безопасности.

Важность исследований социально-экономического положения и перспектив развития Калининградской области подтверждает тот факт, что Российским фондом фундаментальных исследований профинансированы проекты «"Приморский фактор" конкурентного потенциала российского региона-эксклава: стратегии и механизмы реализации в условиях геополитической и геоэкономической турбулентности» (2018—2019 гг.) и «Теоретическое обоснование развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации» (2020—2021 гг.).

В результате исследований выявляются меры, необходимые для обеспечения устойчивого развития региона в условиях геополитической турбулентности.

Коллективом ученых из Калининграда, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Смоленска и Симферополя выполняется исследование по гранту РФ «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности» (2018—2020). В монографии «Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России» [3] и ряде других публикаций, отражающих уже полученные результаты, рассмотрены важные аспекты данной проблематики. Данная статья опирается на полученные теоретические и методические результаты выполненных их авторами исследований.

Оценка экономической безопасности Калининградской области

В 2002 году Т.М. Шулькина защитила кандидатскую диссертацию (по экономическим наукам) на тему «Управление процессами обеспечения экономической безопасности Калининградской области». Большинство выявленных ею проблем осталось

актуальным и до настоящего времени. В то же время и экономический потенциал области значительно усилился и многие (прежде всего геополитические) факторы развития региональной экономики изменились. Вследствие ухудшения взаимоотношений России и ЕС и введения странами Запада антироссийских санкций возросла и актуальность оценки ситуации в эксклавному российском регионе на Балтике.

Среди всех признаков экономической безопасности региона, на наш взгляд, главным выступает высокая волатильность темпов развития его экономики. То есть целесообразно сравнить динамику ВРП и ведущих видов экономической деятельности региона со средними по стране. Ниже среднего по стране уровень экономической безопасности является тогда, когда «размах» колебаний темпов развития становится выше среднего по стране (особенно если темпы роста в периоды динамичного развития экономики чаще всего выше среднероссийских, а в кризисные годы спад обычно оказывается глубже). Но и в период высоких темпов развития более значительные колебания темпов год от года в регионе означают недостаточную устойчивость его экономики к внешним воздействиям, то есть указывают на наличие угроз экономической безопасности.

Калининградская область как раз и отличается более значительными различиями в темпах развития по сравнению со среднероссийским уровнем. Особенно это заметно при оценке динамики развития ведущей в регионе обрабатывающей промышленности (рис. 1). Волатильность показателей динамики ВРП меньше (рис. 2), так как сказывается сглаживающее воздействие более устойчивых показателей динамики социальной сферы. В целом на основании анализа приведенных данных, как и следовало ожидать, можно оценить уровень экономической безопасности Калининградской области как значительно более низкий по сравнению со средними показателями российских регионов. Анализ конкретных индикаторов позволит оценить конкретные наиболее сильные угрозы экономической безопасности региона.

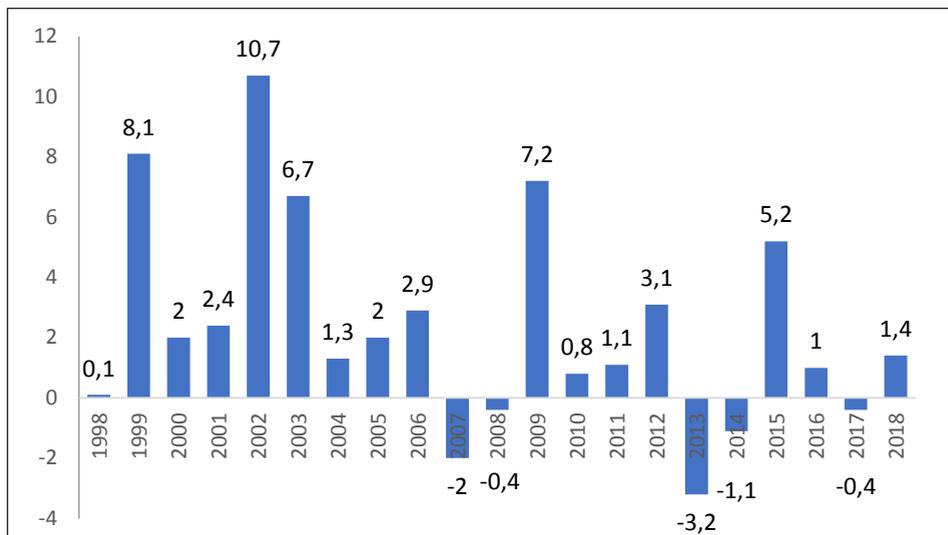

Рис. 1. Разница между темпами роста физических объемов продукции обрабатывающих производств Калининградской области и РФ, процентных пунктов

Источник. Составлено на основе данных: *Промышленное производство* // ЕМИСС. URL: https://gks.ru/enterprise_industrial?print=1# (дата обращения: 20.02.2020); *Индекс производства (ОКВЭД2)* // ЕМИСС. URL: https://gks.ru/enterprise_industrial?print=1# (дата обращения: 20.02.2020).

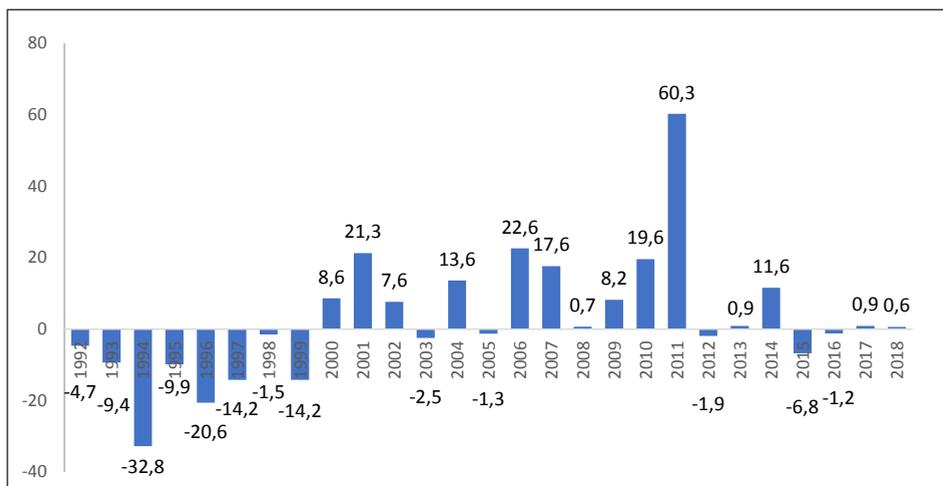

Рис. 2. Разница между темпами роста физических объемов ВРП Калининградской области и среднероссийским уровнем, процентных пунктов, 1998—2018 годы

Источник. Составлено на основе данных: Индексы физического объема валового регионального продукта в 1998—2018 гг. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27963> (дата обращения: 20.02.2020).

В коллективной монографии уже проводили сравнительную оценку экономической безопасности регионов Западного побережья России на основе совокупности социально-экономических показателей [3].

Перечень из 20 общих, 15 частных и 37 специальных индикаторов для такой оценки применительно к приграничному региону в монографии обосновала К.Ю. Волошенко [3, с. 93—107]. В основе этого перечня лежит анализ работ ведущих ученых, занимающихся аналогичной проблематикой, а также опыт собственных исследований. Ниже мы опираемся на этот перечень. В таблице 1 использованы все 20 общих показателей (характерных для любых регионов России) с добавлением динамики ВРП (2 в перечне), который представляется не менее важным, чем каждый из остальных двадцати показателей (табл. 1).

Таблица 1

Общие индикаторы экономической безопасности Калининградской области

Индикатор	Пороговое значение	Фактический показатель		КО в сравнении с РФ
		РФ	КО*	
1. Отношение годового объема ВРП на душу населения к среднему по стране, %, 2018 год	Не менее 100	100	80	-
2. Индекс физического объема ВРП, % к среднему по субъектам РФ, 2018 год в % 2017 году	Не менее 100	102,8	103,3	+
3. Индекс потребительских цен, декабрь 2019 года к декабрю 2018 года, %	Не более 106	104,5	105,0	-

Продолжение таблицы 1

Индикатор	Пороговое значение	Фактический показатель		КО в сравнении с РФ
		РФ	КО*	
5. Степень износа основных фондов (на конец 2018 года по полному кругу предприятий, %)	Не более 60	50,9	31,6	+
6. Сбор зерна (в весе после доработки) на душу населения, ц, в среднем за 2014—2018 годы	Не менее 7,5	7,9	4,4	-
7. Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %, 2018 год	Не менее среднего по РФ	6,5%	0,3%	-
8. Отношение затрат на технологические инновации к затратам на исследования и разработки, %, 2018 год	Не менее 200	143	58	-
9. Отношение объема отгруженной инновационной продукции к затратам на технологические инновации, %, 2018 год	Не менее 200	307	253	-
10. Дефицит консолидированного бюджета, % к ВРП, 2018 год (РФ — из суммы показателей регионов)	Не более 3	Профицит 0,6	Профицит 0,5	-
11. Удельный вес убыточных организаций, %, 2018 год	Не более среднего по РФ	33,1	41,6	-
12. Динамика среднегодовой численности населения, 2019 год, % к 2018 году	Не менее 100	99,96	100,9	+
13. Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% высокодоходного и 10% низкодоходного населения), 2018 год	Не более 8	15,6	10,5	+
14. Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения субъекта РФ, %, 2018 год	Не более 7	12,6	13,7	-
15. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму (по состоянию на IV квартал 2019 года), раз	Не менее 3,5	3,9	2,9	-
16. Отношение среднего размера назначенных пенсий к среднему размеру начисленной заработной платы работников организаций, %, 2018 год	Не менее 40	30,5	38,0	+

Окончание таблицы 1

Индикатор	Пороговое значение	Фактический показатель		КО в сравнении с РФ
		РФ	КО*	
18. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет, 2018 год	Не менее 80	73,3	73,6	+
19. Суммарный коэффициент рождаемости, 2018 год	Не менее 2,2	1,58	1,51	-
20. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя, м ² , на конец 2018 года	Не менее 25	26,3	28,9	+
21. Число преступлений на 100 000 человек, 2019 год	Не более 5000	1379	1480	-

Примечание: *КО — Калининградская область; + — положительная оценка, – — отрицательная оценка. Полу жирным шрифтом выделены значения индикаторов, оцениваемые положительно. Перечень показателей (кроме 2) и их пороговые значения приведены К.Ю. Волошенко в разделе 5.3 монографии: *Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России*. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019.

Источник. Составлено автором на основе данных: *Валовой региональный продукт на душу населения* // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42928> (дата обращения: 03.07.2020); *Калининградская область в цифрах*. 2019. Т. 1. Калининград : Калининградстат, 2019; *Портал правовой статистики*. URL: crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 03.07.2020); *Динамика среднего размера назначенных пенсий*. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/doc3-1-1.htm (дата обращения: 03.07.2020); *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2019 : стат. сб. М. : Росстат, 2019. Используются также приведенные К.Ю. Волошенко пороговые значения индикаторов, применяемые для оценки уровня экономической безопасности. Однако поскольку величина пороговых значений почти всегда достаточно условна и зависит от субъективного мнения исследователя, предлагается использовать также сравнение соответствующих индикаторов со среднероссийскими. Это позволяет оценить тот или иной аспект экономической безопасности в сравнении с другими регионами страны.

Как можно заметить, среди индикаторов, приведенных в таблице 1, выделяются две группы. Первая оценивает состояние самой экономики (1—11), вторая (12—21) — социальные и демографические аспекты региона, зависящие от уровня, структуры и темпов развития экономики. Приведенный перечень может несколько видоизменяться в зависимости от мнений исследователя, но, представляется, что он раскрывает важнейшие компоненты обобщенного региона, от которых зависит оценка экономической безопасности.

Из 21 рассматриваемого индикатора Калининградская область в 10 случаях соответствует пороговым значениям, в 9 — индикаторы области имеют более благоприятные значения по сравнению со средними по Российской Федерации. В 7 случаях обе оценки положительные, в 8 — отрицательные. Соответственно, в 6 случаях имеют место расхождения. Особенно важно то, что, хотя душевой ВРП области на 20% ниже среднего по регионам РФ, темпы его роста выше, основные фонды более новые (степень их износа ниже), более высоким является отношений инвестиций к ВРП. Наиболее сложные проблемы — чрезвычайно слабая инновационность экономики области и высокая доля убыточных предприятий. Выше среднего по РФ — уровень преступности. Невысоки доходы населения, хотя обеспеченность жилой площадью существенно выше среднего по стране уровня, низка безработица.

Помимо рассмотренных общих показателей оценка экономической безопасности Калининградской области должна учитывать ее приграничное и, более того, эксклавное положение. Речь идет о частных (раскрывающих общие) и специальных (дополнительных, присущих эксклаву) индикаторах (табл. 2).

Таблица 2

**Частные (1–3) и специальные (4–7) индикаторы экономической безопасности
Калининградской области**

Показатель	Значение
1. Отношение иностранных инвестиций в экономику Калининградской области в расчете на душу населения к аналогичному показателю по РФ, %, 2017 год	31
2. Доля трансферов в доходах консолидированного бюджета региона, %, 2019 год	57,7
3. Обеспеченность собственным производством основных видов продовольствия, %, 2017 год	Картофель, мясо 100; овощи 58; молоко 76; яйца 85; зерно*
4. Транспортное сообщение с другими субъектами РФ без пересечения территории других стран	Только морское
5. Отношение экспорта, импорта в отношениях с соседними странами к общему объему экспорта, импорта Калининградской области, %, 2017 год	Экспорт 7,9; импорт 1,7
6. Экспорт, импорт на душу населения, % к среднему по РФ, 2017 год	Экспорт 53; импорт 473
7. Вывоз, ввоз товаров в торговле с другими регионами страны, % к объему отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами в обрабатывающей промышленности, %, 2015 год	Вывоз 49,3; ввоз 9,5

Примечание: *Уровень производства составляет 56% от среднего уровня по РФ за 2014–2018 годы. Отсутствует пшеница твердых сортов, из которых производится мука для хлебопечения и крупы.

Источник. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 02.03.2020);
Статистика. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/statistic> (дата обращения: 02.03.2020);
Бюджетный процесс // Министерство финансов Калининградской области. URL: <https://minfin39.ru/budget/analytics>; К 2018 году регион будет обеспечивать себя овощами и фруктами меньше чем на 60%. URL: <https://kgd.ru/news/society/item/65871-k-2018-godu-region-budet-obespechivat-sebya-ovoshhami-i-fruktami-menshe-chem-na-60> (дата обращения: 03.03.2020).

Большинство приведенных в таблице 2 индикаторов (за исключением объемов производства картофеля и мяса) имеет количественные значения, позволяющие оценить уровень экономической безопасности региона отрицательно. Незначительный уровень иностранных инвестиций свидетельствует о недостаточно развитых экономических отношениях с зарубежными странами, в окружении которых развивается область. Уровень обеспеченности продовольствием по сельскохозяйственным продуктам, для производства которых область имеют благоприятные условия, недостаточно высок. Больших размеров в силу невысокого уровня собственных доходов региона достигают трансферты из федерального бюджета. Все виды транспортных

коммуникаций (кроме морских) с основной территорией России осуществляются с пересечением территорий не менее двух зарубежных стран. Незначительны объемы товарооборота, резко сократившегося за 2010-е годы, с соседними Польшей и Литвой. Высока зависимость обрабатывающих производств от импорта сырья и комплектующих, а также оборудования из зарубежных стран (при незначительных объемах ввоза из других регионов страны), а уровень экспорта невысок, тогда как половина произведенных в области товаров поступает в другие регионы РФ.

Заключение

Испытавшая глубокий спад в кризисные 1990-е годы и вновь получившая развитие под воздействием условий сначала свободной экономической зоны «Янтарь», а затем нескольких сменявших друг друга режимов Особой экономической зоны, экономика Калининградской области стала особенно сильно зависеть и от институциональных условий, и от внешнеполитической ситуации, и от положения на мировом рынке. Степень ее экономической безопасности в результате стала весьма невысокой, хотя в стабильных внешних условиях экономика развивалась быстрее, чем в большинстве регионов страны и достигла сравнительно высокого уровня.

Однако в периоды кризисов обрабатывающие производства области по сравнению с внутренними регионами страны оказываются в худшем положении. И спад выпуска ими продукции в условиях пандемии коронавируса COVID-19 оказался глубже по сравнению со средним по РФ уровнем. Особенно пострадали предприятия частичного импортозамещения, использующие зарубежное сырье и полуфабрикаты²⁵. Размеры импорта сильно сократились (за первые 5 месяцев 2020 года по сравнению с аналогичным периодом 2019 года на 23,5%²⁶). Поэтому, например, за первое полугодие 2020 года производство автомобилей в крупнейшем в области холдинге «Автотор» уменьшилось на 37%²⁷.

С учетом зависимости экономики области от внешних условий для Калининградской области трудно предложить эффективную и достаточно легко реализуемую стратегию социально-экономического развития, не предполагающую больших инвестиций и кардинальной реструктуризации экономики.

Нереализованной, но пока и не конца отвергнутой попыткой сформировать новую производственную структуру региона было начало строительства в 2010 году крупной Балтийской АЭС, вокруг которой мог сформироваться кластер энергоемких производств. Но в 2014 году строительство было приостановлено.

Показательным примером низкого уровня экономической безопасности региона стала реакция экономики на ухудшение отношений России со странами Европейского союза. Еще до принятия ими антироссийских санкций внешнеторговые связи Калининградской области с прежними главными торговыми партнерами — Германией, Польшей и Литвой — стали сокращаться, а с весны 2014 года сокращение приняло особенно большие масштабы. Тем не менее один из глобальных экономических про-

²⁵ За январь—май 2020 года по сравнению с январем—маем 2019 года падение производства было более глубоким по сравнению с Калининградской областью только в 14 субъектах РФ (*Индекс производства // ЕМИСС*. URL: <https://fedstat.ru/indicator/57806> (дата обращения: 15.07.2020).

²⁶ *Внешняя торговля Калининградской области // Калининградская областная таможня*. URL: <http://koblt.customs.gov.ru/statistic/2020-god> (дата обращения: 06.07.2020).

²⁷ *Стало известно, насколько сократилось производство «Автотора»*. Калининград. 3 июля 2020. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/03/07/2020/5eff244d9a79472d5fb594a3> (дата обращения: 15.07.2020).

ектов — «Большая Евразия» — исходит из возможности восстановления этих связей в рамках экономических взаимодействий Китая, России, зарубежной Европы и ряда стран Центральной и Западной Азии. В таком случае Калининградская область благодаря своему географическому положению (возможно, во взаимодействии с соседними польскими и литовскими регионами) может стать важным звеном в цепи обеспечения взаимных связей Востока и Запада. Область будет иметь возможность превратиться в регион — «международный коридор развития», каким в значительной мере уже стала территориальная система «Санкт-Петербург — Ленинградская область» и некоторые функции которого Калининградская область уже выполняет.

Определенные резервы, повышающие экономическую безопасность, заключаются в более полном использовании внутренних ресурсов региона и формировании региональных и межрегиональных кластеров. Предлагаются заслуживающие внимания проекты производства экологически чистой сельскохозяйственной продукции, развития медицинского туризма и рекреации, формирования янтарного и судостроительного (возможно, совместно с Санкт-Петербургом) кластера, организации авиационного хаба и связанного с ним комплекса обрабатывающих производств, IT-кластера, инновационного кластера «Технополис GS». Принято решение о разрывании инновационно-технологического центра «Балтийская долина», специализацией которого могут стать здоровьесбережение, реабилитационные технологии, разработка пищевых и промышленных биотехнологий, персонализированное питание, инжиниринг и промышленный дизайн²⁸. Реализация таких проектов могла бы снизить уровень внешних угроз и повысить экономическую безопасность региона.

В свое время обсуждался также ряд проектов расширения калининградского портового комплекса (в том числе превращение Калининграда в аванпорт Санкт-Петербурга), но при этом возникают непростые проблемы увеличения транзита через территории зарубежных стран. На наш взгляд, представляет интерес и создание еще нескольких крупных предприятий, таких как «Автотор» и «Содружество-Соя», с импортом сырья и полуфабрикатов из Латинской Америки, Азии или Африки с поставками продукции на общероссийский рынок (по примеру «Автотора») или на экспорт (как «Содружество-Соя»). Но в каждом из этих проектов существуют дополнительные угрозы экономической безопасности, связанные с возможным при определенных условиях прекращением поставок из стран-партнеров.

В условиях продвижения НАТО на восток усиливаются оборонные функции Калининградской области как геостратегической территории страны, обеспечивается ее военная безопасность. Возрастает та структурная часть региональной экономики, которая связана с упрочением военного потенциала. Это придает дополнительную устойчивость народному хозяйству, положительно влияя на его экономическую безопасность.

В 1990-е и в начале 2000-х годов в кругу ученых и специалистов обсуждался вопрос о заключении между Россией и ЕС специального соглашения о жизнеобеспечении Калининградской области. К сожалению, эту идею реализовать не удалось. По мнению автора, имеет смысл вернуться к ней — заключение подобного соглашения (и даже просто его постановка на повестку дня) могло бы способствовать решению по крайней мере вопросов транспортной безопасности региона.

Таким образом, существуют многочисленные, но постепенно решаемые проблемы обеспечения экономической безопасности эксклавной Калининградской области. Некоторые возможные пути решения этих проблем намечены в данной статье,

²⁸ Алиханов рассказал о специализации научного центра «Балтийская долина». URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/05/03/2020/5e60b3679a794722aa004b80> (дата обращения 07.03.2020).

и целесообразно их более глубокое изучение. В целом же, несмотря на имеющиеся проблемы, экономика области продолжает достаточно успешно развиваться, и можно надеяться, учитывая и поддержку федерального центра, и собственный потенциал, что она справится и с влиянием антироссийских санкций стран Запада, и с последствиями пандемии COVID-19.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-05-00399 «Теоретическое обоснование концепции и стратегии развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации».

Список литературы

1. Гутман Г.В., Лапыгин Ю.Н., Прилепский А.И. Экономическая безопасность региона: Теория и практика. М., 1996.
2. Татаркин А.И., Куклин А.А., Романова О.А. и др. Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практики. Екатеринбург, 1997.
3. Проблемы экономической безопасности регионов Западного побережья России / под ред. Г.М. Федоров. Калининград, 2019.
4. *Kaliningrad region: the diagnosis of a crisis* / I. Samson (ed.). Kaliningrad, 1998.
5. *Стратегии развития Калининградской области* / под ред. А.П. Клемешева, В.А. Мау. Калининград, 2007.
6. Пальмовский Т. Новая Балтийская биполярная модель межрегионального сотрудничества // Вестник Калининградского государственного университета. Сер. Регионоведение. 2004. № 6. С. 66—75.
7. Aalto P. A European Geopolitical Subject in the Making? EU, Russia, and the Kaliningrad Question // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7, № 3. P. 143—175.
8. Archer C., Etzold T. “The European Union and Kaliningrad: Taking the Low Road // *Geopolitics*. 2010. Vol. 15, № 2. P. 329—344. doi: 10.1080/14650040903486959.
9. *Die Zukunft des Gebiets Kaliningrad (Königsberg): Ergebnisse einer internationalen Studiengruppe* // Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale studien. Sonderveröffentlichung. 1993. Juli. S. 2—4.
10. Kivikari U. A Growth Triangle as an Application of the Northern Dimension Policy in the Baltic Sea Region. C2/1998 Discussion, Institute for East-West Trade. Turku, 1998. P. 1—27.
11. Kivikari U., Lindstrom M., Liuhto K. The external Economic Relations of the Kaliningrad Region. Turku, 1998.
12. *Problemy współpracy przygranicznej pomiędzy polska i obwodem Kaliningradzim Federacji Rosyjskiej*. Проблемы приграничного сотрудничества между Польшей и Калининградской областью Российской Федерации // *Podstamy rozwoju zachodnich i wschodnich obszarów przygranicznych Polski*. Biuletyn № 6. Warszawa, 1994.
13. Timmermann H. Kaliningrad — eine Pilotregion für die Gestaltung der Partnerschaft EU-Russland? URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/kaliningrad-pilotregion-fuer-die-partnerschaft-eu-russland/> (дата обращения 07.03.2020).
14. Browning C.S. The Internal/External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad // *Alternatives: Global, Local, Political*. Vol. 28, № 5 (Nov. — Dec. 2003). P. 545—581.
15. *Kaliningrad — Isolation or Cooperation?* / Grönik R., Kulmala M., Päiviö, L. 2001 (eds.). Helsinki, 2001.
16. Lopata L. Kaliningrad, otage géopolitique de la Russie. Un point de vue lituanien // *Le Courrier des pays de l’Est*. 2005. №1048. 30 à 39.
17. Huisman S. A new European Union policy for Kaliningrad (Occasional Papers / European Union Institute for Security Studies No. 33). P., 2002. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/occ33.pdf> (дата обращения 07.03.2020).
18. Krickus R. J. *The Kaliningrad Question*. Lanham, 2001.

19. *Wellmann C.* Russia's Kaliningrad Exclave at the Crossroads: The Interrelation between Economic Development and Security Politics // *Cooperation and Conflict*. 1996. Vol. 31, № 2. P. 161—183.
20. *Joenniemi P., Sergunin A.* Kaliningrad: Less of an Outpost, More of a Bridge // *Political State of the Region Report 2012* / B. Henningsen, T. Etzold (eds.). Copenhagen, 2012. P. 25—32.
21. *Marketplace* or military bastion? Kaliningrad between Brussels and Moscow / I. Oldberg (ed.) // *UI-paper*. 2018. № 3. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2018/ui-paper-no.-3-2018.pdf> (дата обращения: 17.04.2020).
22. *Richard Y., Sebestov A., Zotova M.* The Russian exclave of Kaliningrad. Challenges and limits of its integration in the Baltic Region // *Cybergeo*. European Journal of Geography. 2015. № 719. doi: <https://doi.org/10.4000/cybergeo.26945>.
23. *Diener A., Hagen J.* Geopolitics of the Kaliningrad Exclave and Enclave: Russian and EU Perspectives // *Eurasian Geography and Economics*. 2011. Vol. 52, № 4. P. 567—592. doi: [10.2747/1539-7216.52.4.567](https://doi.org/10.2747/1539-7216.52.4.567).
24. *Ekengren M.* A return to geopolitics? The future of the security community in the Baltic Sea Region // *Global Affairs*. 2018. Vol. 4, iss. 4—5. P. 503—519. doi: [10.1080/23340460.2018.1535250](https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535250).
25. *Future Security Challenges in the Baltic Sea Region. A study for the Swedish Armed Forces by the Development, Concepts and Doctrine Centre*. November 2015. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/494595/20151201-Baltic_sea_regional_security.pdf (дата обращения: 27.04.2020).
26. *Tendency of National Security in the Baltic Sea Region* / A. Makðtutis, D. Prakapienė (eds.). Vilnius, 2006. URL: www.lka.lt (дата обращения: 27.04.2020).
27. *Security in the Baltic Sea Region: Realities and Prospects: The Riga Conference Papers 2017* / A. Sprūds, M. Andžāns (eds.). Riga, 2017.
28. *Винокуров Е.Ю.* Экономическая специализация Калининградской области. Калининград, 2007.
29. *Гимбицкий К.К., Кузнецова А.Л., Федоров Г.М.* Развитие экономики Калининградской области: этапы реструктуризации // *Балтийский регион*. 2014. № 1 (19). С. 56—71. doi: [10.5922/2074-9848-2014-1-4](https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-1-4).
30. *Клемешев А.П.* Эксклавность в условиях глобализации. Калининград, 2007.
31. *Российская Балтика и Балтийский регион* / под ред. В.М. Разумовского. СПб., 2017.

Об авторе

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4267-2369>

ON THE ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA'S KALININGRAD EXCLAVE

G. M. Fedorov

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, Russia, 236016

Received 10 May 2020
doi: [10.5922/2079-8555-2020-3-3](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-3)
© Fedorov, G. M., 2020

An exclave position makes the economic security problems of the Kaliningrad region more complex as compared with other Russian territories. Deteriorating relations between Russia

To cite this article: Fedorov, G. M. 2020, On the economic security of Russia's Kaliningrad exclave, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 3, p. 40—54. doi: [10.5922/2078-8555-2020-3-3](https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-3-3).

and the West compound the situation. This has been especially so since 2014 when economic sanctions were imposed against Russia, and the country retaliated. Global geopolitical instability adds to the conundrum. This study aims to assess the economic security of the Kaliningrad region. Its objectives include defining the concept of regional economic security and measuring its level in the Russian Baltic exclave. Possible ways to improve the economic security of the region are considered as well. Official statistics on the dynamics of industrial production and GRP and 28 other socio-economic indicators are used to assess the level of economic security. The region performs well on nine indicators and much worse on 19. Proposals for economic restructuring aimed at more intensive exploitation of regional natural and labour resources are examined along with the region's prospects as part of the Great Eurasia (Bolshaya Eurasia) project and as an 'international development corridor'.

Keywords:

economic security, Kaliningrad region, exclave position, geopolitical factors, economic development

References

1. Gutman, G.V., Lapygin, Yu.N., Prilepsky, A.I. 1996, *Ekonomicheskaya bezopasnost` regiona: Teoriya I praktika* [Economic security of region: Theory and practice], Moscow (in Russ.).
2. Tatarkin, A.I., Kuklin, A.A., Romanova, O.A. et al. 1997, *Ekonomicheskaya bezopasnost` regiona: edinstvotoorii, metodologii issledovaniya I praktiki* [Economic security of the region: the unity of theory, research methodology and practice], Yekaterinburg (in Russ.).
3. Fedorov, G.M. (ed.). 2019, *Problemy` ekonomicheskoy bezopasnosti regionov Zapadnogo porubezhya Rossii* [The problems of economic security of the regions of the Western Russian borderland], Kaliningrad (in Russ.).
4. Samson, I. (ed.) 1998, *Kaliningrad region: the diagnosis of a crisis*, Kaliningrad.
5. Klemeshev, A.P., Mau, V.A. (eds) 1997, *Strategii razvitiya Kaliningradskoy oblasti* [Development strategies of the Kaliningrad region], Kaliningrad (in Russ.).
6. Palmowski, T. 2004, The new Baltic bipolar model of interregional cooperation, *IKBFU's Vestnik. Regional Studies*, no, 6, p. 66 — 75 (in Russ.).
7. Aalto, P. 2002, A European Geopolitical Subject in the Making? EU, Russia, and the Kaliningrad Questio, *Geopolitics*, vol. 7, no. 3, p. 143 — 175.
8. Archer, C., Etzold, T. 2010, The European Union and Kaliningrad: Taking the Low Road, *Geopolitics*, vol. 15, no. 2, p. 329 — 344. doi : 10.1080/14650040903486959.
9. *Die Zukunft des Gebiets Kaliningrad (Konigsberg): Ergebnisse einer internationalen Studienengruppe*, 1993, Bundesinstitut fur ostwissenschaftliche und internationale studien, Sonderveroffentlichung. Juli, p. 2 — 4.
10. Kivikari, U. 1998, *A Growth Triangle as an Application of the Northern Dimension Policy in the Baltic Sea Region*, C2/1998 Discussion, Institute for East-West Trade, Turku, p. 1 — 27.
11. Kivikari, U., Lindstrom, M., Liuhto, K. 1998, *The external Economic Relations of the Kaliningrad Region*, Turku.
12. Problemy wspolpracy przygranicznej pomiedzy polska i obwodem Kaliningradzim Federacji Rosyjskiej, 1994, *Podstamy rozwoju zachodnich i wschodnich ob szarow przygranicznych Polski*, Warszawa, no. 6.
13. Timmermann, H. 2001, Kaliningrad — eine Pilotregion für die Gestaltung der Partnerschaft EU — Russland? *Osteuropa*, no. 51, September 2001, 9, p. 1036—1066.
14. Browning, C.S. 2003, The Internal/External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad, *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 28, no. 5, Nov. — Dec., p. 545—581.
15. Grönik, R., Kulmala, M., Päiviö, L. (eds) 2001, *Kaliningrad — Isolation or Cooperation?* Helsinki.
16. Lopata, L. 2005, Kaliningrad, otage géopolitique de la Russie. Un point de vue lituanien, *Le Courrier des pays de l'Est*, no.1048, p. 30—39.

17. Huisman, S. 2002, A new European Union policy for Kaliningrad, *Occasional Papers*, no. 33, Paris, European Union Institute for Security Studies, available at: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/occ33.pdf> (accessed 07.03.2020).
18. Krickus, R.J. 2001, *The Kaliningrad Question*, Lanham.
19. Wellmann, C. 1996, Russia's Kaliningrad Exclave at the Crossroads: The Interrelation between Economic Development and Security Politics, Cooperation and Conflict, vol. 31, no. 2, p. 161—183.
20. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2012, Kaliningrad: Less of an Outpost, More of a Bridge, *Political State of the Region Report 2012*, Copenhagen, The Baltic Development Forum, p. 25—32.
21. Oldberg, I. (ed.). 2018, Marketplace or military bastion? Kaliningrad between Brussels and Moscow, *UI-paper*, no 3, available at: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2018/ui-paper-no.-3-2018.pdf> (accessed 17.04.2020).
22. Richard, Y., Sebestov, A., Zotova, M. 2015, The Russian exclave of Kaliningrad. Challenges and limits of its integration in the Baltic region, *Cybergeo. European Journal of Geography*, no. 719. doi: 10.4000/cybergeo.26945.
23. Diener, A., Hagen, J. 2011, Geopolitics of the Kaliningrad Exclave and Enclave: Russian and EU Perspectives, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 52, no. 4, p. 567—592. doi: 10.2747/1539-7216.52.4.567.
24. Ekengren, M. 2018, A return to geopolitics? The future of the security community in the Baltic Sea Region, *Global Affairs*, vol. 4, no. 4—5, p. 503—519. doi:10.1080/23340460.2018.1535250.
25. *Future Security Challenges in the Baltic Sea Region, 2015*, A study for the Swedish Armed Forces by the Development, Concepts and Doctrine Centre, available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/494595/20151201-Baltic_sea_regional_security.pdf
26. Makötutis, A., Prakapienė, D. (eds) 2006, *Tendency of National Security in the Baltic Sea Region*, Vilnius, Military Academy of Lithuania.
27. Sprūds, A., Andžāns, M. (eds) 2017, *Security in the Baltic Sea Region: Realities and Prospects: The Rīga Conference Papers 2017*, Riga, Latvian Institute of International Affairs.
28. Vinokurov, E. Yu. 2007, *Ekonomicheskaya spetsializatsiya Kaliningradskoy oblasti* [Economic specialization of the Kaliningrad region], Kaliningrad (in Russ.).
29. Gimbitsky, K.K., Kuznetsova, A.L., Fedorov, G.M. 2014, The development of Kaliningrad regional economy: A new stage of restructuring, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 41—53. doi: 10.5922/2079-8555-2014-1-4.
30. Klemeshev, A.P. 2007, *Eksklavnost' v usloviyakh globalizatsii* [Exclavation in the context of globalization], Kaliningrad (in Russ.).
31. Razumovsky, V.M. (ed.) 2017, *Rossiyskaya Baltika i Baltiyskiy region* [Russian Baltic and Baltic region], St. Petersburg (in Russ.).

The author

Dr Gennady M. Fedorov, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4267-2369>

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИММИГРАНТСКИЕ ГЕТТО КАК ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ДАНИИ

Е. Ю. Талалаева
Т. С. Пронина

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

Поступила в редакцию 29.04.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-4

© Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С., 2020

Геттоизация иммигрантских районов в Дании представляет собой объективный долгосрочный процесс формирования на территории государства этнорелигиозных «параллельных» обществ. Жители гетто руководствуются собственными культурно-религиозными установками, противоречащими устоявшимся демократическим ценностям датского общества. Сложившееся идеологическое противостояние общества большинства и мусульманских иммигрантских меньшинств, обусловленное совокупностью социально-экономических и политических факторов, позиционируется в датском общественно-политическом дискурсе в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности. Прежде всего речь идет о социальной разобщенности и нарушении территориальной целостности страны, что выводит проблему на региональный и международный уровни. В статье осуществляется последовательная реконструкция ключевых этапов развития проблемы существования параллельных обществ на территории Дании с опорой на анализ публичных выступлений датских общественно-политических деятелей. В фокусе исследования также находятся официально опубликованные правительственные стратегии противодействия геттоизации обособленных иммигрантских районов: «Стратегия Правительства против геттоизации» (2004); «Гетто возвращается в общество. Борьба с параллельным обществом в Дании» (2010); «Дания без параллельных обществ — без гетто в 2030 году» (2018). Выявленная эскалация социального конфликта требует решительных действий со стороны датских властей по предотвращению анклавизации сегрегированных общин иммигрантов, что подтверждает актуальность изучения поставленной проблемы. Методологической основой исследования является дискурс-анализ, позволяющий оценить эффективность и недостатки предпринимаемых государством действий по интеграции этноконфессиональных меньшинств в единое общество. Особое внимание уделяется анализу общественной реакции на критерии составления и ежегодное опубликование официальных списков районов гетто.

Ключевые слова:

параллельное общество, этнорелигиозное иммигрантское гетто, мусульманские общины, датская иммиграционная политика, национальная безопасность Дании

Введение

В Дании «параллельное» общество на протяжении нескольких десятилетий представляет собой объективный социально-экономический и политический фе-

Для цитирования: Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Этноконфессиональные иммигрантские гетто как проблема национальной безопасности в современном общественно-политическом дискурсе Дании // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 55–71. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-4.

номен, оказывающий влияние на формирование правительственных стратегий общественного развития, становление внешнего и внутреннего политического курса государства. В контексте современных датских общественно-политических реалий «параллельное» общество представлено в качестве синонима «иммигрантских гетто», население которых преимущественно составляют исповедующие ислам иммигранты незападного происхождения в первом и втором поколениях. Сегрегированные гетто являются не только фактором социальной напряженности и объектом многочисленных политических дискуссий, но и позиционируются правительством Дании в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности и международной стабильности в европейском регионе. Прежде всего подобная позиция обусловлена нарушением единства датского социума вследствие многолетней неэффективности государственной интеграционной политики. Данное обстоятельство повлекло за собой формирование идеологического противостояния между обществом большинства, основанном на демократических ценностях, и обособленными общинами иммигрантов, придерживающихся иных культурных, религиозных и правовых норм. Актуальность исследования проблемы этноконфессиональных иммигрантских гетто в контексте датского общественно-политического дискурса подтверждается непрерывной эскалацией многостороннего конфликта, участниками которого являются правительственные власти, политическая оппозиция, датское общество и жители районов гетто.

В качестве теоретической основы статьи выступают работы, изучающие различные социально-политические аспекты интеграционной стратегии западноевропейских стран в отношении иммигрантов незападного происхождения [1—4]. Особое внимание уделено исследованиям, анализирующим влияние культурного и этнического фактора на общественно-политические настроения в отношении проблемы интеграции иммигрантов и беженцев в датское общество [5—10], и работам, изучающим роль религиозного фактора в формировании национальной идентичности мусульман, проживающих на территории Дании [11—14]. Таким образом, цель данной статьи заключается в реконструкции основных этапов становления гетто-проблематики в Дании; анализе выступлений общественно-политических деятелей по проблеме гетто как потенциальной угрозы национальной безопасности; обзор нацеленных на борьбу с геттоизацией правительственных актов и оценка общественного резонанса в различных кругах датского социума, вызванного неоднозначностью формирования официальных списков районов гетто. На основе проведенного исследования предполагается оценить эффективность действий датских властей по предотвращению угрозы со стороны этноконфессиональных иммигрантских гетто для социального благополучия датского общества, национального единства и территориальной безопасности государства.

К истории возникновения гетто как социально-политического явления в Дании

В датский общественный дискурс понятие «гетто» впервые вошло в XVII веке. В первую очередь это связано с официальным разрешением короля Дании и Норвегии Кристиана IV организовать еврейское поселение в 1634 году на территории Глюкштадта, входившего на тот момент в состав датских земель. Благодаря тому, что Дания принадлежала к числу стран реформационного движения, антисемитизм не получил глубокого развития в датском обществе. Данное обстоятельство позволило евреям постепенно получить разрешение на организацию своих общин в таких крупных городах, как Фредерисия, Орхус и Копенгаген. В связи с формированием еврейских жилых районов в датской столице начальник полиции Копенгагена

выступил перед властями города с предложением создать еврейское гетто, которое было отклонено датским правительством в 1692 году [15]. Тем не менее только в 1809 году датским евреям было предоставлено право проживания вне границ их родного города, а в 1814 году им были дарованы гражданские права [16, s. 111]. Несмотря на то, что в Дании вплоть до XX века с эмпирической точки зрения не существовало территорий, признанных властями в качестве гетто, кварталы компактного проживания еврейского населения неофициально рассматривались преимущественно в рамках данного понятия.

Лишь в начале 1900-х годов концепция гетто начинает приобретать отчетливо негативный социальный оттенок. Такая ситуация была спровоцирована массовой миграцией российского еврейского населения, вызванного серией еврейских погромов в Российской империи после гибели Александра II в 1881 году. Вследствие данных событий около 3 тысяч прибывших на территорию Дании евреев, так и не принятых своими единоверцами с уже устоявшимися датскими корнями, осели в пригородах Копенгагена, проживая по большей части в трущобах Боргергарда и Адельгада [17]. Данное событие широко обсуждалось в различных кругах общества, что нашло отражение в прессе того времени. В качестве примера можно привести выдержку из ежедневной газеты «Dagbladet», датированную 3 мая 1918 года: «Теперь они [евреи] создают свой печальный город, выстроенное случайным образом густонаселенное гетто наподобие маленьких темных птичьих гнезд в вышине. На 3, 4, 5-х этажах они живут друг над другом так же близко, как и грачи. И подобно этой черной птице, они в течение дня большими стаями рыщут за городом» [Цит. по: 17, р. 81]. Несмотря на то, что некоторые евреи, прибывшие из Российской империи, селились также и во вполне благополучных районах Копенгагена, они стремительно стали ассоциироваться с жителями вновь образованных гетто. В различных средствах массовой информации публиковались схожие статьи, поднимающие проблему гетто и описывающие аналогичные негативные черты, среди которых фигурировали бедность, низкий уровень жизни, некомфортные жилищные условия, повышенная пожарная и эпидемическая опасность [17, s. 82]. Важно отметить, что внутри таких еврейских жилых районов сохранялась приверженность собственным культурным и религиозным традициям. В частности, основным языком межличностного общения оставался идиш, тогда как знание датского оказывалось по сути не востребуемым в повседневной жизни. Впоследствии на идише стала издаваться пресса, локализованная в еврейских гетто [18, s. 102]. В течение продолжительного времени еврейские жилые районы, обособленные по культурному и этнорелигиозному признакам, представляли собой источник дестабилизации общественного спокойствия и озабоченности со стороны властей в отношении социального неблагополучия внутри гетто. Кроме того, потенциальную опасность представляли политические убеждения беженцев из России, придерживающихся коммунистических и социалистических взглядов. Однако лишь с началом массовой трудовой миграции в Данию из стран третьего мира в 1960—1970-х годах общественно-политический дискурс вокруг проблемы геттоизации иммигрантских сообществ в датском социуме получил широкий общественный резонанс.

С середины 60-х годов прошлого века концепция гетто в Дании претерпела существенные изменения вследствие нового социально-политического контекста. Ситуация начала обостряться с проникновением в датский общественно-политический дискурс многочисленных дебатов о возможности и необходимости импорта большого числа трудовых мигрантов, в которых на тот момент остро нуждалась экономика стран Западной и Северной Европы. Среди прочих сложностей, с которыми был сопряжен процесс принятия на датской территории потоков иностранных рабочих, незнакомых с демократическим укладом жизни западных государств, особо

выделялась проблема нехватки жилищного фонда для расселения вновь прибывающих гастарбайтеров. В частности, председатель Датской конфедерации профсоюзов Франдс Петерсен выступил с обращением о недопустимости предоставления жилищного приоритета рабочим иммигрантам, заявив, что «лучшим решением стало бы пребывание [мигрантов] в своего рода лагере» [Цит. по: 19, р. 403]. Таким образом, понятие «гетто» в датском дискурсе 1960-х годов преимущественно использовалось для обозначения территории компактного расселения трудовых мигрантов.

Сложившийся подход к проблематике гетто позволил социологу культуры П. Дуэлу рассмотреть данный феномен с позиции «параллельного» общества, сложившегося в контексте датских общественно-политических реалий. В 1968 году он опубликовал статью «"Параллельное" общество как новая политическая стратегия» [20], в которой отразились его взгляды, противоречащие набирающей популярность идее создания некоего альтернативного общества, которое являлось бы весомым аргументом в борьбе с господствующими в обществе социально-политическими установками. Датский социолог ставит под сомнение возможность формирования «параллельного» общества в современных условиях: «Утопично полагать, что "параллельное" общество может освободиться от остального общества, создав свои собственные институты» [21, s. 56]. Более того, согласно мнению Дуэлу, формирование внутри устоявшегося общества некой многочисленной группы людей, объединенной системой принципиально отличающихся культурных и религиозных установок, социальных норм и методов правового регулирования, так или иначе способствует обособлению данного сообщества в гетто [21, s. 55]. Таким образом, зародившееся в 1960-х годах представление о «параллельном» обществе как об общественном движении, идейно противопоставляющем себя остальному обществу, претерпевало постепенную трансформацию и уже к концу 1970-х годов принципиально изменилось.

Трансформация иммигрантского гетто в этноконфессиональное «параллельное» общество в современной Дании

С начала 1990-х годов произошел ряд общественно-политических событий, актуализирующих проблему гетто как социально неблагополучного жилого района, населенного преимущественно иммигрантами, среди которых есть беженцы, трудовые мигранты, временно пребывающие в стране и уже обосновавшиеся люди, имеющие вид на жительство или получившие гражданство, родственники, приехавшие по программе воссоединения семей. В большинстве своем выходцы из стран Азии и Африки, жители таких районов сохраняли приверженность культурным ценностям и правовым нормам ислама. Во многом данному процессу способствовал набирающий обороты кризис политики мультикультурализма, повлекший за собой ощутимую социальную напряженность в западноевропейских странах. В Дании концепция «параллельного общества» впоследствии была представлена в качестве контрдискурса для реализации идей мультикультурализма как основы единого сплоченного общества [16, s. 234—235]. Весьма показательной в описании данных событий является статья «Ислам играет важную роль для турецкой молодежи в Германии», опубликованная В. Хайтмайером в 1996 году [22]. В ней немецкий социолог представляет сегрегацию турецких мусульманских общин как формирование «трудного для понимания "параллельного общества" за гранью общества большинства» [22, S. 6]. Особую опасность в контексте данной проблемы, согласно Хайтмайеру, представляет усиление влияния фундаменталистских групп на обособленные мусульманские общины внутри мажоритарного общества, что наиболее отчетливо проявляется в отношении людей молодого возраста. Появле-

ние подобных религиозно-политических групп в форме «параллельного» общества, обусловленного как внешними общественными процессами, так и внутренней приверженностью своим культурно-ценностным и религиозным ориентирам, таит в себе потенциальную угрозу не только национальной безопасности в контексте одной страны, но и международному сообществу в целом.

Общественно-политическая актуализация термина «параллельное общество» в его современной трактовке своими корнями восходит к публичному выступлению бывшего депутата Европейского парламента от Датской народной партии Могенса Камре. В своей обвинительной речи в сторону социал-демократической иммиграционной политики, состоявшейся 10 сентября 1998 года в рамках трансляции датского информационно-развлекательного телеканала «DR1», Камре указал на фактическую неспособность Дании осуществить успешную интеграцию постоянно растущего числа иммигрантов из стран третьего мира, не стремящихся разделить датские культурные ценности и формирующих внутри государственных границ мусульманские гетто [Цит. по: 16, р. 78—79]. Впоследствии Камре в качестве основной причины формирования мусульманского параллельного общества обозначил нежелание вновь прибывающих мигрантов интегрироваться в демократическое датское общество, что выражается в их стремлении «следовать установленным правилам отсталых мусульманских стран, противодействуя интеграции как официальной политике» [23]. Подобная позиция существенно сблизила понятия «гетто» и «этноконфессиональное параллельное общество» в рамках общественно-политического дискурса Дании, объединив их в единую ценностно-идеологическую политическую концепцию и сформировав на их основе аргументативную стратегию, направленную против ключевых аспектов официальной иммиграционной политики государства. Данная социально-политическая установка была представлена датским исследователем А.М. Фрайслебен в качестве «антиутопического политического дискурса» [16, s. 100], в контексте которого «параллельным» обществом называются сегрегированные иммигрантские общины, состоящие из представителей мусульманского и незападного происхождения, воспринимаемые как угроза национальному и культурному единству» [16, р. 94]. Таким образом, понятие «"параллельное" общество» предстало в качестве обозначения проблемы сегрегации мусульманских гетто, потенциально представляющей угрозу социальному единству, территориальной целостности и прочим аспектам национальной безопасности.

Современное этноконфессиональное гетто на территории Дании: основные этапы формирования общественно-политического дискурса

Ключевыми этапами в развитии общественно-политического дискурса по проблемам мусульманских гетто являются события, произошедшие в 2004, 2010, 2012 и 2018 годах. В данной связи особый интерес вызывают новогодняя речь главы правительства Дании Андерса Фог Расмуссена (2004) и ряд публичных выступлений датского премьер-министра Ларса Лёкке Расмуссена (2010—2018), позволяющих на их основе проанализировать динамику развития проблемы этноконфессионального гетто в Дании.

В своем новогоднем обращении 2004 года А.Ф. Расмуссен в качестве примера негативного аспекта социальной действительности Дании привел факт существования «иммигрантских гетто»: «Многие годы неудачной иммиграционной политики привели к созданию иммигрантских гетто, в которых мужчины являются безработными, женщины изолированы, а в семьях разговаривают только на языке своей родины» [24]. При этом наиболее уязвимая часть населения гетто, по мнению Расмуссена, — это дети, не имеющие достаточных познаний в области датского

языка и культуры, равнодушные к датским демократическим ценностям и с презрением относящиеся к датскому обществу в целом. Важно отметить, что именно в данной речи главы правительства Дании такие понятия, как «иммигрантское гетто» (*indvandreghetto*) и «геттоизация» (*ghettoisering*), впервые были на официальном уровне озвучены перед датским обществом в рамках оформившейся политической и ценностно-идеологической концепции. Данное обстоятельство придало дискуссии о проблеме гетто необходимую легитимность для разработки и осуществления решительных действий со стороны датских властей в отношении урегулирования сложившейся социальной напряженности. По итогам рождественской речи Расмуссена была опубликована «Стратегия Правительства против геттоизации»¹. В этом документе нарастающая тенденция к геттоизации описывается как серьезное препятствие на пути к интеграции в демократическое датское общество мигрантов, беженцев и их потомков, разделяющих иные культурные и религиозные ценности. Важно отметить, что для данного этапа дискурса по гетто-проблематике характерно включение в состав населения гетто-категории беженцев, которые, согласно принятому в официальных правительственных датских документах определению Статистического управления Дании, с 1991 года также попадают под понятие иммигрантов: «Иммигрантом является лицо иностранного происхождения, родители которого (или один из родителей при отсутствии информации о втором родителе) являются иностранными гражданами или родившимися за границей. При отсутствии доступной информации о родителях лицо иностранного происхождения также рассматривается как иммигрант»². Сегрегация подобных общин иммигрантов незападного происхождения преподносится в качестве проблемы физической и психологической изоляции гетто от окружающего социума, что позиционирует их как «фактические этнические анклав или параллельные общества без значительных экономических, социальных и культурных контактов с обществом в целом»³. Таким образом, государственная стратегия борьбы с геттоизацией была направлена преимущественно на решение масштабных социальных проблем в обособленных иммигрантских районах, что в итоге послужило труднопреодолимым препятствием в устранении отдельных аспектов проблемы, требующих ситуативного подхода.

Очередная волна политических дебатов в Дании приходится на 2010 год, когда занимающий в то время пост премьер-министра Ларс Лёкке Расмуссен открыл осеннюю парламентскую сессию речью о необходимости обсуждения проблемы гетто. К этому времени стало очевидно, что рекомендации по предотвращению социальных угроз со стороны неблагополучных жилых районов, разработка которых проводилась в 2004—2008 годах⁴, на практике не доказали своей эффективности или вовсе не были реализованы.

В ходе своего выступления Расмуссен отмечает особую важность демократических ценностей в структуре датского общества: «Мы на протяжении поколений строили безопасное, благополучное и свободное общество. Растущее благосостояние и материальный прогресс имеют при этом большое значение. Но наши ценно-

¹ *Regeringens strategi mod ghettoisering* (2004). URL: https://www.stm.dk/index/mainstart.asp/multimedia/Regeringens_strategi_mod_ghettoisering.pdf (дата обращения: 21.02.2020).

² *Documentation of statistics for Immigrants and Descendants*. Danmarks Statistik. URL: <https://www.dst.dk/en/Statistik/dokumentation/documentationofstatistics/immigimmig-and-descendants/statistical-presentation> (дата обращения: 22.06.2020).

³ *Regeringens strategi mod ghettoisering* (2004). P. 12.

⁴ *Fra udsat boligområde til hel bydel*. Sammenfatning, November 2008. URL: <http://docplayer.dk/205175-Fra-udsat-boligomraade-til-hel-bydel-sammenfatning-november-2008.html> (дата обращения: 13.03.2020).

сти по-прежнему занимают важное место» [25]. Основополагающие датские ценности суммируются в концепцию «укоренившейся демократии», которой, по мнению Расмуссена, противопоставляются своеобразные «белые пятна», или «дыры», (*huller*) на «датской карте». Этим понятием премьер-министр определил гетто как «места, где датских ценностей явно больше не придерживаются» [25]. Для урегулирования комплекса сложившихся проблем в отношении гетто Расмуссен указывает на необходимость принятия решительных мер: «Бесмысленно просто вкладывать больше средств на покраску фасадов. Мы будем разрушать стены. Нам нужно вернуть гетто в общество» [25]. Важно отметить, что примерно в этот же период времени подобную позицию озвучили канцлер Германии А. Меркель, президент Франции Н. Саркози и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон [26]. В результате данного выступления правительством Дании был разработан очередной стратегический план, опубликованный под официальным названием «Гетто возвращается в общество. Борьба с параллельным обществом в Дании»⁵. По состоянию на 2010 год в Дании фиксировалось наличие 29 таких неблагополучных жилых районов, население которых вступает в конфронтацию с «датским обществом». Эти районы отвечали основным критериям гетто: большую часть населения составляли иммигранты из стран третьего мира или их потомки, фиксировались высокий уровень преступности и непричастность к рынку труда⁶. Уже в заголовке данного документа заявлена невозможность дальнейшего игнорирования со стороны государства проблемы существования «параллельного» общества в Дании как объективной угрозы безопасности и благополучия общества в целом. Приоритетным направлением в плане преобразования гетто в «нормальные» жилые районы, аналогично с ситуацией в Германии по отношению к сегрегированным мусульманским турецким общинам, правительство обозначило социально-правовую работу с детьми и молодыми людьми, составляющими большую часть жителей гетто⁷.

Тем не менее намеченный Расмуссеном план действий по «возвращению гетто в общество» столкнулся с серьезным препятствием — уже укоренившимся к тому времени идейным противопоставлением «свои — чужие», лежащим в основе взаимоотношений между параллельным и мажоритарным обществом. Антиутопический общественно-политический дискурс во многом основан на доминирующем в датском обществе представлении об обезличенном «этническом и религиозном другом» жителе гетто, который намерен подорвать основы датского общества своей приверженностью культурно-религиозным ценностям, противоречащим демократическому укладу жизни. Согласно данному представлению, подобное сопротивление установкам «датской культуры» является осознанным выбором этого «другого», несмотря на то, что изначально его самоизоляция была спровоцирована экономическим и социальным неблагополучием повседневной жизни мигрантов в Дании, изолировано проживающих в своих общинах. Кроме того, консолидированное проживание мигрантов из мусульманских стран в сегрегированных районах обеспечило почву для культивирования в обществе многочисленных, получивших широкое распространение в датском дискурсе «теорий заговора» «параллельных» обществ [16, р. 244] как одного из инструментов идеологического воздействия на социальную жизнь граждан. Общая идея подобных «заговоров» заключается в организации централизованного контроля из арабских государств над формировани-

⁵ *Ghettoen tilbage til samfundet. et opgør med parallelsamfund i Danmark*. København: Socialministeriet (2010). URL: https://www.stm.dk/multimedia/Ghettoen_tilbage_til_samfundet.pdf (дата обращения: 22.06.2020).

⁶ Ibid. P. 5.

⁷ Ibid. P. 6.

ем и скрытой деятельностью параллельных мусульманских обществ на территории Дании, представляющих прямую угрозу не только национальной, но и общеевропейской безопасности. К сценариям «заговоров» также можно отнести концепцию «государства-в-государстве», под которой подразумевается наличие на территории государства социальной группы, отделившей себя от общества большинства и придерживающейся собственных правовых и политических принципов в противовес остальному обществу [27, p. 7]. Кроме того, в аналитических обзорах дискурса о «параллельном» обществе в скандинавских странах встречаются определенные аналогии между «неблагополучными районами» и «несостоявшимися государствами», представленными группами населения, которые «изолируются и решительно выступают против законов общества, государственных и судебных властей. Например, это выражается в проявлении насильственных действий в отношении полиции при пересечении границы “территории” группы» [28, s. 21]. При этом следует отметить, что популяризация подобных концепций о потенциальных угрозах национальной безопасности и единства Дании не относится к официальной позиции государственных властей в отношении проблемы «параллельного» общества, позиционируемого лишь в качестве «зоны риска», над которой по-прежнему сохраняется общий контроль со стороны государственных органов власти.

Другой стороной рассматриваемого вопроса об интеграции мусульманского гетто в мажоритарное датское общество является проблема уважения прав меньшинств в демократическом государстве. Несмотря на то, что это один из основополагающих принципов демократии, в Дании ситуация в отношении идеи уважения прав меньшинств далеко неоднозначна. Так, события конца 2012 года показали существенную разницу в отношении к меньшинству в зависимости от того, кем оно представлено. Речь идет не о закрытых иммигрантских общинах, в которых придерживаются культурно-религиозных ценностей и правовых установок своей родины, но о самих датчанах, проживающих в «меньшинстве» в городе Коккедале с преобладающим числом жителей арабского и турецкого происхождения в первом и втором поколениях. Конфликт, произошедший в ноябре 2012 года в связи с отказом администрации города от традиционной установки рождественской елки на центральной городской площади в целях экономии городского бюджета, получил широкий общественный резонанс. Прежде всего этому способствовал состав комиссии, принявшей данное решение: большинство ее представителей, проголосовавших в поддержку данной инициативы, являлись мусульманами, тогда как непосредственно были затронуты интересы жителей города, исповедующих христианство. Социальное напряжение в контексте данного конфликта в течение продолжительного времени поддерживали датские средства массовой информации, позиционировавшие сложившуюся ситуацию в качестве осознанной провокации. В частности, это наглядно иллюстрируют заголовки на страницах газет и информационных интернет-ресурсов: «Мусульмане отменяют празднование Рождества»⁸; «Традиция рождественской елки отменена мусульманами»⁹; «Мусульмане отменяют рождественскую елку в Коккедале»¹⁰, «Мусульмане отказываются от немусуль-

⁸ *Muslimer aflyser julehygge i boligforening* // DR.dk Nyheder. 07.11.2012. URL: <http://www.dr.dk/Nyheder/Indland/2012/11/07/042932.htm> (дата обращения: 15.01.2020).

⁹ *Juletræstradition afblæst af muslimske beboere* // Berlingske Tidende. 07.11.2012. URL: <http://www.b.dk/nationalt/juletraestradiation-afblaest-af-muslimske-beboere> (дата обращения: 16.01.2020).

¹⁰ *Muslimer aflyser juletræ i Kokkedal* // Lokalavisen.dk. 07.11.2012. URL: <http://hoersholm.lokalavisen.dk/muslimer-aflyser-juletrae-i-kokkedal-/20121107/artikler/711089913/> (дата обращения: 16.01.2020).

манской елки»¹¹, «Мусульмане убивают Рождество»¹² и пр. Во многих из подобных статей особо подчеркивалось, что мусульманское большинство в городских структурах власти отказалось потратить 5000—7000 датских крон после организации празднования курбан-байрама с бюджетом в 60 000 крон. Данный факт значительно усугубил течение культурно-религиозной конфронтации, в результате которой последовало расформирование администрации города и возвращение рождественской елки на городскую площадь в качестве символа датской культуры.

Конфликтность ситуации подтверждается реакцией общественно-политических деятелей, выразивших свое мнение о сложившейся ситуации. Так, парламентский депутат от партии «Либеральный альянс» и учредитель общественного движения «Демократические мусульмане в Дании» Насер Хадер назвал рождественский инцидент в Коккедале «классическим примером того, как “параллельные” общества могут угрожать датским, демократическим ценностям» [29]. На основе этого заявления можно сделать вывод о негативном отношении к проблеме существования сегрегированного мусульманского гетто на территории Дании не только со стороны непосредственно «датского» населения страны, но и тех мусульман с иммигрантскими корнями, кто успешно интегрировался в систему датского социума, одновременно сохранив свои религиозные убеждения и приняв при этом культурно-демократические ценности западного общества. Кроме того, Хадер четко обозначил позицию, согласно которой «существует принципиальная разница между меньшинством в своей и чужой стране. Предполагается, что когда человек находится в другой стране, он должен адаптироваться к местным обычаям» [29]. В то же время депутат парламента от Датской народной партии Мария Краруп настаивала на необходимости для самих датчан придерживаться собственных общественных норм, исключая при этом уступки в пользу самобытности этнорелигиозных меньшинств: «Мы должны привыкнуть придерживаться собственных принципов и любезно дать понять мусульманам, как эти принципы действуют в Дании. Теперь вы должны к ним приспособиться, если хотите жить в нашей стране» [30].

Следует отметить, что неоднозначная оценка значимости прав меньшинств в зависимости от их национальной принадлежности, когда уважение к меньшинствам приемлемо лишь в пользу датского общества в целом, может являться существенным препятствием на пути успешной интеграции «параллельных» обществ в единый социум. В этом случае рождественская елка Коккедала интерпретируется не просто как христианский символ, претерпевший давление со стороны исламских ценностей. Скорее она представляет собой культурный и национальный символ борьбы за западные нормы и ценности, тогда как сам общественно-политический конфликт вокруг елки предстает в качестве национально-культурной борьбы за тот сценарий интеграции, который приемлем для датской культуры. Таким образом, если рассматривать проблему сегрегации мусульманских гетто с позиции культурного дискурса, становится очевидным, что такие понятия, как «ислам» и «мусульманин», воспринимаются с точки зрения выражения особой культуры, несовместимой с «датской» культурой. Это закладывается в основу коллективного способа мышления и образа действий, которыми руководствуются противостоящие стороны. В контексте культурного дискурса ключевым аспектом проблемы интеграции становится вопрос о неспособности иммигрантов адаптироваться и согласовать

¹¹ *Ballade i boligforening: Muslimer nægter ikke-muslimere juletræ* // BT. 07.11.2012. URL: <http://www.bt.dk/danmark/ballade-i-boligforening-muslimere-naegter-ikke-muslimere-juletrae> (дата обращения: 17.01.2020).

¹² *Tom Behnke i det røde felt: Muslimer slår julen ihjel* // BT. 07.11.2012. URL: <http://www.bt.dk/danmark/tom-behnke-i-det-roede-felt-muslimere-slaar-julen-ihjel> (дата обращения: 17.01.2020).

собственные ценности с «датскими» ценностями, констатирующей их культурную несовместимость с большинством населения [5]. Следовательно, случай с рождественской елкой в Коккедале указывает на наличие в датском обществе не религиозной борьбы, но культурной конфронтации, основанной на идейном противопоставлении «своих» и «чужих» ценностей.

После событий ноября-декабря 2012 года очередная волна актуализации гетто-тематики в общественно-политическом дискурсе Дании приходится на 2018 год, когда 1 января Л.Л. Расмуссен выступил с новогодней речью, вновь продолжив позиционировать гетто-проблематику с позиции идейного и культурного общественного противостояния «свой — чужой»: «По всей стране существуют “параллельные” общества. Многие люди со схожими проблемами объединяются. Это порождает отрицательную спираль. Контркультуру. В которой человек избегает ответственности, уклоняется от использования имеющихся у Дании возможностей, оставаясь вне [общества]» [31]. Кроме того, Расмуссен четко обозначил свою позицию о необходимости принятия решительных мер в борьбе с проблемами, порожденными существованием мусульманских гетто на карте Дании: «Мы должны избавиться от иллюзии, что “параллельные” общества и гетто исчезнут, если мы просто дадим им на это время» [31]. Тем не менее в документе «Дания без “параллельных” обществ — без гетто в 2030 году»¹³, опубликованном по итогам данной речи, подчеркивается, что решительные меры правительства направлены только на те жилые районы, где проблема геттоизации ощущается особенно остро. Иллюстрацией к такому подходу служит цитата: «Мы не хотим ограничивать многих, предпринимая меры против большинства. Таким образом, мы можем более жестко и последовательно действовать против “параллельных” обществ»¹⁴. При этом правительственные структуры стали ориентироваться преимущественно на четыре основные направления: 1) ликвидация или преобразование неблагополучных жилых районов в районы с более комфортными условиями проживания; 2) ужесточение контроля над жителями таких районов; 3) усиленное присутствие полиции и ужесточение мер наказания за совершаемые правонарушения с целью борьбы с преступностью и повышения уровня безопасности в районах гетто; 4) финансирование мер по улучшению качества жизни детей и молодежи. Избранный правительством Расмуссена курс на решительную борьбу с «параллельным» обществом на территории Дании позволил представить непосредственный список районов, характеризующихся как гетто, в который впервые была включена особая категория — «жесткие гетто» (*hårde ghettoer*).

Критерии определения этноконфессиональных гетто

Понятие «жесткого гетто» официально введено для обозначения неблагополучных жилых районов, которые находятся в гетто-списке свыше четырех лет. Данные ежегодно публикуются в Дании 1 декабря, и в соответствии с ними на 2019 год в стране зафиксировано 28 неблагополучных жилых районов, из которых 15 являются «жесткими гетто»¹⁵. Основным критерием определения районов гетто является наличие жилой территории с населением не менее 1000 человек, среди которых доля незападных иммигрантов и их потомков составляет свыше 50%. При

¹³ *Ét Danmark uden parallelsamfund — Ingen ghettoer i 2030*. København: Økonomi-og Indenrigsministeriet. 2018. URL: <https://www.regeringen.dk/nyheder/2018/ghettoudspil/> (дата обращения: 23.06.2020).

¹⁴ *Ibid.* P. 7.

¹⁵ *Liste over ghettoområder pr. 1. december 2019*. P. 2. URL: <https://www.trm.dk/publikationer/2019/liste-over-ghettoomraader-pr-1-december-2019/> (дата обращения: 23.06.2020).

этом должны существовать как минимум два из четырех условий: 1) доля жителей в возрасте 18—64 лет, не имеющих отношения к рынку труда или сфере образования, превышает 40%; 2) доля жителей, осужденных за правонарушения в соответствии с Уголовным кодексом Дании как минимум в три раза превышает средний уровень по стране; 3) доля жителей с образованием не выше базового превышает 60%; 4) средний валовой доход налогоплательщиков жилого района в возрасте 15—64 лет составляет менее 55% от среднего показателя, характерного для данного региона¹⁶. В зависимости от этих показателей жилые районы могут входить в список гетто или исключаться из него. К примеру, в сравнении с 2018 годом в 2019 году в списке гетто были зафиксированы два новых района, тогда как три из него вышли. Однако в отношении районов, которые попадают в категорию «жестких гетто», если находятся в списке более пяти лет, данный временной критерий указывает на тенденцию к ежегодному увеличению их численности среди остальных гетто.

Следует отметить, что перечисленные критерии прочно вошли в датский общественно-политический дискурс и регулярно подвергаются критике как правительственной оппозицией, так и непосредственными жителями гетто. Среди политической оппозиции наиболее последовательно свое негативное отношение к формулировке критериев выражают левая партия «Красно-зеленая коалиция» и «Альтернатива» [32, р. 47]. Представители оппозиции особо подчеркивают, что критерии, определяющие границы и выборку гетто, являются довольно произвольными и зачастую носят случайный характер, вплоть до того, что в некоторых случаях лишь от пары десятков жителей зависит, войдет ли данный район в список.

Анализ вышеизложенных критериев в отношении жителей таких районов демонстрирует практику искусственного создания таких жилых пространств, которые обесценивают и усредняют личные качества человека. К примеру, своим опытом давления общественно-политической системы на личность поделилась датская художница и общественная активистка Айша Амин, родившаяся и выросшая в Геллерупе — одном из районов, вошедших в число «жестких гетто». Амин опубликовала статью, в которой отмечает: «Имя и цвет кожи неожиданно указывают на то, улучшаете вы или ухудшаете район, в котором проживаете. Вы становитесь процентом, а не человеком» [33, р. 6]. Подобный личный опыт демонстрирует, что жители гетто для государства выступают в качестве негативных чисел, формирующих таблицы критериев для списков этноконфессиональных «параллельных» обществ. Кроме того, Амин выражает сомнение в целесообразности одного из ключевых гетто-критериев: «Большинство из нас могут иметь незападное происхождение, но все мы являемся гражданами Дании. Что предполагается доказать такой статистикой? Что стыдно иметь незападное происхождение?» [33, р. 8]. Неприятие многими жителями гетто сложившейся системы критериев оценивания районов по их принадлежности к этому списку повлекло за собой целый ряд общественных протестов. К наиболее актуальным из них за последнее время можно отнести послание жителей Тингбьерга (жилого района в Копенгагене из числа «жестких гетто») министру жилищного строительства Кааре Дибваду с призывом отказаться от опубликования официальных списков гетто¹⁷. Основная идея данного требования, подписанного более чем 6000 датчан, заключается в утверждении, что жители так называемых гетто не являются «вирусом в датском обществе», но равноправными гражданами,

¹⁶ *Liste over ghettoområder* pr. 1. december 2019. P. 1. URL: <https://www.trm.dk/publikationer/2019/liste-over-ghettoomraader-pr-1-december-2019/> (дата обращения: 23.06.2020).

¹⁷ *Opråb til regeringen. Unge i Tingbjerg samler underskrifter mod ghettolisten // Arbejderens*, 27.11.2019. URL: <https://arbejderens.dk/indland/unge-i-tingbjerg-samler-underskrifter-mod-ghettolisten> (дата обращения: 27.03.2020).

которых подобные правительственные акты против «параллельного» общества делают нежелательными в стране, ставшей им домом. Тем не менее власти Дании, как правило, не вступают в открытые дискуссии с гражданами, выражающими общественные протесты, придерживаясь собственной жесткой политической стратегии, направленной на формирование целостного датского общества и ликвидацию этноконфессионального гетто как объективного препятствия на этом пути.

Выводы

Становление концепции гетто как этноконфессионального параллельного общества в датском общественном дискурсе приходится на вторую половину XVII века связано с официальным разрешением правительственных властей формировать еврейские общины на территории крупных городов Датского королевства. Однако проблема гетто как источника социальной напряженности на протяжении нескольких столетий не получала широкого общественного обсуждения до начала прошлого века, несмотря на негативное отношение принимающего датского общества к районам обособленного проживания этнорелигиозных иммигрантских меньшинств. Проведенный анализ общественно-политического дискурса, связанного с наличием потенциальных угроз для национальной безопасности со стороны сегрегированных гетто, раскрывает актуализацию исследуемой проблематики к середине 1960-х годов и резкое возрастание интереса к ней в начале 2000-х годов. Эскалация социальной напряженности в 1970-х годах напрямую обусловлена сложностями и сопутствующими неудачами государственной интеграционной политики в отношении трудовых мигрантов из стран третьего мира, высокая численность которых повлекла за собой целый спектр социально-жилищных проблем, усугубляющихся с ростом численности населения таких районов на протяжении последующих десятилетий. Именно в этот период начинают формироваться обособленные мусульманские анклавы, отождествляемые с «параллельным» обществом, жители которого разделяют принципиально иные культурные и религиозно-правовые ценности. Данный фактор является ключевым при рассмотрении проблемы возникновения угрозы общественной и территориальной целостности страны.

Кризис политики мультикультурализма, произошедший в странах Западной и Центральной Европы послужил мощным импульсом в развитии общественно-политического дискурса в отношении этнорелигиозных гетто, которые к тому моменту стали индикатором несостоятельности официальной иммиграционной политики Дании. В политических дебатах сегрегированные мусульманские общины, представленные иммигрантами и их потомками, начали широко эксплуатироваться в качестве основного аргумента оппозиционных сил в их противостоянии официальным властям, не способным успешно реализовать интеграционные процессы внутри государства, что впоследствии сформировало новую идейно-политическую стратегию. Таким образом, мусульманские гетто стали ассоциироваться с прямой угрозой национальному единству Дании, ее территориальной целостности и, как следствие, международной стабильности в регионе.

Анализ публичного выступления главы правительства Дании в 2004 году показал, что признание на официальном уровне проблемы иммигрантского гетто и процессов геттоизации происходит из необходимости пересмотра жилищного законодательства, которое не может решить проблему существования сегрегированных районов, и иммиграционной политики, доказавшей свою неэффективность в вопросе интеграции незападных иммигрантов в единое датское общество. Однако начальный пакет мер спустя несколько лет оказался недостаточным, чтобы противостоять угрозам датским демократическим ценностям как основы общества. Кроме

того, широкое развитие получила концепция социального противостояния, основанная на обоюдном неприятии «этнического и религиозного другого» и датского общества в целом, а также неравноценности прав меньшинств в демократическом обществе в зависимости от того, какой категорией населения представлено данное меньшинство. Провозглашенная правительством стратегия принятия решительных мер по возвращению этноконфессионального гетто в единое датское общество привела в 2010 году к формированию списков районов гетто, критерии составления которых вызвали широкий общественный резонанс. В частности, много вопросов вызвала классификация районов гетто в качестве места проживания лиц незападного происхождения со стороны политической оппозиции и непосредственных жителей данных районов. Несмотря на приоритетное направление социально-правовой работы государственных структур с детьми и молодежью, нацеленной на улучшение условий их интеграции в датское общество, именно молодежь участвует в наибольшем количестве социальных протестов, нацеленных на ликвидацию списков гетто как фактора, мешающего ее личностному развитию и успешной социализации в датском обществе. Несмотря на это, правительство Дании демонстрирует готовность неуклонно двигаться в направлении упразднения сегрегированных этноконфессиональных «параллельных» обществ на территории государства с постепенным ужесточением контроля и мер противодействия в отношении районов, зарекомендовавших себя в качестве «жестких гетто».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен “параллельных” обществ в системе международно-политических отношений», № 19-18-00054.

Список литературы

1. Joppke C. Civic integration in Western Europe: three debates // *West European Politics*. 2017. Vol. 40, № 6. P. 1153–1176. doi: 10.1080/01402382.2017.1303252.
2. Staver A.B., Brekke J.-P., Sørholt S. Scandinavia's segregated cities — policies, strategies and ideals. Oslo, 2019. URL: <https://fagarkivet.oslomet.no/nb/item/asset/dspace:13292/2019-8.pdf> (дата обращения: 13.12.2019).
3. Simonsen K.B. Ghetto—Society—Problem: A Discourse Analysis of Nationalist Othering // *Studies of Ethnicity and Nationalism*, 2016. Vol.16, № 1. P. 83—99. doi: 10.1111/sena.12173.
4. Baldi G., Goodman S.W. Migrants into Members: Social Rights, Civic Requirements, and Citizenship in Western Europe // *West European Politics*, 2015. Vol. 38, № 6. P. 1152—1173. doi: 10.1080/01402382.2015.1041237.
5. Jensen T.G., Weibel K., Vitus K. 'There is no racism here': public discourses on racism, immigrants and integration in Denmark // *Journal Patterns of Prejudice*. 2017. Vol. 51, № 1. P. 51—68. doi: 10.1080/0031322X.2016.1270844.
6. Mouritsen P., Olsen T.V. Denmark between liberalism and nationalism // *Ethnic and Racial Studies*. 2013. Vol. 36, № 4. P. 691—710. doi: 10.1080/01419870.2011.598233.
7. Rytter M. Writing Against Integration: Danish Imaginaries of Culture, Race and Belonging // *Ethnos*. 2019. Vol. 84, № 4. P. 678—697. doi: 10.1080/00141844.2018.1458745.
8. Green-Pedersen C., Odmalm P. Going different ways? Right-wing parties and the immigrant issue in Denmark and Sweden // *Journal of European Public Policy*. 2008. Vol. 15, № 3. P. 367—381. doi: 10.1080/13501760701847564.
9. Hernes V. Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis // *West European Politics*, 2018. Vol. 41, № 6. P. 1305—1329. doi: 10.1080/01402382.2018.1429748.
10. Larsen B.R. Becoming Part of Welfare Scandinavia: Integration through the Spatial Dispersal of Newly Arrived Refugees in Denmark // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011. Vol. 37, № 2. P. 333—350. doi: 10.1080/1369183X.2011.521337.

11. *Anderson J., Antalíková R.* Framing (implicitly) matters: The role of religion in attitudes toward immigrants and Muslims in Denmark // *Scandinavian Journal of Psychology*, 2014. Vol. 55, № 6. P. 593—600. doi: 10.1111/sjop.12161.
12. *Jensen T.G.* To Be 'Danish', Becoming 'Muslim': Contestations of National Identity? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 34, № 3. P. 389—409. doi. org/10.1080/13691830701880210.
13. *Farkas J., Schou J., Neumayer C.* Platformed antagonism: racist discourses on fake Muslim Facebook pages // *Critical Discourse Studies*, 2018. Vol. 15, № 5. P. 463—480. doi: 10.1080/17405904.2018.1450276.
14. *Rytter M., Pedersen M.H.* A decade of suspicion: Islam and Muslims in Denmark after 9/11 // *Ethnic and Racial Studies*. 2014. Vol. 37, № 13. P. 2303—2321. doi: 10.1080/01419870.2013.821148.
15. *Weinholt K.* Antisemitisme // *Den Store Danske Gyldendals åbne encyklopædi*, 2017. URL: http://www.denstoredanske.dk/Sprog,_religion_og_filosofi/Religion_og_mystik/I%C3%B8det_ommen/antisemitisme (дата обращения: 18.11.2019).
16. *Freiesleben A.M.* Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968—2013 — fra utopi til dystopi. København, 2016. URL: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (дата обращения: 02.08.2019).
17. *Thing M.* De russiske jøder i København 1882—1943. Oslo, 2008.
18. *Lund H.* Flygtninge og Indvandrere 1850—1980. København, 2008.
19. *Jensen B.* De fremmede i dansk avisdebat fra 1870'erne til 1990'erne. København, 2000.
20. *Duelund P.* Parallelsamfund som ny politisk strategi // *Dagbladet Information*, 1968. URL: <https://www.information.dk/kultur/2016/05/taler-taler-taler-parallelsamfund-ved-taler> (дата обращения: 15.02.2019).
21. *Duelund P.* På vej mod et nyt samfund. Høsts Debatbog No 4. København, 1971.
22. *Heitmeyer W.* Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. Erste empirische Studie: 27 Prozent befürworten Gewalt zur Durchsetzung religiöser Ziele // *Zeit Online*, 1996. URL: <http://www.zeit.de/1996/35/heimmey.txt.19960823.xml> (дата обращения: 11.09.2019).
23. *Camre M.* Debat: Tørklædet er brud på kvinders ret // *Information*. 1999. URL: <https://www.information.dk/debat/1999/08/toerklaedet-brud-paa-kvindes-ret> (дата обращения: 15.07.2019).
24. *Rasmussens A.F.* Statsminister Anders Fogh Rasmussens Nytårstale 2004 // *Statsministeriet*, 2004. URL: http://www.stm.dk/_p_7458.html (дата обращения: 17.11.2019).
25. *Rasmussen L.L.* Statsminister Lars Løkke Rasmussens tale ved Folketingets åbning tirsdag den 5. oktober 2010 // *Statsminister*. 2010. URL: http://www.stm.dk/_p_13260.html (дата обращения: 17.11.2019).
26. *Пронина Т.С.* Многонациональность «против» мультикультурности: сегрегация этнорелигиозных общин // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2019. № 3. С. 146—158.
27. *Hiscott W.* "Parallel Societies" — A Neologism gone Bad // *Prague: Multicultural Center Prague*. 2015. URL: http://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc4_8d13ae0415c78ceae108bf5/WHiscott_Parallel_Societies.pdf (дата обращения: 03.04.2019).
28. *Egge M., Solhjell R.* Parallelsamfund: En del av den norske virkeligheten? Technical Report. Oslo, 2018. URL: <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/2498197> (дата обращения: 15.07.2019).
29. *Khader N.* Juletræssagen er ikke en bagatel // *Religion.dk*, 2012. URL: <http://www.religion.dk/kommentaren/khader-juletr%C3%A6ssagen-er-ikke-en-bagatel> (дата обращения: 25.05.2019).
30. *Krarpup M.* Er det praktisk at give efter for muslimske særkrav? // *Berlingske Tidende*. 2013. URL: <http://www.mariekrarpup.dk/33303274> (дата обращения: 16.06.2019).
31. *Rasmussen L.L.* Lars Løkke Rasmussens nytårstale 1. januar 2018 // *Regeringen.dk*. 2018. URL: <https://www.regeringen.dk/statsministerens-nytaarstale/lars-loekke-rasmussens-nytaarstale-1-januar-2018/> (дата обращения: 16.01.2020).
32. *Olsen S.H.* A Place Outside Danish Society Territorial Stigmatisation and Extraordinary Policy Measures in the Danish 'Ghetto'. Lund, 2019. URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/8981758> (дата обращения: 08.01.2020).
33. *Amin A.* Being a percentage rather than a human being in Denmark // *The Funambulist: Queers, Feminists and Interiors*. 2017. № 13. P. 6—8. URL: <https://thefunambulist.net/magazine/queers-feminists-interiors> (дата обращения: 15.09.2019).

Об авторах

Екатерина Юрьевна Талалаева, научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Татьяна Сергеевна Пронина, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

ETHNO-CONFESSIONAL IMMIGRANT GHETTOS AS A NATIONAL SECURITY PROBLEM IN DENMARK'S SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE

E. Yu. Talalaeva

T. S. Pronina

Pushkin Leningrad State University
10 Petersburgskoe shosse, Pushkin, St Petersburg, 196605, Russia

Received 29 April 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-4
© Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S., 2020

The ghettoisation of immigrant areas in Denmark is a lengthy and objective process of the emergence of ethno-religious 'parallel societies' in the state. Cultural and religious principles that are often at odds with the democratic values of Danish society guide the actions of ghetto residents. Danish social and political discourse pictures this ideological difference between the host society and Muslim immigrant minorities as a potential threat to Denmark's national security caused by a combination of political, social, and economic factors. The ensuing social disunity and violation of the country's territorial integrity take the problem to a regional and international level. Through analysing public speeches of Danish social and political actors, this article reconstructs key stages in the development of parallel societies in Denmark. Another focus is official government strategies to prevent isolated immigrant areas from turning into ghettos: the Government's Strategy against Ghettoisation (2004), Return of the Ghetto to Society: Confronting Parallel Societies in Denmark (2010), and One Denmark without Parallel Societies: No Ghettos in 2030 (2018). The escalation of the social conflict calls for the Danish authorities to take decisive action against the enclavisation of segregated immigrant communities. This study employs discourse analysis to evaluate the efficiency and identify the shortcomings of government action to integrate ethno-confessional minorities into society. Particular attention is paid to analysing public reaction to the criteria for identifying ghettos as well as to annual publications of official ghetto lists.

Keywords:

parallel society, ethno-religious immigrant ghetto, Muslim communities, Denmark's immigration policy, Denmark's national security

References

1. Joppke, C. 2017, Civic integration in Western Europe: three debates, *West European Politics*, vol. 40, no. 6, p. 1153—1176. doi: 10.1080/01402382.2017.1303252.
2. Staver, A.B., Brekke, J.-P., Søholt, S. 2019, *Scandinavia's segregated cities—policies, strategies and ideals*, Oslo, Norwegian Institute for Urban and Regional Research, available at: <https://fagarkivet.oslomet.no/nb/item/asset/dspace:13292/2019-8.pdf> (accessed on December 13, 2019).
3. Simonsen, K.B. 2016, Ghetto—Society—Problem: A Discourse Analysis of Nationalist Othering, *Studies of Ethnicity and Nationalism*, vol.16, no. 1, p. 83—99. doi: 10.1111/sena.12173.
4. Baldi, G., Goodman, S.W. 2015, Migrants into Members: Social Rights, Civic Requirements, and Citizenship in Western Europe, *West European Politics*, vol. 38, no. 6, p. 1152—1173. doi: 10.1080/01402382.2015.1041237.
5. Jensen, T.G., Weibel, K., Vitus, K. 2017, 'There is no racism here': public discourses on racism, immigrants and integration in Denmark, *Journal Patterns of Prejudice*, vol. 51, no. 1, p. 51—68. doi: 10.1080/0031322X.2016.1270844.
6. Mouritsen, P., Olsen, T.V. 2013, Denmark between liberalism and nationalism, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 36, no. 4, p. 691—710. doi: 10.1080/01419870.2011.598233.
7. Rytter, M. 2019, Writing Against Integration: Danish Imaginaries of Culture, Race and Belonging, *Ethnos*, vol. 84, no. 4, p. 678—697. doi: 10.1080/00141844.2018.1458745.
8. Green-Pedersen, C., Odmalm, P. 2008, Going different ways? Right-wing parties and the immigrant issue in Denmark and Sweden, *Journal of European Public Policy*, vol. 15, no. 3, p. 367—381. doi: 10.1080/13501760701847564.
9. Hernes, V. 2018, Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis, *West European Politics*, vol. 41, no. 6, p. 1305—1329. doi: 10.1080/01402382.2018.1429748.
10. Larsen, B.R. 2011, Becoming Part of Welfare Scandinavia: Integration through the Spatial Dispersal of Newly Arrived Refugees in Denmark, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 37, no. 2, p. 333—350. doi: 10.1080/1369183X.2011.521337.
11. Anderson, J., Antalíková, R. 2014, Framing (implicitly) matters: The role of religion in attitudes toward immigrants and Muslims in Denmark, *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 55, no. 6, p. 593—600. doi: 10.1111/sjop.12161.
12. Jensen, T.G. 2018, To Be 'Danish', Becoming 'Muslim': Contestations of National Identity? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 34, no. 3, p. 389—409. doi: 10.1080/13691830701880210.
13. Farkas, J., Schou, J., Neumayer, C. 2018, Platformed antagonism: racist discourses on fake Muslim Facebook pages, *Critical Discourse Studies*, vol. 15, no. 5, p. 463—480. doi: 10.1080/17405904.2018.1450276.
14. Rytter, M., Pedersen, M.H. 2014, A decade of suspicion: Islam and Muslims in Denmark after 9/11, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 37, no. 13, p. 2303—2321. doi: 10.1080/01419870.2013.821148.
15. Weinholt, K. 2017, Antisemitisme, *Den Store Danske Gyldendals åbne encyklopædi*, available at: http://www.denstoredanske.dk/Sprog,_religion_og_filosofi/Religion_og_mystik/J%C3%B8dedommen/antisemitisme (accessed on November 18, 2019).
16. Freiesleben, A.M. 2016, *Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968—2013 — fra utopi til dystopi*, København, Københavns Universitet, Det Humanistiske Fakultet, available at: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (accessed on August 02, 2019).
17. Thing, M. 2008, *De russiske jøder i København 1882—1943*, Oslo, Gyldendal N.F., 656 p.
18. Lund, H. 2008, *Flygtninge og Indvandrere 1850—1980*, København, Forlaget Palle Fogtdal A/S, 399 p.
19. Jensen, B. 2000, *De fremmede i dansk avisdebat fra 1870'erne til 1990'erne*, København, Rockwool Fonden, 527 p.
20. Duelund, P. 1968, *Parallelsamfund som ny politisk strategi*, Dagbladet Information, available at: <https://www.information.dk/kultur/2016/05/taler-taler-taler-parallelsamfund-ved-taler> (accessed on February 15, 2019).
21. Duelund, P. 1971, *På vej mod et nyt samfund. Høsts Debatbog No 4*, København, Høst, 232 p.

22. Heitmeyer, W. 1996, Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. Erste empirische Studie: 27 Prozent befürworten Gewalt zur Durchsetzung religiöser Ziele, *Zeit Online*, available at: <http://www.zeit.de/1996/35/heitmey.txt.19960823.xml> (accessed on September 11, 2019).
23. Camre, M. 1999, Debat: Tørklædet er brud på kvinders ret, *Information*, available at: <https://www.information.dk/debat/1999/08/toerklædet-brud-paa-kvindes-ret> (accessed on July 15, 2019).
24. Rasmussens, A.F. 2004, Statsminister Anders Fogh Rasmussens Nytårstale 2004, *Statsministeriet*, available at: http://www.stm.dk/_p_7458.html (accessed on November 17, 2019).
25. Rasmussen, L.L. 2010, Statsminister Lars Løkke Rasmussens tale ved Folketingets åbning tirsdag den 5. oktober 2010, *Statsminister*, available at: http://www.stm.dk/_p_13260.html (accessed on November 17, 2019).
26. Pronina, T.S. 2019, Multinationality versus multiculturalism: segregation of ethno-religious communities, *Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*, no. 3, p. 146—158 (In Russ).
27. Hiscott, W. 2015, *Parallel Societies — A Neologism gone Bad*, Prague: Multicultural Center Prague, available at: http://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc4_8d13ae0415c-78ceae108bf5/WHiscott_Parallel_Societies.pdf (accessed on April 03, 2019).
28. Egge, M., Solhjell, R. 2018, *Parallellsamfunn: En del av den norske virkeligheten? Technical Report*, Oslo, Politihøgskolen, available at: <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/2498197> (accessed on July 15, 2019).
29. Khader, N. 2012, Juletræssagen er ikke en bagatel, *Religion.dk*, available at: <http://www.religion.dk/kommentaren/khader-juletr%C3%A6ssagen-er-ikke-en-bagatel> (accessed on May 25, 2019).
30. Krarup, M. 2013, Er det praktisk at give efter for muslimske særkrav? *Berlingske Tidende*, available at: <http://www.mariekrarup.dk/33303274> (accessed on June 16, 2019).
31. Rasmussen, L.L. 2018, Lars Løkke Rasmussens nytårstale 1. januar 2018, *Regeringen.dk*, available at: <https://www.regeringen.dk/statsministerens-nytaarstale/lars-loekke-rasmussens-nytaarstale-1-januar-2018/> (accessed on January 16, 2020).
32. Olsen, S.H. 2019, *A Place Outside Danish Society Territorial Stigmatisation and Extraordinary Policy Measures in the Danish 'Ghetto'*, Lund, Lund University Libraries, available at: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/8981758> (accessed on January 08, 2020).
33. Amin, A. 2017, Being a percentage rather than a human being in Denmark, *The Funambulist: Queers, Feminists and Interiors*, no. 13, p. 6—8, available at: <https://thefunambulist.net/magazine/queers-feminists-interiors> (accessed on September 15, 2019).

The authors

Ekaterina Yu. Talalaeva, Research Fellow, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Prof. Tatiana S. Pronina, Senior Researcher, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

МНОГОМЕРНАЯ БЕДНОСТЬ В СТРАНАХ БАЛТИИ В КОНТЕКСТЕ ЕС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В. В. Воронов¹

О. П. Ружа²

Я. В. Сташане²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

² Даугавпилсский университет,
LV-5401, Латвия, Даугавпилс, ул. Виенибас, 13

Поступила в редакцию 09.04.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-5

© Воронов В. В., Ружа О. П.,
Сташане Я. В., 2020

В научных исследованиях предлагают различные подходы оценки бедности: абсолютный, относительный и субъективный, которые широко используются в исследованиях динамики и дифференциации доходов населения разных стран. В настоящее время в развитых странах получает распространение новый исследовательский подход к изучению и оценке понятия многомерной бедности под названием «риск бедности и/или социальной исключенности» («At risk of poverty or social exclusion» — AROPE), при котором бедность анализируется не только по уровню доходов, но и по немонетарным возможностям получения людьми различных услуг социальной сферы. Несмотря на всю разносторонность и остроту проявления многомерной бедности в отдельных европейских странах, эта тема недостаточно разработана в пространстве социально-экономических исследований в прибалтийских странах ЕС: Латвии, Литве, Эстонии. Целью статьи является выявление особенностей многомерной бедности в прибалтийских странах и ЕС в целом. Задача статьи — исследовать степень распространения многомерной бедности в прибалтийских странах по сравнению с общеевропейскими масштабами этой современной социально-экономической проблемы. Эмпирической основой работы выступают данные Евростата. Результаты работы показывают, что в прибалтийских странах ЕС риск многомерной бедности, по разным показателям, выше, чем в среднем по ЕС.

Keywords:

многомерная бедность, индикаторы измерения бедности, оценки риска бедности, материальные депривации, Латвия, Литва, Эстония

Введение

Достаточно длительное время исследователи Прибалтийских государств при анализе социальной стратификации большое внимание уделяли становлению среднего класса, при этом бедные группы населения рассматривались как его возможный резерв, по тем или иным критериям не дотягивающий до роли надежного стабилизатора в условиях сложных трансформаций общества [1, р. 83—92; 2, р. 7—27]. Между тем доля бедных групп оказалась довольно многочисленной, а после мирового финансового кризиса 2008 года составляла, например, в Латвии более 90%. Наибольший разрыв между кандидатами в средний класс и бедными групп-

Для цитирования: Воронов В. В., Ружа О. П., Сташане Я. В. Многомерная бедность в странах Балтии в контексте ЕС: теоретические и практические аспекты // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 72—88. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-5.

пами имел место по показателю денежных доходов, а также по таким оцениваемым параметрам, как уровень образования, самоидентификация со средним классом, совокупные ресурсы и капитал [1, р. 83—92]. Сравнительные исследования Латвии и других стран убедительно показывают, что без решения проблем бедности невозможно развитие социальной экономики как важной предпосылки национальной безопасности современного общества [3, с. 211—231]. Все это заставляет исследователей глубже изучать многочисленные группы бедного населения (молодежь, безработные, пенсионеры, другие социально уязвимые группы), предлагать новые концепции в рамках проблем преодоления существенного неравенства и снижения масштабов бедности. При поиске решений этих проблем перспективно использовать концепцию многомерной бедности, которой уделяется все большее внимание в зарубежной научной литературе. При определении уровня бедности на основе этой концепции учитываются и те аспекты жизни населения, которые не поддаются оценке с помощью абсолютных и относительных стоимостных показателей: здоровье, образование, условия жизни, личная безопасность, обеспечение прав и возможностей жизнедеятельности в обществе и другое. Инициативная группа ученых из Университета Оксфорда (Великобритания) по исследованию и измерению бедности и уровня развития человеческого капитала (в том числе качества рабочей силы) в разных странах разработала многомерный индекс бедности («Multidimensional poverty index» — MPI), широко используемый в настоящее время международными исследовательскими организациями в своих статистических обзорах и отчетах.

Актуальность проблемы и основные теоретико-методологические подходы

Концепция многомерной бедности как проявление различных аспектов материальных (доходы, занятость) и нематериальных (здоровье, образование, безопасность) базовых нужд людей впервые была озвучена в августе 1976 года в рамках Международной конференции по занятости, организованной Международной организацией труда [4, р. 1—224]. В дополнение к материальным нуждам, определяющим возможность простого физического выживания, были добавлены услуги образования, здравоохранения, необходимые для успешной социальной активности людей, развития их человеческого капитала. Тогда же было признано, что при определении уровня бедности населения необходимо помимо расходов на продовольствие учитывать, например, расходы на образование, досуг, здравоохранение. Критиком описанной концепции выступил британский социолог П. Таунсенд. Основным выводом ученого стало формулирование понятия бедности как относительной депривации: люди являются богатыми или бедными в зависимости от того, какая доля ресурсов общества доступна для них [5, р. 85—101]. Для определения уровня бедности, согласно данной концепции, используются показатели порога относительной монетарной бедности, который составляет менее 60% медианного дохода населения исследуемой страны. Комментируя работы П. Таунсенда, А. Сен пишет, что, с позиции абсолютистского подхода, необходимость удовлетворения потребностей в предметах первой необходимости — это не то же самое, что их постоянство во времени. Релятивистский же подход рассматривает лишения (депривацию) с точки зрения человека как члена домашнего хозяйства, не способного достичь того, что достигают другие в этом обществе. Однако сама необходимость удовлетворения потребностей людей абсолютна, просто в разных обществах в соответствии с их возможностями эти потребности удовлетворяются с помощью различного набора благ. Поэтому, согласно А. Сену, в любом случае черта бедности будет функцией некоторых переменных, и нет априорной причины, по которой эти переменные не могут меняться в течение времени [6, р. 153—169].

Г. Бетти с коллегами считает, что важным вкладом в исследование многомерной бедности является определение правил агрегирования нечетких множеств, подходящих для изучения бедности и лишений [7, р. 68—86].

В соответствии с положениями М. Равальена на практике бедность осмысливается и измеряется в объективных показателях уровня доходов или потребления домохозяйств, когда соответствующий аспект бедности определяется на основе либо экономических факторов (стоимости минимальной продовольственной корзины плюс расходов на удовлетворение основных потребностей гигиены и физиологии), либо социальных норм, которые преобладают в данном обществе в текущий момент. Одна из главных причин неудовлетворенности исследователей показателем уровня объективной бедности состоит в том, что этот показатель игнорирует различные признаки материальной депривации, социальной изоляции (поддержки) домохозяйств. Поэтому цель усилий по мониторингу измерения бедности должна состоять в том, чтобы разработать достоверный набор из нескольких индексов, охватывающих показатели бедности, наиболее соответствующие конкретным общественным условиям [8, р. 235—248].

Л. Беллани обосновала положение о том, что индивиды, происходящие из разных социальных групп, могут иметь различное восприятие относительной важности для них или иных показателей измерения многомерной бедности. Поэтому при оценке индекса многомерной бедности важен учет положения в обществе разных социальных групп. Основная идея автора предлагаемого индекса заключается в том, что люди сравнивают себя с другими людьми той же референтной группы. Их чувство риска бедности тем выше, чем большее значение они придают слабости своих позиций в общем наборе неденежных предметов лишения (депривации) в их собственной референтной группе. Такая дифференциация показателей оказывает определенное влияние на измерение многомерной бедности в каждой стране и в социальных группах в ней [9, р. 495—515].

И. Антошова провела в 2016 году сравнительный анализ показателей уровня многомерной бедности в домохозяйствах Германии, Польши, Словакии и Чехии. Она предложила идентификацию домохозяйств, подверженных риску крайней бедности, с использованием кластерного анализа, на основе построения индекса, который объединяет три показателя бедности (бедность по доходам, по существенной материальной депривации, по низкой трудовой занятости), отражающие тенденции измерения уровня многомерной бедности в обследуемых странах ЕС [10, р. 4—15].

Н. Рогге измеряет и сравнивает региональные показатели социальной интеграции в Европе с использованием свободного индекса, построенного на основе общепринятых субиндикаторов основных показателей Европы—2020. Что касается факторов, определяющих бедность и социальную изоляцию, результаты показали, что низкий уровень образования и высокий процент домохозяйств с одним родителем негативно связаны с региональной социальной интеграцией [11, р. 325—344].

М. Ледич исследовал уровень дохода и материальной депривации у детей в Хорватии [12, р. 5—57]. Этой же проблеме уделяли свое внимание Г. Грили, А. Д'Агостино, А. Потси, которые концентрировали внимание на двух конкретных факторах измерения материальной депривации у детей, а именно на их социальной принадлежности и безопасности [13, р. 5—57].

М. Циани, Ф. Гаглиарди, С. Риккарелли применили подход нечетких множеств для измерения уровня многомерной бедности в течении восьми лет: с 2007 по 2015 год. Основное внимание они уделели финансовым аспектам бедности и ее влиянию на граждан в Средиземноморском регионе ЕС [14, р. 143].

Большой вклад в разработку концептуальных проблем и методов измерения многомерной бедности сделан С. Алкире и Дж. Фостером. Разработанный ими

принцип измерения многомерной бедности получил название метода Алкайре — Фостера (The Alkire-Foster (AF) method). Этот метод позволяет определять, по каким параметрам население относится к бедным, а также агрегировать информацию для отражения бедности в обществе (по индикаторам, географическим регионам, этническому и другим признакам социальных групп). Набор признаков материальных и социальных деприваций, построенный по этому методу, позволяют выявить взаимосвязи между видами лишений и может быть использован при разработке приоритетов социальной политики [15, р. 476—1487; 16, р. 287—299; 17, р. 983—1006; 18, р. 83—97; 19, р. 25—64; 20, р. 121]. Указанные выше исследователи внесли значимый вклад в различные аспекты обоснования и использования показателей многомерной бедности.

Как показывает обзор проведенных исследований по рассматриваемой тематике, на сегодняшний день известные европейские ученые классифицируют два основных подхода к теоретико-методологическим основам измерениям уровня бедности населения следующим образом. Первый подход — одномерный анализ на основе денежных показателей доходов и расходов населения. Для такого анализа характерны следующие аспекты измерения бедности: абсолютный (доходы на душу населения ниже официального прожиточного минимума) и относительный (менее 60% медианного дохода на душу населения). Второй подход — многомерный анализ риска бедности на основе монетарных и социальных показателей благополучия жизнедеятельности населения в целом или дифференцированного по различным критериям (денежные показатели доходов и расходов на душу населения, наличие существенных материальных деприваций, масштабы исключенности из рынка труда, социальной изоляции от государственных пособий)¹.

Исследование и измерение многомерной бедности учитывает аспекты жизни населения, которые не поддаются оценке с помощью стоимостных показателей: здоровье, образование, условия жизни, личная безопасность, обеспечение прав и возможностей, социальная поддержка и т.п. Человек может иметь средний доход, но при этом испытывать недостаток питьевой воды, не иметь доступа к качественным услугам здравоохранения и образования, достойной работе, жить в регионе с высоким уровнем преступности и/или неблагоприятном с точки зрения экологии. В этом случае он испытывает депривации — лишение доступа к определенным ресурсам и возможностям [21, р. 3—24; 22, р. 17—19].

Использование показателей многокритериальной бедности в официальной статистике представляет собой достаточно новую практику. Ранее бедность обычно описывалась официальными статистическими органами различных государств, международными организациями и отдельными исследователями в контексте неравенства доходов, то есть посредством стоимостных показателей в качестве мониторинга социально-экономического положения населения, отдельных индивидов, социальных, половозрастных групп или домохозяйств. В настоящее время в академической среде сложилось понимание того, что в современных экономически развитых обществах понятие бедности не может быть ограничено только показателями уровня доходов, указанных выше субъектов. В рамках многомерного подхода к определению уровня бедности учитывается не только дефицит финансовых ресурсов у индивида, но и наличие у него ограничений в доступе к образованию и здравоохранению, а также трудностей, связанных с жилищными условиями, питанием, здоровьем и другими жизненными потребностями [23, р. 305—325].

¹ Measuring Material Deprivation in the EU. Indicators for the Whole Population and Child-Specific Indicators // Eurostat. Luxembourg, 2012. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3888793/5853037/KS-RA-12-018-EN.PDF> (дата обращения: 12.01.2020).

Измерение Евростатом уровня многомерной бедности на базе индекса риска бедности и социальной исключенности (AROPE)

Измерение уровня многомерной бедности осуществляется с использованием базы данных «Статистика доходов и условий жизни в ЕС» — «European Union Statistics on Income and Living Conditions. EU — SILC»².

Определение соответствующих показателей:

1. *Индекс риска бедности и/или социальной исключенности (AROPE)* — комплексный показатель для признания бедными лиц, подпадающих хотя бы под один из следующих трех критериев многомерной бедности: имеющие располагаемый доход ниже порога риска бедности; испытывающие существенные материальные депривации; проживающие в домохозяйствах с крайне низкой интенсивностью труда. Более подробно методика построения индекса AROPE и его математическая формула описаны в работе [24, с. 130—133]. Значения индекса AROPE варьируются от 0 до 100%. Чем больше значение индекса, тем выше в стране риск бедности и /или социальной исключенности, и наоборот.

2. *Существенные материальные депривации (как часть индекса AROPE)* показывают, какова доля различных субъектов общества, имеющих по крайней мере 4 из 9 следующих признаков (компонентов) депривации (лишений). Это касается человека, представителя социальной, половозрастной группы, члена домохозяйства, который не может себе позволить: 1) оплачивать непредвиденные расходы; 2) недельный отдых вне дома; 3) оплатить просроченную задолженность (ипотека или аренда, коммунальные счета или покупки в рассрочку); 4) питание с включением мяса, курицы, рыбы через день; 5) возможность отапливать жилище на должном уровне (даже при желании); 6) стиральную машину; 7) цветной телевизор; 8) телефон; 9) автомобиль. На уровне Европейской статистической системы с 2016 года было принято решение об изменении и исключении некоторых признаков материальных деприваций, таких как отсутствие стиральной машины, цветного телевизора и телефона, поскольку они устарели и потеряли свою актуальность. Однако было принято предложение о добавлении новых позиций, таких как: 1) замена ветхой мебели; 2) замена ветхой одежды на новую; 3) две пары хорошо сидящей обуви; 4) трата небольшой суммы денег каждую неделю на себя; 5) регулярное участие в мероприятиях отдыха и досуга; 6) подключение к интернет-ресурсу для личного пользования дома; 7) встречи с друзьями / семьей за столом по крайней мере раз в месяц. В статье статистика показателей 2017—2018 годов дается по новому набору деприваций.

3. *Показатель уровня риска бедности по доходам (как часть индекса AROPE)* — доля населения (в целом или дифференцированного по социальным, половозрастным группам, домохозяйствам), чей эквивалентный располагаемый доход ниже порога риска бедности, установленного на уровне 60% национального медианного эквивалентного располагаемого дохода.

4. *Величина интенсивности труда (исключение из занятости) (как часть индекса AROPE)* относится к количеству месяцев, в течение которых представители социальной, половозрастной групп, члены домохозяйства, находящиеся в трудоспособном возрасте, работали в отчетном году пропорционально общему количеству месяцев, в течение которых они теоретически могли бы работать в отчетном году. Лица классифицируются по категориям интенсивности труда от WI = 0 (без-

² European union statistics on income and living conditions (EU-SILC) // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-union-statistics-on-income-and-living-conditions> (дата обращения: 12.01.2020).

работное домохозяйство) до $WI = 1$ (полная интенсивность труда). Считается, что лицо проживает в домохозяйстве с *низкой интенсивностью труда*, если $WI \leq 0,2^3$ [25, р. 1—30; 26, р. 1—43].

Достоинством индекса AROPE является его страновая сопоставимость, которая обеспечивается использованием единых подходов к проведению обследования. При этом отдельные авторы отмечают, что различия в методологиях проведения опросов в разных странах ЕС накладывают некоторые ограничения на агрегируемость критериальных данных, однако в целом не приводят к существенному ухудшению статистических свойств совокупной выборки для ЕС [24, с. 133; 27; 28, р. 26—27].

Индекс многомерной бедности.

Уровень относительной бедности по доходам и социальной исключенности в странах Балтии в контексте ЕС

В 2018 году 110,0 млн чел., или 21,8% населения ЕС, подвергались риску бедности и социальной исключенности, согласно данным Евростата (рис. 1). Это означает, что примерно каждый пятый человек в ЕС испытывал по крайней мере одну из следующих трех форм бедности: бедность по доходам, существенную материальную депривацию или очень низкую трудовую занятость. За последние 15 лет можно отметить два периода, когда наблюдались изменения в уровне риска бедности и социальной исключенности в ЕС: 2009 и 2012 годы. В 2009 году количество населения, подверженного риску бедности, начало расти из-за социально-экономических последствий экономического кризиса; в 2012 году эта восходящая тенденция сменилась на противоположную. К 2018 году число населения в группе риска бедности стало ниже уровня 2008 года, который был базовым годом в рамках реализации стратегии Евросоюза «Европа—2020», цель которой состоит в том, чтобы людей, находящихся под угрозой бедности, стало на 20 млн меньше [29, р. 29—61]. Тем не менее с разрывом между планом и результатом в 16 млн человек эта цель остается пока не достигнутой.

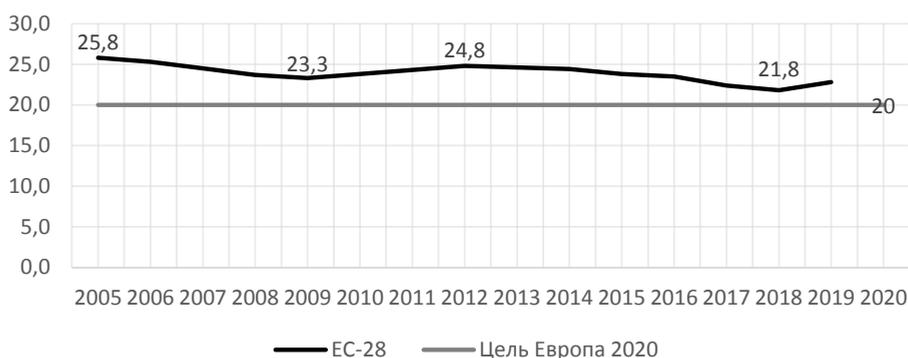

Рис. 1. Показатель доли населения, испытывающего риск бедности и социальной исключенности, в странах ЕС, с 2005 по 2018 год, %

Составлено по: People at risk of poverty or social exclusion // Eurostat. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=t2020_50&lang=en (дата обращения: 10.01.2020).

³ Материальные депривации как составная часть показателя многомерной бедности. Текущая ситуация и будущие вызовы. Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций. Конференция европейских статистиков. Совещание экспертов по измерению бедности и неравенства (Будва, Черногория, 26—27 сентября 2017 года). URL: https://www.unecsc.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2017/Expert-meeting-Montenegro-2017/Informations/PPT_s/Latvia_presentation_rus.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

В прибалтийских странах ЕС (Латвия, Литва и Эстония) в 2018 году риску бедности и социальной исключенности больше всего подвергалось население Литвы — 794 тыс. чел. (29,6%) и Латвии — 543 тыс. чел. (28,4%). В Эстонии ситуация немного лучше — 318 тыс. чел., или 24,4%.

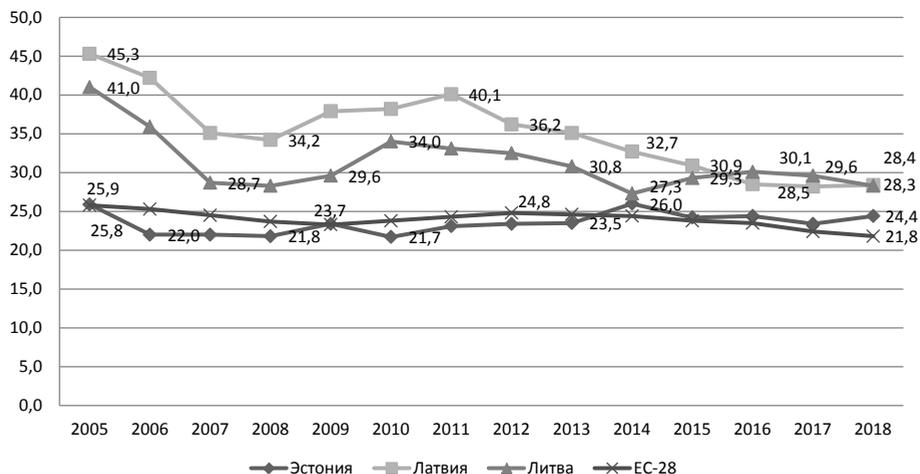

Рис. 2. Показатель доли населения, подверженного риску бедности и социальной исключенности, в прибалтийских странах ЕС, с 2005 по 2018 год, %

Составлено по: *People at risk of poverty or social exclusion* // Eurostat. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=t2020_50&lang=en (дата обращения: 10.01.2020).

Показатель индекса многомерной бедности AROPE, отражающий тенденции в измерении уровня бедности среди населения стран Балтии, значительно различался в 2005 году, варьируясь от 25,8% в Эстонии до 45,3% в Латвии. С 2005 года наблюдается общая тенденция снижения количества населения этих стран и ЕС в целом, подвергающегося риску бедности (рис. 2). В среднем 21,8% населения ЕС подвергалось риску бедности и социальной исключенности в 2018 году.

Социально-экономическое положение прибалтийских стран ЕС зависит от многих факторов, но большая часть нынешних расхождений в социальных результатах развития, в сравнении со «старыми» странами ЕС, в известной мере наследие продолжающегося в Латвии, Литве и Эстонии экономического и финансового кризиса.

Данные таблицы 1 подтверждают, что население прибалтийских государств в настоящее время подвержено риску многомерной бедности больше, чем население других стран Евросоюза. Особенно это касается социально уязвимых групп граждан: детей, женщин, пенсионеров. В большинстве стран — членов ЕС доля пенсионеров в возрасте старше 65 лет, которые считаются подверженными риску многомерной бедности, составляет от 10 до 30%. Лидерами ЕС в 2018 году в группе риска граждан от 65 лет и старше по индексу AROPE были граждане Эстонии (47,4%), Латвии (43,9%), Литвы (42,7%). При этом угроза бедности в странах Балтии имеет этническую окраску. Так, в Эстонии она выше для русскоязычных пенсионеров, на что в 2018 году обращала внимание комиссар Совета Европы по правам человека Дуня Миятович⁴. Наименьшее значение индекса AROPE для пожилых граждан ЕС в 2018 году зафиксировано в Словакии (6,4%).

⁴ Eurostat: больше всего риск впасть в нищету грозит пенсионерам стран Балтии. URL: <https://www.rubaltic.ru/news/09022020-eurostat-bolshe-vsego-risk-vpast-v-nishchetu-grozit-pensioneram-stran-pribaltiki/> (дата обращения: 15.02.2020).

Определенная распространенность существенной материальной депривации наблюдается в группе детей от 0 до 17 лет. В 2018 году ее средний уровень в ЕС составил 14,5% (табл. 1); показатели существенной материальной депривированности среди детей в странах Балтии: Латвия — 10,3%, Литва — 10,0%, Эстония — 3,5%.

Таблица 1

**Показатели доли населения в целом и по половозрастным группам,
подверженного риску многомерной бедности (включая ее три компонента)
в ЕС и странах Балтии в 2018 году, %**

ЕС и страны Балтии, 2018	AROPE	Риск относительной доходной бедности	Риск существенной материальной депривации	Риск исключенности из рынка труда
ЕС — 28, в том числе:	21,8	17,1	5,9	8,8
мужчины	20,8	16,3	5,7	8,3
женщины	22,8	17,8	6,1	9,3
0—17 лет	23,4	19,9	14,5	7,4
18—64 года	22,1	16,4	13,2	9,4
65+	18,1	16,1	11,1	—
Латвия, в том числе:	28,4	22,1	11,3	7,8
мужчины	24,9	19,1	10,7	7,9
женщины	31,1	24,6	11,8	7,6
0—17 лет	23,9	18,4	10,3	6,4
18—64 года	24,5	17,5	11,2	8,2
65+ лет	43,9	39,9	12,7	—
Литва, в том числе:	29,6	22,9	11,1	9,0
мужчины	25,7	20,7	9,9	9,5
женщины	30,5	24,9	12,2	8,5
0—17 лет	28,0	23,9	10,0	10,4
18—64 года	23,8	18,0	10,5	8,5
65+ лет	42,7	37,7	14,1	—
Эстония, в том числе:	24,4	21,9	3,8	5,2
мужчины	21,8	19,3	3,7	5,7
женщины	26,6	24,2	3,8	4,8
0—17 лет	17,9	15,2	3,5	3,6
18—64 года	19,2	16,4	3,6	5,8
65+ лет	47,4	46,3	4,4	—

Составлено по данным Евростата (<https://ec.europa.eu/eurostat/web/income-and-living-conditions/quality/eu-and-national-quality-reports> (дата обращения: 12.01.2020)).

В 2018 году показатель уровня риска бедности среди пенсионеров-женщин был более чем на 10 процентных пунктов (п. п.) выше, чем среди пенсионеров-мужчин в шести государствах — членах ЕС: Литве (18 п. п.), Эстонии (17 п. п.), Болгарии

(15 п. п.), Чехии (13 п. п.), Латвии и Румынии (11 п. п.)⁵. Также в настоящее время высок в целом показатель доли женщин в странах Балтии, подверженных риску многомерной бедности: от 26,6% в Эстонии до 31,1% в Латвии (Литва — 30,5%).

Динамика и значения трех компонентов индекса AROPE в странах ЕС в период с 2005 по 2018 год представлены на рисунке 3.

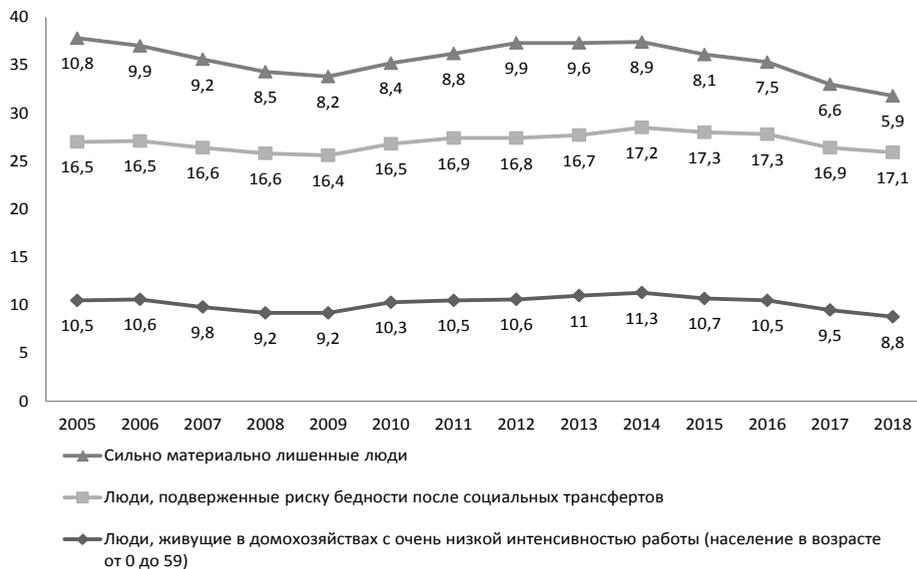

Рис. 3. Субиндикаторы, отражающие количество людей, подвергающихся риску бедности и социальной исключенности в странах ЕС — 28, с 2005 по 2018 год, %

Составлено по: *People living in households with very low work intensity* // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=t2020_51 (дата обращения: 10.01.2020); *People at risk of poverty after social transfers* // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=t2020_52 (дата обращения: 10.01.2020); *Severely materially deprived people (million people)* // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=t2020_53 (дата обращения: 10.01.2020).

Уровень существенных материальных деприваций в ЕС и странах Балтии

Важным компонентом измерения уровня бедности, согласно методике построения индекса AROPE, является наличие существенных материальных деприваций (лишений). Человек признается существенно депривированным, если из-за недостаточности средств он не может позволить себе иметь не менее четырех из девяти предметов (после 2015 года — из 13) фиксированного набора благ или услуг.

В целом в ЕС с 2012 года наблюдается тенденция к снижению уровня существенной материальной депривированности населения. Число человек в странах ЕС, испытывающих существенные материальные депривации, снизилось с 50 млн в 2012 году до 33,1 млн в 2017-м, или с 9,8% в 2012 году до 5,8% в 2018-м⁶.

⁵ *Closing the gender pension gap?* URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/DDN-20200207-1> (дата обращения: 26.02.2020).

⁶ Составлено по: *Severe material deprivation rate by age and sex* // Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_mddd11&lang=en (дата обращения: 10.01.2020).

Наибольших успехов в сокращении уровня существенной материальной депривированности населения с 2012 по 2018 год достигла Болгария, где этот показатель снизился на 23,2 п. п., Латвия — на 16,1 п. п., Румыния — на 15,3 п. п. Если сравнивать между собой Прибалтийские государства, то в 2018 году Эстония имела самый низкий показатель риска существенно депривированного населения — 3,8%, Латвия и Литва соответственно 11,3 и 11,1% (см. табл. 1, с. 79).

На рисунке 4 представлены данные, характеризующие конкретные компоненты существенной материальной депривации в доле населения всех стран ЕС и соответствующие данные по трем странам Балтии, с 2012 по 2018 год. По всем компонентам показателя уровня существенной материальной депривации заметна тенденция их снижения.

Рис. 4. Компоненты показателя уровня существенной материальной депривации среди населения в ЕС—28 и в странах Балтии с 2012 по 2018 год, доля населения, %

Составлено по: *Inability to keep home adequately warm* — EU-SILC survey // Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_md01&lang=en (дата обращения: 10.01.2020); *Inability to afford paying for one week annual holiday away from home* — EU-SILC survey // Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_md02&lang=en (дата обращения: 10.01.2020); *Inability to afford a meal with meat, chicken, fish (or vegetarian equivalent) every second day* — EU-SILC survey // Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_md03&lang=en (дата обращения: 10.01.2020); *Inability to face unexpected financial expenses* — EU-SILC survey // Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_md04&lang=en (дата обращения: 10.01.2020); *Arrears (mortgage or rent, utility bills or hire purchase) from 2003 onwards* — EU-SILC survey // Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_md05&lang=en (дата обращения: 10.01.2020); *Inability to make ends meet* — EU-SILC survey // Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_md09&lang=en (дата обращения: 10.01.2020); *Persons who cannot afford to get-together with friends or family (relatives) for a drink or meal at least once a month by age, sex and income group*. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_md10a&lang=en (дата обращения: 10.01.2020).

Наиболее распространенным видом существенной материальной депривации в целом для населения стран ЕС является невозможность справиться с непредвиденными финансовыми расходами. Этот компонент материальной депривации отражает значимый реальный аспект трудностей жизни, которые испытывало 32,5% населения ЕС в 2018 году. Более высокое значение, чем в среднем по ЕС, показатель данного компонента получил в Латвии — 55,3% и Литве — 48,8%, а также в Эсто-

нии — 34,7%. Это означает, что в Литве и Латвии половина населения, а в Эстонии — более трети не могут себе позволить непредвиденные финансовые расходы. Такая ситуация указывает на неэффективность инструментов (налоги, льготы, пособия и др.) проводимой в прибалтийских странах государственной социальной политики, направленной на снижение уровня бедности населения и его социально уязвимых групп.

Также распространенным видом материальной депривации является невозможность проведения недельного ежегодного отпуска вне дома. В странах ЕС в 2018 году этот вид депривации испытывали 28,5% населения, в прибалтийских странах ЕС ситуация неоднозначная. В Эстонии это 26,7% населения (меньше, чем в среднем по ЕС). Этой возможности лишены в Литве 40,7%, в Латвии 32,8% населения (больше, чем в среднем по ЕС).

Каждый одиннадцатый житель ЕС (8,9%) имеет задолженность по ипотеке или аренде, коммунальным платежам или покупкам в рассрочку, а 7,3% жителей не могут обеспечить достаточное отопление жилища, 7% не могут позволить себе еду с мясом, курицей, рыбой (или вегетарианским эквивалентом) каждый второй день. В прибалтийских странах ЕС ситуация в этих аспектах неоднозначная. Данные рисунка 4 показывают, что процент населения, испытывающего существенные и разнообразные по компонентам материальные депривации, в Латвии выше, чем в Литве и Эстонии.

Уровень риска исключенности из рынка труда трудоспособного населения в ЕС и странах Балтии

Человек признается исключенным из рынка труда в случае, если показатель трудовой активности, в измерениях уровня риска такой исключенности, принимает значения менее 0,2. По методологии измерения индекса AROPE показатель определяется как доля людей в возрасте от 0 до 59 лет, являющихся представителями социальной, половозрастной групп, членами домашних хозяйств, с очень низкой интенсивностью работы, низкой ее трудоемкостью. Это лица в возрасте 18—59 лет, исключая учащихся, которые работали в течение отчетного года на 20% или меньше от их общего трудового потенциала. По данным Евростата, показатель риска исключенности из рынка труда достаточно значим для представителей социальной, половозрастной групп, членов домашних хозяйств в странах ЕС. В среднем по ЕС величина этого показателя составляет 13,4%. В странах Балтии показатель уровня риска исключенности из рынка труда трудоспособного населения оказался ниже: в Литве — 8,5%, Латвии — 8,2%, Эстонии — 7,0%.

В целом по странам ЕС показатель уровня риска исключенности трудоспособного населения из рынка труда с 2012 по 2018 год снизился немного: на 1,8 п. п. Лидерами снижения данного показателя с 2012 по 2018 год стали такие страны, как Ирландия, где уровень риска исключенности из рынка труда трудоспособного населения снизился на 10,3 п. п., Венгрия — на 7,8 п. п., Великобритания — на 4,4 п. п. Среди прибалтийских стран ЕС лидером стала Латвия, где показатель уровня риска исключенности из рынка труда трудоспособного населения с 2012 по 2018 год снизился на 4,1 п. п., в Эстонии и Литве — на 3,9 и 2,4 п. п. соответственно. В то же время в Швеции, Финляндии, Норвегии вырос показатель уровня риска исключенности из рынка труда трудоспособного населения, являющегося представителями социальной, половозрастной групп, членами домашних хозяйств с очень низкой интенсивностью работы, низкой ее трудоемкостью: на 1; 1,5 и 2,1 п. п. соответственно⁷.

⁷ *People living in households with very low work intensity* // Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_lvgl21&lang=en (дата обращения: 10.01.2020).

Состояние и тенденции проявления уровня риска многомерной бедности населения одновременно по всем трем компонентам измерения в ЕС, включая страны Балтии

Наибольший вклад в величину индекса многомерной бедности вносит первая составляющая индекса — уровень риска бедности населения по доходам. Этот показатель указывает, что бедности по доходам подвержена значительная доля населения в странах ЕС: 84,9 млн чел. (17,1%). При этом у 54,8 млн (11,4%) этот компонент индекса AROPE — единственный критерий их уровня бедности. Другие 30,1 млн (5,7%) подвержены проявлению значимого уровня бедности еще по одному или двум другим компонентам индекса AROPE. Бедными одновременно по всем трем компонентам индекса AROPE являются 6,5 млн чел. (1,30%). На рисунке 5 в динамике представлены показатели доли населения прибалтийских стран ЕС, которое признается бедным одновременно по всем трем компонентам многомерной бедности, с 2009 по 2018 год. В Литве таковых в 2018 году было 74 тыс. чел. (2,6%), в Латвии — 34 тыс. чел. (1,8%) и в Эстонии — 8 тыс. чел. (0,6%).

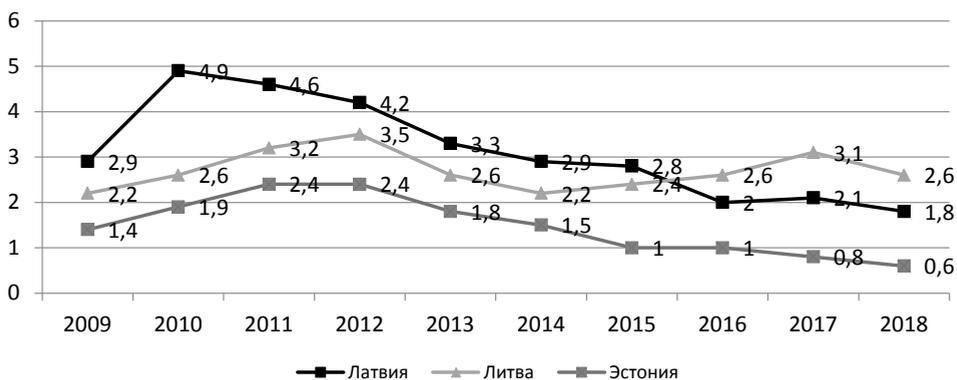

Рис. 5. Показатели доли населения прибалтийских стран, одновременно подверженного риску бедности по доходам, существенной материальной депривации, низкой интенсивности работы, с 2009 по 2018 год, %

Составлено по: *Persons by risk of poverty, material deprivation, work intensity of the household, age and sex of the person — intersections of Europe 2020 poverty target indicators // Eurostat. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_pees01&lang=eng (дата обращения: 10.01.2020); *People at risk of poverty or social exclusion by age and sex // Eurostat. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?lang=en&dataset=ilc_peps01 (дата обращения: 10.01.2020).**

Из рисунка 5 видно снижение в последние годы отдельных показателей уровня многомерной бедности в прибалтийских странах ЕС, хотя и в разной степени. Однако последствия коронавирусной пандемии 2020 года, возможно, негативно повлияют на эту достаточно позитивную тенденцию.

Выводы

Индекс многомерной бедности представляет собой попытку переосмыслить измерение бедности. Он показывает, что, хотя доход — это необходимый элемент измерения, он никоим образом не является достаточным показателем социального благополучия населения страны, различных его групп. Использование для анализа и понимания бедности только одной из двух базовых теоретико-методологических концепций в качестве основной представляется однобоким, ведь это приводит к потере значительной доли фактически бедного населения, как предмета анализа. Анализ показателей уровня и величины многомерной бедности показал, что распространенность бедности в прибалтийских странах ЕС достаточно велика — практически каждый пятнадцатый гражданин этих стран является бедным согласно данной методике измерения уровня социального благополучия населения. Несмотря на то, что лиц, одновременно подверженных, согласно представленным в работе показателям, риску относительной доходной бедности, материальной депривации, низкой интенсивности работы (занятости) в странах ЕС, с годами становится все меньше, положение остается достаточно серьезным. По этой причине необходимо продолжать, особенно в странах Балтии, исследования в этой области и искать социально-экономические и политические решения для сокращения числа людей, живущих под угрозой бедности.

Для стран Балтии (Латвии, Литвы, Эстонии) характерны высокий уровень и в последние годы даже лидерство по показателю индекса риска бедности и социальной исключенности (AROPE). Особенно это касается социально уязвимых групп граждан: детей (0—17 лет), женщин, лиц пожилого возраста старше 65 лет по таким компонентам показателя индекса AROPE, как риск бедности по доходам, риск существенной материальной депривации. Лишь в Эстонии по последнему показателю положение лучше, чем в других странах Балтии.

Использование показателя многомерного индекса бедности может способствовать более глубокому пониманию покомпонентной структуры бедности, особенно в уязвимых группах населения, что может усилить адресность социальной политики, проводимой различными государственными и общественными институтами прибалтийских стран ЕС на разных уровнях. При этом данные усилия получают научно взвешенную количественную проверку и оценку в статике и динамике.

Список литературы

1. *Menshikov V.* Experience of research of social classes in Latvia // *Philosophy/Sociology*. Vilnius, 2016. P. 83—92.
2. *Taljunaite M., Sviklas E.K.* Middle Class in the Baltic Countries Since 1991 // *Social Sciences Bulletin*. 2018. №2. P. 7—27. doi: 10.4337/9781786430601.
3. *Menshikov V., Volkova O., Stukalo N., Simakhova A.* Social Economy as a Tool to Ensure National Security // *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2017. №7. P. 211—231. doi:10.9770/jssi.2017.7.2.
4. *Grant J.P.* Employment, Growth and Basic Needs: A One-World Problem, The international “basic-needs strategy” against chronic poverty. N. Y., 1977. P. 224.
5. *Townsend P.* The Meaning of Poverty // *The British Journal of Sociology*. 2010. №1. P. 85—101. doi: doi.org/10.1111/j.1468-4446.2009.01241.x.
6. *Sen A.* Poor. Relatively Speaking // *Oxford Economic Papers*. 1983. №2. P. 153—169.
7. *Betti G., Gagliardi F., Verma V.* Simplified Jackknife Variance Estimates for Fuzzy Measures of Multidimensional Poverty // *International Statistical Review*, 2018. Vol. 86, iss. 1. P. 68—86. doi: 10.1111/insr.12219.

8. *Ravallion M.* On multidimensional indices of poverty // *Journal of Economic Inequality*. 2011. Vol. 9, № 2. P. 235—248. doi: 10.1007/s10888-011-9173-4.
9. *Bellani L.* Multidimensional indices of deprivation: the introduction of reference groups weights // *The Journal of Economic Inequality*. 2013. Vol. 11(4). P. 495—515.
10. *Antošova I.* Does extreme poverty occur in EU countries? // *Scientific Papers of the University of Pardubice. Series D: Faculty of Economics and Administration*. 2019. Vol. 24, iss. 3. P. 4—15.
11. *Rogge N.* Measuring regional social inclusion performances in the EU: looking for unity in diversity // *Journal of European Social Policy*. 2019. Vol. 29, iss. 3. P. 325—344.
12. *Ledič M.* Income and multidimensional poverty of children in Croatia // *Privredna Kretanja I Ekonomska Politika*. 2018. №26(2). P. 5—57.
13. *Griji G., D'Agostino A., Potsi A.* Social Participation and Safety Deprivation of Children in Italy: PIIGS Countries in Perspective // *Child Indicators Research*. 2018. Vol. 11, iss. 1. P. 159—184.
14. *Ciani M., Gagliardi F., Riccarelli S., Betti G.* Fuzzy measures of multidimensional poverty in the Mediterranean area: A focus on financial dimension // *Multidisciplinary Digital Publishing Institute*. 2019. Vol. 11, iss. 1, number of articles 143. doi: 10.3390/su11010143.
15. *Alkire S., Foster J.* Counting and multidimensional poverty measurement // *Journal of Public Economics*. 2011. Vol. 95(7—8). P. 476—487.
16. *Alkire S.* Global multidimensional poverty index // *Pakistan Development Review*. 2015. Vol. 54, iss. 4. P. 287—299.
17. *Alikre S., Apablaza M., Chakravarty S., Yalonetzky G.* Measuring chronic multidimensional poverty // *Journal of Policy Modeling*. 2017. Vol. 39, iss. 6. P. 983—1006. doi: 10.1016/j.jpolmod.2017.05.020.
18. *Samuel K., Alkire S., Zavaleta D. et al.* Social isolation and its relationship to multidimensional poverty // *Oxford Development Studies*. 2018. Vol. 46, iss. 1. P. 83—97. doi: 10.1080/13600818.2017.1311852.
19. *Alkire S., Fang Y.* Dynamics of Multidimensional Poverty and Uni-dimensional Income Poverty: An Evidence of Stability Analysis from China // *Social Indicators Research*. 2019. Vol. 142, iss. 1. P. 25—64. doi: 10.1007/s11205-018-1895-2.
20. *Alkire S., Jahan S.* The new global MPI 2018: Aligning with the Sustainable Development Goals. OPHI Working Paper, University of Oxford, 2018.
21. *Townsend P.* Poverty, Social Exclusion, and Social Polarization: The Need to Construct and International Welfare State // *World Poverty, New Policies to Defeat an Old Enemy* / P. Townsend and D. Gordon (eds.). Bristol, UK, 2002. P. 3—24.
22. *Lopez-Calva Luis F.* The multidimensional Poverty Index: Rethinking Measurement, Improving Governance. In *Dimensions* // *Magazine on Multidimensional Poverty*. 2019. №6. P. 17—19.
23. *Nolan B., Whelan C.T.* Using non-monetary deprivation indicators to analyze poverty and social exclusion: Lessons from Europe // *Journal of Policy Analysis and Management*. 2010. Vol. 29, №2. P. 305—325. doi: 10.1002/pam.20493.
24. *Карцева М.А.* Многомерная бедность в странах ЕС индекс риска бедности и социальной исключенности AROPE // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. Вып. 74. Июнь. С. 126—155.
25. *Kovacevic M., Calderon C.* UNDP'S Multidimensional Poverty Index: 2014 Specifications. UNDP Human Development Report Office New York, 2014. P. 1—32.
26. *Dotter C., Stephan K.* The Multidimensional Poverty Index: Achievements, Conceptual and Empirical Issues. UNDP Human Development Report Office New York, 2014. P. 1—45.
27. *Whelan C.T., Nolan B., Maitre, B.* Multidimensional Poverty Measurement in Europe: An Application of the Adjusted Headcount Approach // *ALAS, GINI Discussion Paper 40*. 2012. doi: org/10.1177/0958928713517914.
28. *Hammock J.* Sources to Measure Multidimensional Poverty // *Dimensions. Magazine on Multidimensional Poverty*. 2019. № 6. p. 26—27.
29. *Weziak-Bialowolska D.* Science and Policy Report by the Joint Research Centre of the European Commission. Luxembourg Publications Office of the European Union, 2014. P. 29—61.

Об авторах

Виктор Васильевич Воронов, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского центра РАН, Россия.

E-mail: viktor.voronov@du.lv

<https://orcid.org/0000-0002-1022-3692>

Оксана Павловна Ружа, доктор экономики, научный сотрудник Института гуманитарных и общественных наук, Даугавпилсский университет, Латвия.

E-mail: oksana.ruza@du.lv

<https://orcid.org/0000-0002-6194-3841>

Янина Викентьевна Сташане, доктор экономики, доцент кафедры экономики, Даугавпилсский университет, Латвия.

E-mail: janina.stasane@du.lv

<https://orcid.org/0000-0002-6702-8652>

MULTIDIMENSIONAL POVERTY IN THE BALTIC STATES IN THE EU CONTEXT: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

V. V. Voronov¹

O. P. Ruza²

J. Stasane²

¹ Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
24/35 Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia

² Daugavpils University
1 Parades Str., Daugavpils, LV-5401, Latvia

Received 09 April 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-5

© Voronov, V. V., Ruza, O. P.,
Stasane, J., 2020

There are several approaches to assessing poverty, namely, the absolute, relative, and subjective ones. They are widely used in studying income dynamics and differentiation at a national level. Yet a new research approach to the study and assessment of 'multidimensional' poverty is gaining popularity in developed states. Central to it is the notion of 'risk of poverty and/or social exclusion' (AROPE). This approach measures both income level and such non-monetary component as access to social services. Despite the versatility and severity of multidimensional poverty in some European countries, this phenomenon has not been sufficiently explored in socio-economic studies carried out in the Baltic countries of the EU — Latvia, Lithuania, and Estonia. This article aims to identify the characteristics of multidimensional poverty in the Baltic countries and the EU. Its objective is to examine the spread of multidimensional poverty in the Baltic countries and compare it to the situation on a European scale. The work uses Eurostat data. Various indicators suggest that the risk of multidimensional poverty in the Baltic States is above the EU average.

Keywords:

multidimensional poverty, poverty measurement indicators, poverty risk assessment, material deprivation, Latvia, Lithuania, Estonia

References

1. Menshikov, V. 2016, Experience of research of social classes in Latvia. In: *Philosophy/Sociology*, Vilnius: Lithuanian Academy of Sciences, p. 83–92.
2. Taljunaite, M., Sviklas, E.K. 2018, Middle Class in the Baltic Countries Since 1991, *Social Sciences Bulletin*, no. 2, p. 7–27. doi: 10.4337/9781786430601.
3. Menshikov, V., Volkova, O., Stukalo, N., Simakhova, A. 2017, Social Economy as a Tool to Ensure National Security, *Journal of Security and Sustainability Issues*, no. 7, p. 211–231. doi:10.9770/jssi.2017.7.2
4. Grant, J.P. 1977, Employment, Growth and Basic Needs: A One-World Problem, *The international “basic-needs strategy” against chronic poverty*, New York, Praeger Publishers, p. 224.
5. Townsend, P. 2010, The Meaning of Poverty, *The British Journal of Sociology*, no. 1, p. 85–101. doi: 10.1111/j.1468-4446.2009.01241.x.
6. Sen, A. 1983, Poor. Relatively Speaking, *Oxford Economic Papers*, no 2, p. 153–169.
7. Betti, G., Gagliardi, F., Verma, V. 2018, Simplified Jackknife Variance Estimates for Fuzzy Measures of Multidimensional Poverty, *International Statistical Review*, Vol. 86, no. 1, p. 68–86. doi: 10.1111/insr.12219.
8. Ravallion, M. 2011. On multidimensional indices of poverty, *Journal of Economic Inequality*, Vol. 9, no. 2, p.235-248. doi: 10.1007/s10888-011-9173-4.
9. Bellani, L. 2013, Multidimensional indices of deprivation: the introduction of reference groups weights, *The Journal of Economic Inequality*, no. 11(4), p. 495–515.
10. Antošova, I. 2019, Does extreme poverty occur in EU countries? *Scientific Papers of the University of Pardubice, Series D: Faculty of Economics and Administration*, Vol. 24, no. 3, p. 4–15.
11. Rogge, N. 2019. Measuring regional social inclusion performances in the EU: looking for unity in diversity, *Journal of European Social Policy*, Vol. 29, no. 3, p. 325–344.
12. Ledič, M. 2018, Income and multidimensional poverty of children in Croatia, *Privredna Kretanja I Ekonomska Politika*, no. 26 (2), p. 5–57.
13. Grili, G., D’Agostino, A., Potsi, A. 2018, Social Participation and Safety Deprivation of Children in Italy: PIIGS Countries in Perspective, *Child Indicators Research*, Vol, 11, no. 1, p. 159–184.
14. Ciani, M., Gagliardi, F., Riccarelli, S., Betti, G. 2019, Fuzzy measures of multidimensional poverty in the Mediterranean area: A focus on financial dimension, *Multidisciplinary Digital Publishing Institute*, Vol. 11, no. 1, number of articles 143. doi: 10.3390/su11010143.
15. Alkire, S., Foster, J. 2011, Counting and multidimensional poverty measurement, *Journal of Public Economics*, Vol. 95, no. 7–8, p. 476–487.
16. Alkire, S. 2015, Global multidimensional poverty index, *Pakistan Development Review*, Vol. 54, no. 4, p. 287–299.
17. Alkire, S., Apablaza, M., Chakravarty, S., Yalonetzky, G. 2017, Measuring chronic multidimensional poverty, *Journal of Policy Modeling*, Vol. 39, no. 6, p. 983–1006. doi: 10.1016/j.jpolmod.2017.05.020.
18. Samuel, K., Alkire, S., Zavaleta, D., Mills, C., Hammock, J. 2018, Social isolation and its relationship to multidimensional poverty, *Oxford Development Studies*, Vol. 46, no. 1, p. 83–97. doi: 10.1080/13600818.2017.1311852.
19. Alkire, S., Fang, Y. 2019, Dynamics of Multidimensional Poverty and Uni-dimensional Income Poverty: An Evidence of Stability Analysis from China, *Social Indicators Research*, Vol. 142, no. 1, p. 25–64. doi: 10.1007/s11205-018-1895-2.
20. Alkire, S., Jahan, S. 2018, The new global MPI 2018: Aligning with the Sustainable Development Goals, *OPHI Working Paper*, University of Oxford, p. 121.
21. Townsend, P.P. 2002, Social Exclusion, and Social Polarization: The Need to Construct and International Welfare State, *World Poverty, New Policies to Defeat an Old Enemy*. P. Townsend and D. Gordon (eds.). Bristol, UK, Policy Press, p. 3–24.
22. Lopez-Calva, L.F. 2019, The multidimensional Poverty Index: Rethinking Measurement, Improving Governance. In *Dimensions, Magazine on Multidimensional Poverty*, no. 6, p. 17–19.

23. Nolan, B., Whelan, C.T. 2010, Using non-monetary deprivation indicators to analyze poverty and social exclusion: Lessons from Europe, *Journal of Policy Analysis and Management*, Vol. 29, no.2, p. 305—325. doi: 10.1002/pam.20493.

24. Karceva, M.A. 2019, Multidimensional poverty in EU countries: AROPE index of poverty risk and social exclusion, *Public administration*, no. 74, June, p. 126—149 (In Russ.).

25. Kovacevic, M., Calderon, C. 2014, *UNDP'S Multidimensional Poverty Index: 2014 Specifications*, UNDP Human Development Report Office New York, p. 1—32.

26. Dotter, C., Stephan, K. 2014, *The Multidimensional Poverty Index: Achievements, Conceptual and Empirical Issues*, UNDP Human Development Report Office New York, p 1—43.

27. Whelan, C.T., Nolan, B, Maitu, B. 2012, Multidimensional Poverty Measurement in Europe: An Application of the Adjusted Headcount Approach. *ALAS, GINI Discussion Paper*, no. 40. doi: 10.1177/0958928713517914.

28. Hammock, J. 2019, Sources to Measure Multidimensional Poverty. In *Dimensions, Magazine on Multidimensional Poverty*, no. 6, p. 26—27.

29. Weziak-Bialowolska, D. 2014, Science and Policy Report by the Joint Research Centre of the European Commission, Luxembourg Publications Office of the European Union, p. 29—61.

The authors

Prof. Viktor V. Voronov, Leading Research Fellow, Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: viktor.voronov@du.lv

<https://orcid.org/0000-0002-1022-3692>

Dr Oksana P. Ruza, Research Fellow, Social Investigations Center, Institute of Humanities and Social Sciences, Daugavpils University, Latvia.

E-mail: oksana.ruza@du.lv

<https://orcid.org/0000-0002-6194-3841>

Dr Janina Stasane, Associate Professor, Department of Economy and Sociology, Daugavpils University, Latvia.

E-mail: janina.stasane@du.lv

<https://orcid.org/0000-0002-6702-8652>

ПРИМОРСКИЙ ФАКТОР

ОПОРНЫЕ БАЗЫ МОРСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

А. Г. Дружинин

Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Институт географии РАН,
119017, Москва, Старомонетный переулок, 29

Поступила в редакцию 25.03.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-6
© Дружинин А. Г., 2020

В XXI столетии Мировой океан становится важнейшим фактором планетарной социально-экономической динамики, выступает приоритетной сферой геоэкономических и геополитических интересов, в том числе и для Российской Федерации, чья экономика, инфраструктурные и селитебные системы с конца 1990-х годов устойчиво «разворачиваются» к морю. Цель статьи — концептуальное обоснование и идентификация феномена морского порубежья России и инкорпорированных в его структуру опорных баз, оценка факторов и особенностей их экономической динамики в условиях резко проявившейся с 2014 года геополитической турбулентности. На основе применения экономико-статистических методов особым образом акцентирована неравномерность экономического и селитебного освоения акваториальных и региональных сегментов российского морского порубежья. Показано, что концентрация и агломерация российской морской хозяйственной и военной активности проявляются в развитии и функционировании 14 опорных баз (включая две ныне формирующиеся). Отмечено, что современное противостояние в системе «Россия — Запад» сочетается с дальнейшим наращиванием морской активности России (в том числе и в пределах ее западного порубежья), сопровождаемым ревитализацией и расширением сети ее опорных баз, диверсификацией их хозяйственной структуры. Экономические системы ведущих приморских регионов страны демонстрируют при этом высокую (в том числе и благодаря мерам господдержки) резистентность к геополитической турбулентности.

Ключевые слова:

экономика, морское хозяйство, геополитика, морское порубежье, геополитическая турбулентность, Российская Федерация, Западное порубежье России

Введение

В социально-экономическом развитии современной России морской фактор играет все более значимую роль. Устойчиво прираставшие в последние два десяти-

Для цитирования: Дружинин А. Г. Опорные базы морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. Т. 12, №3. С. 89–104. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-6.

тилетия экспортно-импортные операции страны более чем на 60% обеспечиваются морским транспортом¹, а выраженная «морезависимость» присуща (в той или иной степени) 42 крупнейшим (из Топ-100 рейтинга РБК) российским компаниям [1]. До 5,5% ВВП Российской Федерации генерируют отрасли морской экономики (портовое хозяйство, судостроение, добыча биоресурсов и др.) [2]; важнейшим ее драйвером при этом выступают портовые терминалы, чей грузооборот за 1994—2019 годы вырос в 7,8 раза, превысив 840 млн т (что эквивалентно 3,6% от общемирового показателя²). Восстанавливается отечественное судостроение [3], прежде всего военное (квота России в данном сегменте составляет около 20% от мирового портфеля заказов³). На побережьях и в шельфовой зоне (Сахалин, Камчатка, полуостров Ямал, Каспий и др.) осуществляется разработка месторождений углеводородов; формируется (начиная с 2001 года) подводная газотранспортная инфраструктура. «Сдвиг» экономики к морю проецируется на селитебную систему: в 74 приморских городах сконцентрировано почти 14 млн человек (что эквивалентно 12,7% всего городского населения), причем доля «приморских жителей» в населении страны два последние десятилетия в целом стабильно растет [4; 5]. Все более выраженная и многоаспектная *талассоаттрактивность российского общества* и его пространственных структур (в целом соответствующая общемировым трендам [6—10]) разворачивается на фоне усиливающейся геэкономической конкуренции и возрастающего геополитического противостояния (в которые, начиная с 1970-х годов [11; 12], активнейшим образом вовлекаются акватории Мирового океана). Обстоятельства и резоны «соперничества сил над территорией» (а именно такова сущностная сторона геополитики, по мнению одного из ведущих специалистов в данной сфере французского географа Ива Лакоста [13]) при этом все чаще выступают не только значимым фактором, но и мотивом морехозяйственной деятельности, в свою очередь, обретающей выраженное геополитическое измерение. Цель статьи — концептуальное обоснование и идентификация феномена морского порубежья России и его опорных баз, оценка современных геополитических детерминант их экономической динамики (с акцентом на аква-территориальные структуры Западного порубежья Российской Федерации).

Морское порубежье России и его опорные базы: концептуализация, делимитация, структурирование, параметризация

В последние годы в контексте выраженной геополитизации общественного сознания, понятия «рубезж» (в превалирующем понимании «бытия на стыке своего и чужого» [14]) и, соответственно, «порубежность» все прочнее укореняются в отечественном общественно-географическом дискурсе [15; 16]. В российских же условиях порубежье в своей подавляющей части «земноводно» (общая длина мор-

¹ *Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года*: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 года № 1734-р. URL: <https://www.mintrans.ru/documents/3/1009> (дата обращения: 02.02.2020).

² *Review of Maritime Transport. 2018 / United Nations Conference On Trade And Development. N.Y. ; Geneva, 2018.*

³ *Развитие судостроения на 2013-2030 годы: государственная программа Российской Федерации*. URL: https://knastu.ru/media/files/page_files/science/unid/new_folder/_/Gosprogramma_RF_Razvitiye_sudostroeniya_na_2013_-_2030_gody.pdf (дата обращения: 11.02.2020).

ских границ страны по разным оценкам [17—19] варьируется в диапазоне от 35,3 до 46 тыс. км и практически вдвое превосходит протяженность сухопутных рубежей), что позволяет идентифицировать (и концептуализировать) феномен морского порубежья России, интегрируя в данной категории не только морские, страноведческие, лимнологические, но и, одновременно, геополитические предметно-содержательные грани и смыслы.

Отдельные ключевые сегменты морских пограничных пространств России, безусловно, «порубежны», поскольку либо напрямую оспариваются внешними силами (Крымский полуостров, Южные Курилы), либо испытывают постоянный прессинг (на Балтике в калининградском эксклаве [20] и, в еще большем масштабе — в Арктике, где основным геополитическим оппонентом выступают США [21]). «Рубежность» предопределяется и самой политико-географической спецификой находящихся в российской юрисдикции акваторий: лишь 3% морских границ России являются так называемыми двухсторонними [18] (т.е. сопредельными с другими государствами); в подавляющей же части наше морское порубежье — многососедское, контактирующее с мировым сообществом и его глобальными (в том числе морскими) лидерами. В условиях перманентной угрозы новой холодной войны (которая, как полагают [10], повторит великое противостояние «земли» и «моря» в русле идеологем А. Мэхэна и Х. Маккиндера) удержание, хозяйственное и селитебно-инфраструктурное обустройство морского порубежья выступает для Российской Федерации не только экономической необходимостью, но и приоритетным фактором (и маркером) международного статуса, основополагающим моментом позиционирования как евразийской (и глобальной) державы (как верно акцентировал В.А. Дергачёв, береговая зона — геополитический ключ к Евразии [22]).

Имеющаяся у России приморско-прибрежная полоса («опоясывающая» ее континентальный массив, концентрирующая подавляющую часть морехозяйственной активности, фокусирующая геостратегические интересы) — масштабна и «многослойна». Она объединяет не только собственно морские акватории (до 745 тыс. км² морского порубежья приходится на так называемое территориальное море страны; 3,8 млн км² — на континентальный шельф, площадь же исключительной экономической зоны России оценивают в 7,6 млн км² [17]), но и прилегающий к ним сухопутный компонент (если исчислять его только по-минимуму, в пределах 50 км от береговой линии — это около 1,8 млн км², т.е. почти 10,5% всей территории Российской Федерации). Морское порубежье структурируемо также по бассейновому (с учетом наличия 12 сопредельных с Россией морей, относящихся к акваториям трех океанов, а также Каспия как особого, «окруженного сухопутными территориями»⁴ водоема) и региональному (23 приморских субъекта Федерации) признакам. Благодаря многочисленным обстоятельствам (природно-климатическим, ресурсно-хозяйственным, историческим и др.) социально-экономическая освоенность акваториально-региональных сегментов морского порубежья и их морехозяйственная значимость неравнозначны (табл. 1, 2). Кроме того, они демонстрируют выраженные эффекты специализации, концентрации и агломерации.

⁴ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. 12.08.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 18.03.2020).

Таблица 1

**Демографический, экономический и военно-силовой «вес»
секторальных компонент морского порубежья России**

Макроструктура морского порубежья, сегмент	Удельный вес в масштабе всего морского порубежья России, %						
	Протяженность морских границ	Численность населения приморских городов	Грузооборот морских портов	Объем уловов морских биоресурсов	Доля в «морской» добыче нефти	Доля в «морской» добыче природного газа	Доля корабельного состава ВМС России
Балтийский	0,3	43,2	30,5	7,59	1,2	0,05	18,5
Черноморско-Азовский	2,9	25,6	30,7	1,97	0,3	2,8	18,8
Каспийский	1,5	7,7	0,9	1,31	21,3	4,3	9,4
Тихоокеанский	44,1	14,4	25,4	67,73	68,9	49,5	45,5
Арктический	51,2	8,5	12,5	21,40	8,3	43,35	27,8

Источник: составлено автором по данным Росстата, Ассоциации морских портов России и Министерства обороны РФ⁵; информация за 2019 год.

Таблица 2

**«Плотность» локализации морехозяйственной активности
в основных сегментах морского порубежья России**

Макроструктура морского порубежья, сегмент	На 100 км морских границ России приходится				
	населения приморских городов, тыс. чел.	улова морских биоресурсов, тыс. т	грузооборота морских портов, млн т	морской (приморской) добычи нефти, тыс. т	морской (приморской) добычи природного газа, млн м ³ *
Балтийский	4800,0	268,25	203,17	247,6	27,0
Черноморско-Азовский	144,0	3,88	10,32	3,12	66,6
Каспийский	237,6	11,21	1,38	954,8	445,5
Тихоокеанский	9,38	19,8	1,26	106,0	175,6
Арктический	5,87	5,37	0,53	10,95	133,2
Россия в целом	36,36	12,86	2,18	67,53	155,84

Источник: составлено автором по данным Росстата и Ассоциации морских портов России; информация за 2019 год.

Примечание: * — с учетом СПГ.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. М. : Росстат, 2020. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.03.2020); Грузооборот морских портов по бассейнам за 2019 год // Статистика Ассоциации морских портов России. URL: https://www.morport.com/sites/default/files/inline/files/basseyny_napravleniya.pdf (дата обращения: 18.03.2020); Боевые корабли и подводные лодки Российской Федерации — 2020. URL: <http://russianships.info/today/> (дата обращения: 18.03.2020).

Пространственная концентрация имеет место, прежде всего, в портовом хозяйстве, где 75% перевалки грузов приходится на три кластера: 1) Санкт-Петербургский (терминалы Финского залива) — 29% российского грузооборота и 96% от общего показателя в пределах российской Балтики); 2) Краснодарский (Черноморское побережье) с удельным весом в России около 26%, а в Черноморско-Азовском сегменте морского порубежья — 85%; 3) Владивостокский (19,4% российского грузооборота и 77% от грузооборота в целом по Тихоокеанской России). Аналогичная ситуация и в российской морской нефтедобыче (67% объема обеспечивает шельф Сахалина, а 21% — Каспия), и в морском (приморском) сегменте производства природного газа (включая СПГ-проекты), примерно на половину (49,5%) приуроченно к Сахалину и на 43,7% (по итогам 2019 года) — к Ямалу.

Проявления пространственной асимметрии присущи и рыбохозяйственной отрасли, где доминирует Тихоокеанская Россия (38% всех уловов приходится при этом на Камчатку и 22% — на Сахалин). В пределах акватории Северного Ледовитого океана две трети добычи рыбы и морепродуктов обеспечивает Мурманская область; аналогична доля Калининградской области в российской рыбодобыче на Балтике; на каспийском порубежье безусловное лидерство в рыбной отрасли (85%) — за Астраханской областью. Эффект локализации и концентрации присущ и военно-морской сфере: 27% корабельного состава «приписано» к базам Мурманской области, 16% — Калининградской, 15% — Приморского края⁶. При этом 86% военно-морской мощи страны распределены между пятью регионами базирования: Мурманской и Калининградской областями, Севастополем, Камчатским и Приморским краями.

Учитывая реалии российского морского порубежья и ориентируясь на национальную исследовательскую традицию (идею В.П. Семёнова-Тян-Шанского о «культурно-экономической колонизационной базе» как «территориальной форме русского могущественного владения» [23], а также представления Н.Н. Колосовского, Ю.Г. Саушкина, И.М. Маергойза, Б.Б. Родомана, М.Д. Шарыгина, А.И. Чистобаева, П.Я. Бакланова, А.Н. Пилясова и других ведущих российских экономико-географов об «очагах», «узловых структурах» и «фокусах» пространственно организованной человеческой деятельности), полагаю уместной постановку вопроса об «опорных базах морского порубежья», подразумевая в этом качестве не только локалитеты, концентрирующие важнейшие (в том числе пропульсивные) сферы и звенья морской экономики, но и центры аква-территориального системобразования, узловые компоненты единого общероссийского «мореориентированного» социально-экономического (и военно-стратегического) пространства. Подобное понимание «опорных баз», кстати, не только основывается на российской методологии пространственного анализа экономики, но и концептуально хорошо сочетается с зарубежной исследовательской традицией (прежде всего с активно разрабатываемым в последние десятилетия концептом «морского кластера» («maritime cluster») [24—28]).

При выявлении ведущих опорных баз морского порубежья России учитывалась совокупность значимых параметров: военно-стратегических (показатели базирования ВМФ РФ), геоэкономических (положение относительно основных трансграничных транспортно-логистических коридоров), инновационно-производственных (локализация и потенциал судостроительных предприятий, конструкторских бюро, а также научно-образовательных центров морского профиля), морехозяйственных (удельный вес в общероссийских и региональных значениях грузооборота морских

⁶ *Боевые корабли и подводные лодки Российской Федерации* — 2020. URL: <http://russianships.info/today/> (дата обращения: 18.03.2020).

портов, рыбной отрасли, добычи нефти и газа на шельфе, приморской рекреации), а также демографо-селитебных (концентрация «приморского» населения, наличие сложившихся городских агломераций). Соответствующий анализ позволил идентифицировать 14 важнейших для страны опорных баз, включая две формирующиеся (табл. 3).

Таблица 3

Важнейшие опорные базы морского побережья России

Кластер опорных баз ключевых морских акваторий	Опорная база	Морские специализации опорной базы
Балтийский	Санкт-Петербургская	Морские порты и логистика*, судостроение и судоремонт, «приморская» промышленность, комфортное расселение в приморских зонах
	Калининградская	Локализация структур ВМС, судостроение и судоремонт, «приморская» промышленность «приморские» рекреация и туризм, добыча нефти и газа на шельфе, комфортное расселение в приморских зонах
Черноморско-Азовский	Новороссийская	Морские порты и логистика, комфортное расселение в приморских зонах
	Ростовская	Морские порты и логистика, комфортное расселение в приморских зонах
	Севастопольско-Крымская	Локализация структур ВМС, «приморские» рекреация и туризм, добыча нефти и газа на шельфе, судостроение и судоремонт, комфортное расселение в приморских зонах
	Сочинско-Туапсинская	«Приморские» рекреация и туризм, комфортное расселение в приморских зонах, морские порты и логистика
Каспийский	Астраханская	Добыча нефти и газа на шельфе, локализация структур ВМС, судостроение и судоремонт
	Махачкалинско-Каспийская**	Локализация структур ВМС, морские порты и логистика
Арктический	Мурманская	Локализация структур ВМС, морские порты и логистика, добыча морских биоресурсов, добыча нефти и газа на шельфе
	Архангельская	Судостроение и судоремонт, морские порты и логистика
	Ямальная**	Добыча нефти и газа на побережье и шельфе
Тихоокеанский	Владивостокская	Морские порты и логистика, локализация структур ВМС, судостроение и судоремонт, добыча морских биоресурсов
	Сахалинская	Добыча нефти и газа на шельфе, добыча морских биоресурсов
	Камчатская	Добыча морских биоресурсов, локализация структур ВМС, добыча нефти и газа на шельфе

Примечание: * — специализации общенационального значения;

** — формирующиеся базы

Будучи инкорпорированной в аква-территориальный социально-экономический (и геополитический) контекст морского порубежья, любая опорная база фактически представляет собой кластер (с элементами комплексообразования) конкретного «набора» отраслей морского хозяйства, дополняемый (в различной степени) военно-силовой компонентой. «Ядерные» элементы (портовая инфраструктура, логистика, приуроченная к ним промышленность и др.) типичной опорной базы, как правило (за исключением формирующейся Ямальской), локализованы в пределах крупного приморского города и образуемой им групповой системы расселения (из 12 сложившихся опорных баз 10 связаны с городами с людностью более чем 250 тыс., 13 — с приморскими городскими агломерациями), выступающей важнейшей (либо значимой) составляющей экономической и селитебной структуры соответствующего региона (субъекта федерации). Концентрируя узловые элементы приморской зоны страны и всего ее морского порубежья, опорные базы играют исключительную роль в морской активности России: на их долю в сумме приходится до 92% грузооборота морских портов страны, 85% уловов морских биоресурсов, 91% морской нефтедобычи и 99% — газодобычи, а также 96% от общего числа корабельного состава ВМФ. Экономическое положение этих фокусов «морской мощи», их динамика (в том числе и в связи с современной геополитической конъюнктурой) существенны для Российской Федерации, корреспондируют с ее геостратегическими возможностями и перспективой.

Современная геополитическая турбулентность как фактор экономической динамики опорных баз морского порубежья России

Складывающийся ныне геоэкономический и геополитический контекст все чаще характеризуют словом «турбулентность» [29; 30 и др.], что логично (и симпатично), поскольку фокусирует внимание на перманентной (слабо прогнозируемой и лишь отчасти регулируемой) череде изменений как глобального политического миропорядка, так и положения в нем конкретной страны и ее отдельных пространственных составляющих (изменений — фиксируемых, существенных для социума и его структур, отражаемых в общественном сознании, воплощенных в научном дискурсе). Эффекты турбулентности — непосредственное порождение и один из индикаторов многополюсного мира с присущей ему разнонаправленностью, внешней хаотичностью, непредсказуемостью процессов, следствие конкуренции (в том числе латентной) между «центрами силы». Турбулентность проявляется в конфронтационном характере тех или иных аспектов международных (межстрановых, межблоковых) отношений и может охватывать не только собственно геополитику, но и геоэкономическую сферу, а также различные аспекты экополитики, проецироваться как на материализованные объекты, процессы, так и на ментальность (включая и столь значимую для геополитики территориальную идентичность).

Вступление постсоветской России в полосу интенсивной геополитической турбулентности связано прежде всего с ее ныне явным и весьма острым конфликтом с коллективным Западом, хронологически соотносимым [31] с крымским референдумом и началом вооруженного противостояния в Донбассе, т.е. с 2014 годом, ознаменованным также негативным для нашей страны изменением конъюнктуры на глобальном рынке энергоносителей (вновь резко усугубившейся в марте 2020 года на фоне пандемии COVID-19). Турбулентность актуализировала проблематику границ и пограничных пространств [32], четче высветила специфику и значимость российского порубежья (включая и морское) и, как свидетельствует аналитика, придала импульс как в целом морской активности Российской Федерации (на фоне

общего ее перераспределения в пользу черноморских, дальневосточных и арктических приморских зон [33]), так и соответствующим опорным базам. Характерно, что при прохождении экономикой страны стадии кризисного спада (2015—2016) и последующего выхода из него морехозяйственный потенциал опорных баз возрос (табл. 4), а численный состав — увеличился.

Таблица 4

Динамика основных компонент морехозяйственной активности России за 2013—2017 годы, соотношение показателя 2017 года к аналогичному показателю 2013 года, %

Макрорегион	Улов морских биоресурсов	Морская нефтедобыча,	Морская (приморская) газодобыча*	Грузооборот морских портов
Балтийский	133	64	86	114
Черноморско-Азовский	53	—	102	155
Каспийский	127	401	215	51
Тихоокеанский	113	128	108	132
Арктический	106	100	102	157
Россия в целом	115	164	112	134

Источник: составлено автором по данным Росстата и Ассоциации морских портов России⁷.

* Полномасштабное производство СПГ на Ямале «стартовало» в 2019 году

Обретение новых (в том числе геополитических) импульсов к освоению Арктики (включая развитие Северного морского пути, чью перспективу не без оснований связывают [34] со становлением «Большой Евразии») сопряжено, в частности, с формированием Ямальской (в будущем, вероятно, двухполюсной Ямало-Таймырской) опорной базы, являющейся сегодня основной точкой роста приморско-морской газодобычи. Одновременно существенно повысилось геостратегическое значение Архангельска (с Северодвинском) и, особенно, Мурманска (с Североморском и другими пунктами ВМС). В существенной мере геополитическими интересами страны мотивировано и создание Махачкалинско-Каспийской опорной базы (дополняющей и отчасти дублирующей морской потенциал Астрахани, где, в свою очередь четче проявилась нефтегазовая специализация). С 2014 года выраженную динамику (интегрируясь в политическое и экономическое пространство России) получила Севастопольско-Крымская база. Нарастила свое рыбопромышленное значение Камчатка (уловы морепродуктов с 2014 года здесь возросли практически в 1,5 раза, что эквивалентно 65% всего прироста уловов по РФ за рассматриваемый период). В качестве общероссийского центра судостроения, морской техники, подготовки кадров, а также научно-технологических инноваций усилил свое позиционирование Санкт-Петербург (концентрирующий, в частности, более 40% всех занятых в российском судостроении [3]).

Фиксируемое в условиях геополитической турбулентности развитие опорных баз морского порубежья России в целом хорошо коррелирует с экономическим положением соответствующих регионов (табл. 5).

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013. М. : Росстат, 2014; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. М. : Росстат, 2020 (<https://www.gks.ru/folder/210/document/13204>); Грузооборот морских портов по бассейнам за 2013 и 2018 годы // Статистика Ассоциации морских портов России. URL: <https://www.morport.com> (дата обращения: 18.03.2020).

Таблица 5

**Изменение экономического положения приморских регионов России,
включающих опорные базы ее морского порубежья, за 2013—2018 годы, раз**

Регион	Душевой ВРП к среднему по стране		Душевые инвестиции в основной капитал к средним по стране		Душевые доходы консолидированного бюджета региона к средним по стране	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
Санкт-Петербург	1,30	1,35	1,00	1,31	1,44	1,30
Ленинградская область	1,02	1,04	1,54	2,31	0,94	1,09
Калининградская область	0,76	0,80	0,76	1,32	0,88	1,50
Краснодарский край	0,82	0,72	1,90	0,76	0,72	0,67
Ростовская область	0,57	0,59	0,64	0,52	0,64	0,61
Республика Крым*	0,24	0,35	0,33	1,28	0,89	1,09
Севастополь*	0,30	0,31	0,26	0,80	1,26	1,07
Астраханская область	0,72	0,94	1,29	0,90	0,69	0,65
Мурманская область	1,05	1,11	0,97	1,71	1,27	1,29
Архангельская область	1,11	1,23	1,40	1,42	1,12	1,00
Приморский край	0,79	0,76	0,68	0,63	0,87	0,88
Камчатский край	1,10	1,30	1,09	1,06	3,21	3,30
Сахалинская область	3,62	4,16	3,81	3,87	3,40	3,79

Источник: составлено по данным Росстата⁸.

Примечание: * — данные за 2014 год.

В 11 из 13 субъектов РФ, вмещающих «старые» (сложившиеся еще в предшествующие столетия) опорные базы, в 2013—2018 годах имел место рост душевого ВРП к среднему по стране (в аутсайдерах оказались лишь Краснодарский и Приморский край). Наиболее четко экономический позитив (воплощаясь в динамике не только добавленной стоимости, но и инвестиций, а также доходов региональных бюджетов) проявился в Мурманской области, на Сахалине, в Камчатском крае, в российских приморских регионах на Балтике; в несколько меньшей степени (в том числе из-за особых геополитических условий хозяйствования) — в пределах Крымского полуострова. Меняющееся экономическое положение соответствующих регионов морского порубежья иллюстрирует их достаточно высокую общую резистентность к проявлениям турбулентности, подкрепляемую и морехозяйственной активностью, и выстроенными Российской Федерацией бюджетно-инвестиционными приоритетами. Дальнейшее развитие опорных баз, видоизменение их функционала и значимости в обеспечении морской активности России предопределяется при этом не только сохраняющимся преимущественно сырьевым хозяйственным профилем страны либо превалирующими центрированными («столицеориентированными», обращенными в том числе и на Санкт-Петербург) общественно-географическими процессами, но и порожденными новой евразийской реальностью [5] императивами обеспечения диверсифицированных (многовекторных) коммуникаций Российской Федерации, растущей сопряженностью геоэкономических и геополитических процессов и интересов. Последние же (даже на фоне активизации России в Арктике и наметившегося «разворота» страны на Восток) сохраня-

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013. М. : Росстат, 2014; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. М. : Росстат, 2019 (<https://www.gks.ru/folder/210/document/132040>).

ют свою исторически сложившуюся европоцентрированность и, соответственно, преимущественную фокусировку именно на Западном порубежье, где (что симптоматично!) локализовано абсолютное большинство (восемь) опорных баз морской активности Российской Федерации.

Детерминанты и стратегические приоритеты развития опорных баз морской активности на Западном порубежье России

Западные рубежи Российской Федерации оконтуривают чересполосицу аквальных (морских) транснациональных макрорегионов (Балтийский, Причерноморье, Баренц-регион) и соответствующих «междуморий», представляющих собой не только пространства непосредственного соприкосновения (интеграции и противостояния) со структурами коллективного Запада, но и важнейшие селитебные и хозяйственные территории самой России. Здесь же достаточно компактно локализованы приоритетные для страны (в сумме обеспечивающие более 70% грузооборота ее морских портов и базирование 65% корабельного состава ВМС), в том числе и старейшие (Архангельская — с XVI века, Санкт-Петербургская — с начала XVIII века, Севастопольско-Крымская — с конца XVIII века) опорные базы ее морской активности. Последние предельно приближены не только ко все еще наиболее значимым для российских корпораций «западным» зарубежным целевым рынкам (на январь 2020 года 41,2% товарооборота нашей страны приходится на страны ЕС и еще до 15% — на прочие государства Средиземноморья и Атлантики), но и к наиболее заселенным и обустроенным ареалам Европейской части России (в пределах 500 км от восьми опорных баз морского порубежья сконцентрировано почти 22% демографического потенциала страны).

Присущая современному периоду геополитическая турбулентность, сочетаясь с волатильностью глобальных рынков в условиях их выраженной пространственной фрагментации и проецируясь на экономическую сферу, порождает для Западного порубежья России и его морских опорных баз новую реальность. Отправным ее моментом можно считать связанную преимущественно с активизацией северо-восточного вектора в экономическом развитии страны постепенную утрату селитебно-хозяйственными центрами (локализованными в пределах Западного порубежья) былой эксклюзивности в морской деятельности. Эта утрата дополняется их нарастающей периферийностью по отношению к ведущим узлам и «осям взаимодействия» морской экономики современной «большой» Евразии (11 из 27 крупнейших морских портов Евразии — в юрисдикции КНР). Ситуация усугубляется, кстати, и общим замедлением прироста перевалки грузов в российских морских портах (если в 2002—2007 годах грузооборот увеличивался ежегодно в среднем на 15%, то в 2014—2018 годах — лишь на 7%) с вероятностной перспективой к стабилизации (а возможно, и к некоторому сокращению) в наиболее важном (около 80% всего грузооборота) экспортно-импортном сегменте. Это также лимитирует доминирующую в предшествующие годы экстенсивную, монопрофильную, чрезмерно сфокусированную на портовом хозяйстве (и соответствующих инвестициях) модель развития приморских территорий, порождая ситуацию неустойчивости, транзитивности, генерируя запрос на инновации (в функционале опорных баз, их хозяйственной структуре, пространственных связях и др.).

Другая существенная особенность морской активности России на западе страны — множественность ее «особых условий» и локальных детерминант. В Арктической зоне (Мурманская и Архангельская опорные базы) — это пролонгированная постсоветская депопуляция, а также высокие совокупные издержки [35] и порожденные неустойчивой глобальной конъюнктурой риски хозяйственной деятельности. Иные сегменты Западного морского порубежья России, напротив, харак-

теризуются миграционной привлекательностью (по итогам 2018 года суммарное сальдо миграции в российские регионы Балтики и Причерноморья соотносилось с аналогичным показателем для Московской агломерации как 1 к 1,5), что предоставляет определенные экономические возможности и, одновременно, генерирует дополнительные социально-политические риски.

В современном диалоге России и Запада в наиболее сложной ситуации находятся Калининградская и Севастопольско-Крымская базы. По параметрам экономического развития субъекты РФ Крыма все еще практически вдвое отстают от медианных российских регионов; весьма выражена здесь и турбулентность непосредственно в морских отраслях (в портовом хозяйстве, рыбодобыче, рекреации). Сопряженный с изменившейся геополитической ситуацией (в том числе и разрушением части бывших трансграничных связей) экономический негатив в 2015 году испытала и Калининградская область. Характерно, что именно в «посткрымский» период и российский эксклав на Балтике, и сам Крым (Республика Крым и Севастополь) выступали приоритетными получателями дотаций из федерального бюджета: доля этих трех субъектов РФ (удельный их вес в населении страны — 2,3%) в безвозмездных перечислениях из федерального бюджета за 2015—2017 годы составила 11,1%, причем половина данной суммы (565 млрд руб.) была выделена Калининградской области.

Стартовавший в марте 2020 года новый виток глобального экономического кризиса, лимитируя возможности государственной поддержки морских опорных баз, в еще большей мере повышает для России геостратегическую значимость ее Западного порубежья. Для экономики морских опорных баз крайне важно не только сохранять демонстрируемый в предшествующее пятилетие позитивный тренд в профильных отраслях (например, в транспортно-логистической сфере [36]), но и реструктурировать, диверсифицировать экономику (в том числе основываясь на идее индустриально-портового комплекса, озвученной еще в 1970-е годы [37]), выводя на авансцену ее мореориентированные производственные, сервисные (в том числе туристско-рекреационные), научно-технологические сегменты. Сохраняя и поддерживая активность России (и ее западных порубежных, приморских территорий) в сложившихся в последние три десятилетия «морских» интеграционных форматах (в первую очередь в пределах Балтики, где эффекты трансграничной регионализации максимально выражены [38]) и, одновременно, решая актуализированную и сложную (особенно для Северо-Запада России [39]) задачу встраивания в трансевразийские морские коммуникационные коридоры, необходимо параллельно (в русле стратегических установок на «повышение уровня экономической связанности территории Российской Федерации»⁹) выстраивать взаимодействие российских приморских центров (с опорой на корпоративные связи, включая и потенциал Объединенной судостроительной корпорации, имеющей производства в пяти морских опорных базах Западного порубежья) как гибкой (способной динамично адаптироваться с учетом реалий турбулентности) сетевой структуры, призванной выступить каркасным элементом столь необходимой для современной России Единой национальной системы морской деятельности.

Заключение

Имеющий место ныне «сдвиг» Российской Федерации к морю — масштабен, устойчив, многоаспектен. Важнейшим его операционным пространством выступает морское порубежье России с узловыми, фокусными компонентами — опор-

⁹ *Стратегия* пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).

ными базами морской активности. Глобальные изменения (включая рост турбулентности) предопределяют необходимость упрочения российского присутствия и в порубежных акваториях, и в целом в пределах Мирового океана. В условиях нарастающей нестабильности настоящего и поливариантности будущего геополитические факторы и резоны неумолимо выходят на первый план, а резистентность экономики морских опорных баз страны (с весны 2020 года вновь испытываемая на прочность активизированной борьбой за передел мирового энергетического рынка и инициированной вирусной пандемией реструктуризацией глобального миропорядка) предопределяется не только рыночной конъюнктурой, ресурсно-сырьевой базой, технологическими новациями и мерами господдержки, но и общим повышением эффективности морской деятельности Российской Федерации, в том числе за счет культивирования пространственно-адаптированных (аква-территориальных) подходов, структур, стратегических решений.

Исследование выполнено за счет грантов Российского научного фонда (РНФ) 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности» и 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции».

Список литературы

- Дружинин А.Г.* Крупный бизнес в приморских зонах России: факторы и особенности локализации // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 136—151.
- Druzhinin A.* The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia // *Quaestiones Geographicae*. 2019. Vol. 38, № 2. P. 91—100.
- Бутов А.М.* Рынок продукции судостроения. 2018. М., 2019.
- Druzhinin A.G., Kuznetsova T.Y., Mikhaylov A.S.* Coastal zones of modern Russia: delimitation, parametrization, identification of determinants and vectors of Eurasian dynamic // *Geography, environment, sustainability*. 2020. Vol. 13, № 1. P. 37—45.
- Федоров Г.М., Михайлов А.С., Кузнецова Т.Ю.* Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 7—27.
- Surís-Regueiro J.L., Garza-Gil M.D., Varela-Lafuente M.M.* Marine economy: a proposal for its definition in the European Union // *Marine Policy*. 2013. Vol. 42. P. 111—112.
- Stojanovic T.A., Farmer C.J.* The development of world oceans & coasts and concepts of sustainability // *Marine Policy*. 2013. Vol. 42. P. 157—165.
- Eberhardt P.* Концепция nawalizmu Alfreda Thayera Mahana // *Przegląd Geograficzny*. 2013. Т. 85, з. 4. S. 629—654.
- Cohen J.E., Small C., Mellinger A. et al.* Estimates of coastal populations // *Science*. 1997. Vol. 278, № 5341. P. 1211—1212.
- Mongrenier J.S.* Poutine et la mer. Forteresse «Eurasie» et stratégie océanique mondiale // *Herodote*. 2016. Vol. 163, №4. P. 61—85. doi: 10.3917/her.163.0061.
- Горшков С.Г.* Морская мощь государства. М., 1976.
- Алхименко А.П., Слевич С.Б.* Современные внешнеполитические аспекты географии океана и геополитические концепции // *География, политика и культура*. Л., 1990. С. 85—93.
- Lacoste Y.* La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique // *Hérodote*. 2012. Vol. 146—147, № 3. P. 14—44.
- Забяко А.П.* Порубежье как данность человеческого бытия // *Вопросы философии*. 2016. № 11. С. 26—36.
- Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России : монография / под ред. проф. Г.М. Федорова.* Калининград, 2019.
- Дружинин А.Г.* О феномене «западное порубежье России» // *Региональные исследования*. 2018. № 3 (61). С. 35—44.

Алхименко А.П. Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5—23.

Кисловский В. О морской границе // Морской сборник. 2009. № 3. С. 30—32.

Трейвиш А. Российская геополитика от Гостомысла до наших дней. Краткий обзор идей и фактов // Знание — сила. 1995. № 8. С. 5—16.

Кикнадзе В.Г., Миронюк Д.А., Кретинин Г.В. Военно-политическая обстановка в Балтийском регионе в конце XX — начале XXI века: перспективы «худого мира» // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 1. С. 60—75.

Pompeo M.R. The West Is Winning. Speech. URL: <https://www.state.gov/the-west-is-winning/> (дата обращения: 16.02.2020).

Дергачёв В.А. Геополитика. М., 2004.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Т. 53, вып. 8. С. 425—457.

Salvador R. Maritime Clusters Evolution. The (not so) Strange Case of the Portuguese Maritime Cluster // Journal of Maritime Research. 2014. Vol. 11, №1. P. 53—59.

Hammervoll T., Halse L.L., Engelseth P. The role of clusters in global maritime value networks // International Journal of Physical Distribution & Logistics Management. 2014. Vol. 44, № 1—2. P. 98—112. doi: 10.1108/IJPDLM-11-2012-0335

Shinohara M. Maritime cluster of Japan: implications for the cluster formation policies // Marit. Pol. Mgmt. 2010. Vol. 37, № 4. P. 377—399.

Benito G.R., Berger E., Forest M.D., Shum J. A cluster analysis of the maritime sector in Norway // International Journal of Transport Management. 2003. Vol. 1, № 4. P. 203—215. doi:10.1016/j.ijtm.2003.12.001.

Bingxin Z., Wenwen X., Ren-Cheng T. et al. Research on the Connotation of Blue Economy and Its Linkage Structure Effect from the Perspective of Industrial Network — A Case of Shandong Province // China Soft Science. 2015. № 8. P. 135—147.

Красоченков Д.А. Экономический рост и мирохозяйственные связи в условиях глобальной турбулентности: тренды и проблемы // Международная аналитика. 2018. № 3 (25). С. 108—125.

Купин В.Н. Турбулентность глобальных геополитических процессов и проблемы национальной безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127). С. 34—44.

Тимофеев И. Угрозы для России: из прошлого в будущее // Россия в глобальной политике. 2020. № 1. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/opyat-trojka/> (дата обращения: 13.03.2020).

Kolosov V., Medvedev A., Zotova M. Comparing the development of border regions with the use of GIS (the case of Russia) // Geographia Polonica. Vol. 91, № 1. P. 47—61.

Дружинин А.Г. Евразийские векторы морехозяйственной активности России: общегеографические проекции // География и природные ресурсы. 2020. № 2. С. 5—14.

Вардомский Л.Б. Северный морской путь как механизм обеспечения связанности Большой Евразии // Мир перемен. 2019. № 2. С. 129—140.

Бабуринов В.Л. Совокупные издержки как базовая категория оценки хозяйственной деятельности в Арктике // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2018. № 3. С. 18—25.

Mikhaylov A.S., Mikhaylova A.A., Lachininskii S.S., Hvalev D.V. Coastal Countryside Innovation Dynamics in North-Western Russia // European Countryside. Vol. 11, iss. 4. P. 541—562.

Лавров С.Б. Портово-промышленные комплексы в проблеме взаимоотношений общества и природной среды в океане и региональное развитие приморских районов // Вопросы географии океана. Л., 1983. С. 25—31.

Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т. и др. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 7—28.

Anokhin A.A., Fedorov G.M. Regions as international development corridors in the Western borderland of Russia // Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences. 2019. Vol. 64, № 4. P. 34—45.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия; профессор-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

THE 'STRONGHOLDS' OF RUSSIAN COASTAL BORDERLANDS: ECONOMIC DYNAMICS AMID GEOPOLITICAL TURBULENCE

A. G. Druzhinin

Southern Federal University

105 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia

Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevskogo St, Kaliningrad, 236016, Russia

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences

29 Staromonentny pereulok, Moscow, 119017, Russia

Received 25.03.2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-6

© Druzhinin, A. G., 2020

In the 21st century, the World Ocean is becoming a key factor in global socio-economic dynamics and a geoeconomic and geopolitical priority of many countries. The Russian Federation, whose economy, infrastructure, and settlement system have been gravitating towards the sea since the late 1990s, is no exception. This article aims to identify and provide a conceptual framework for the phenomenon of Russia's coastal borderlands and their constituent 'strongholds'. It also explores the factors and features of the economic dynamics of the coastal borderlands amid the post-2014 geopolitical turbulence. Economic and statistical methods are used to highlight the irregularity of the economic and settlement patterns across Russia's coastal borderlands, in their water and land areas. It is shown that Russian economic and military activities have clustered there to create 14 'strongholds', including two emerging ones. The current confrontation between Russia and the West is accompanied by the country's growing maritime presence, particularly in its western borderlands, the revitalisation and expansion of its 'strongholds', and economic diversification. The economic systems of the country's leading coastal region have proven to be highly resistant to geopolitical turbulence; this is partly explained by government support.

Keywords:

economy, maritime economy, geopolitics, coastal borderlands, geopolitical turbulence, Russian Federation, Russian western borderlands

References

1. Druzhinin, A.G. 2019, Large business in Russia's coastal zones: factors and features of localization, *Balt.reg.* Vol. 11, № 4, p. 136—151. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-8.
2. Druzhinin, A. 2019, The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia, *Quaestiones Geographicae*, Vol. 38, no. 2, Boducki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, p. 91—100.

To cite this article: Druzhinin, A. G. 2020, The strongholds of Russian coastal borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence. *Balt. Reg.* 2020. Vol. 12, no 3, p. 89–104. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-6.

3. Butov, A.M. 2019, *The market of shipbuilding products. 2018*, М, Vysshaya shkola ekonomiki, 73 p.
4. Druzhinin, A.G., Kuznetsova, T.Y. and Mikhaylov A.S. 2020, Coastal zones of modern Russia: delimitation, parametrization, identification of determinants and vectors of Eurasian dynamics, *Geography, environment, sustainability*, Vol. 13, no. 1, p. 37—45
5. Fedorov, G.M., Mihajlov, A.S., Kuznetsova T.Y. 2017, Influence of the sea on the development of the economy and settlement of the Baltic countries, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 7—27. doi: 10.5922/2079-8555-2017-2-1.
6. Surís-Regueiro, J.L., Garza-Gil, M.D., Varela-Lafuente, M.M. 2013, Marine economy: a proposal for its definition in the European Union, *Marine Policy*, no. 42, p. 111—12.
7. Stojanovic, T.A., Farmer, C.J. 2013, The development of world oceans & coasts and concepts of sustainability, *Marine Policy*, no. 42, p. 157—165
8. Eberhardt, P. 2013, Koncepcja nawalizmu Alfreda Thayera Mahana, *Przegląd Geograficzny*, Vol. 85, no. 4, p. 629—654.
9. Cohen, J.E., Small, C., Mellinger, A., Gallup, J., Sachs, J., Vitousek, P.M., Mooney, H.A. 1997, Estimates of coastal populations, *Science*, Vol. 278 (5341), p. 1211—1212 New Series.
10. Sylvestre Mongrenier, J. 2016, Poutine et la mer. Forteresse « Eurasie » et stratégie océanique mondiale, *Herodote*, Vol. 4 (163), p. 155—174.
11. Gorshkov, S.G. 1976) *Sea power of the state*, Moscow, Voenizdat, 416 p.
12. Alhimenko, A.P. Slevichand, S.B. 1990, Modern foreign policy aspects of ocean geography and geopolitical concepts, *Geografiya, politika i kul'tura*, Leningrad, Nauka, p. 85—93 (in Russ.).
13. Lacoste, Y. 2012, La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique, *Herodote, La géopolitique, des géopolitiques* (146—147, troisième et quatrième trimestres 2012), p. 3—21
14. Zabiako, A.P. 2016, The borderline as a given of human existence, *Voprosy filosofii*, no. 11, p. 26—36.
15. Fedorov, G. (ed) 019, *Problems of economic security of the regions of the Western border of Russia*, Kaliningrad, 282 p. (in Russ.).
16. Druzhinin, A.G., 2018, About the phenomenon “Western Borderlands of Russia”, *Regional'nye issledovaniya*. no. 3 (61), p. 35—44.
17. Alhimenko, A.P. 2005, Russian marine industry: development trends and problems, *Morekhoz'yajstvennyj kompleks Rossii*. Spb, p. 5—23.
18. Kislovskij, V.O. 2009, About the sea border, *Morskoj sbornik*, no. 3, p. 30—32 (In Russ.).
19. Trejvish, A. 1995, Russian geopolitics from Gostomysl to the present day. A brief overview of the ideas and facts, *Znanie — sila*, no. 8, 49 p.
20. Kiknadze, V.G., Mironyuk, D.A., Kretinin, G.V. 2019, The military and political situation in the Baltic region in the late 20th/early 21st centuries: the prospects of 'uneasy peace', *Balt. Reg.*, Vol. 11, no. 1, p. 60—75. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-5.
21. Pompeo, M.R. 2020, Vystuplenie gossekretarya SSHA Majkla Rompeo na konferencii po bezopasnosti v Myunhene 15.02.2020, The West Is Winning, available at: <https://www.state.gov/the-west-is-winning/> (accessed 16.02.2020).
22. Dergachyov, V.A. 2004, *Geopolitics*, M. YUNITI-DANA, 325 p. (in Russ.).
23. Semyonov-Tyan-Shanskij, V.P. 1915, About powerful territorial possession in relation to Russia. An essay on political geography, *Izvestiya Russkogo Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva*, Vol. LI, no. VIII, p. 425—457 (in Russ.).
24. Salvador, R. 2014, Maritime Clusters Evolution. The (not so) Strange Case of the Portuguese Maritime Cluster[J], *Journal of Maritime Research*, Vol. 11, no. 1, p. 53—59.
25. Hammervoll, T., Halse, L.L., Engelseth, P. 2014, The role of clusters in global maritime value networks, *International Journal of Physical Distribution & Logistics Management*, Vol. 44, no. 1/2, p. 98—112.
26. Shinohara, M. 2010, Maritime cluster of Japan: implications for the cluster formation policies, *Marit. Pol. Mgmt.*, Vol. 37, no. 4, p. 377—399.
27. Benito, G.R.G., Berger, E., De la Forest, M. et al. 2003, A cluster analysis of the maritime sector in Norway, *International Journal of Transport Management*, no. 1 (4), p. 203—215.

28. Zhao, B., Xiao, W., Tong, R.-Ch. et al. 2015, Research on the Connotation of Blue Economy and Its Linkage Structure Effect from the Perspective of Industrial Network — A Case of Shandong Province, *China Soft Science*, no. 8, p. 135—147.
29. Krasochenkov, D.A. 2018, Economic growth and global economic relations in the context of global turbulence: trends and problems, *Mezhdunarodnaya analitika*, no. 3 (25), p. 108—125 (in Russ.).
30. Kupin, V.N. 2019, Turbulence of global geopolitical processes and problems of national security, *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*, no. 2 (127), p. 34—44 (in Russ.).
31. Timofeev, I. 2020, Threats to Russia: from the past to the future, *Rossiya v global'noj politike*, no. 1, available at: <https://www.globalaffairs.ru/articles/opyat-trojka/> (accessed 13.03.2020) (in Russ.).
32. Kolosov, V., Medvedev, A., Zotova, M. 2018, Comparing the development of border regions with the use of GIS (the case of Russia), *Geographia Polonica*, no. 91 (1), p. 47—61.
33. Druzhinin, A.G. 2020, Eurasian vectors of marine economic activity in Russia: socio-geographical projections, *Geografiya i prirodnye resursy*, no. 2, p. 5—14.
34. Vardomskij, L.B. 2019, The Northern sea route as a mechanism for ensuring connectivity of Greater Eurasia, *Mir peremen*, no. 2, p.129—140 (in Russ.).
35. Baburin, V.L. 2018, Total costs as a basic category of evaluation of economic activity in the arctic, *Izvestiya Rossiiskaya Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya*, no. 3, p. 18—25. doi: 10.7868/S2587556618030032 (in Russ.).
36. Mikhaylov, A.S., Mikhaylova, A.A., Lachininskii, S.S., Hvalej, D.V. 2019, Coastal Countryside Innovation Dynamics in North-Western Russia, *European Contryside*, Vol. 11, no. 4, p. 541—562.
37. Lavrov, S.B. 1983, Port-industrial complexes in the problem of the relationship between society and the natural environment in the ocean and regional development of coastal areas, *Voprosy geografii okeana*, Leningrad, p. 25—31 (in Russ.).
38. Klemeshev, A.P., Korneevets, V.S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G.M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 7—28. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-1.
39. Anokhin, A.A., Fedorov, G.M. 2019, Regions as international development corridors in the Western borderland of Russia, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, Vol. 64, no. 4, p. 34—45. doi: 10.21638/spbu07.2019.403

The author

Prof Alexander G. Druzhinin, Director, North Caucasus Institute for Economic and Social Research, Southern Federal University, Russia; Research Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University; Leading Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexdru9@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

СПЕЦИФИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРИМОРСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ДИВЕРГЕНЦИЯ СЕВЕРА И ЮГА

А. С. Михайлов^{1,2}

В. В. Горочная^{1,3}

Д. В. Хвале́й¹

И. С. Гуменюк¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова, 197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5

³ Южный федеральный университет, 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Поступила в редакцию 15.04.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-7

© Михайлов А. С., Горочная В. В.,
Хвале́й Д. В., Гуменюк И. С., 2020

Приморские регионы представляют собой специфические территориальные общественные системы, социально-экономическое и инновационное развитие которых тесно сопряжено с влиянием фактора талассоаттрактивности. Притяжение к морю задает динамику в формировании систем расселения и хозяйственного освоения территории этих регионов, в том числе создании различных объектов инфраструктуры (транспортно-логистической, информационно-коммуникационной, промышленной и др.). Многообразие приморских регионов не позволяет говорить о существовании единой модели их развития, а лишь о генеральных трендах. Данное исследование сфокусировано на выявлении различий в инновационных системах приморских регионов, имеющих северное и южное расположение в границах одной страны. Территориальный охват исследования включает четыре приморских субъекта России: Мурманскую и Архангельскую области как части Балтийского региона, а также Ростовскую область и Краснодарский край — территории Азово-Черноморского региона. Методология исследования основана на сравнительной оценке неоднородности инновационного развития на муниципальном и межрегиональном уровнях в разрезе четырех групп количественных показателей: «человеческий капитал», «экономический рост и кластеризация», «инноватизация и цифровизация», «качество и уровень жизни». Все эти компоненты важны для формирования положительной инновационной динамики в регионе. Статистическая оценка дополнена качественным анализом пространственных закономерностей концентрации инновационного потенциала с учетом агломерационного фактора. Результаты исследования показали существенные различия в инновационном развитии северных и южных регионов, имеющих приморское положение, с доминированием последних. Выявлены три основные модели генерации, внедрения и накопления инноваций в приморских регионах, обусловленные различным характером использования выгод от близости к морю: занятия морехозяйственной деятельностью, развитие морского транспорта, вовлечение в экономический оборот рекреационных и природно-климатических ресурсов.

Ключевые слова:

приморский регион, инновационный потенциал, талассоаттрактивность, городская агломерация, география инноваций, инновационное пространство

Для цитирования: Михайлов А. С., Горочная В. В., Хвале́й Д. В., Гуменюк И. С. Специфика инновационного развития приморских регионов России: дивергенция севера и юга // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 105–126. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-7.

Введение

Исследования глобальной и макрорегиональной неоднородности хозяйственного освоения территории показали, что существуют два генеральных тренда. Первый связан с тем, что страны и регионы, расположенные севернее, нередко рассматриваются как более экономически, социально, технологически и инновационно развитые. Так, в докладе ООН приводятся данные о разнице между странами и между регионами, несмотря на эпоху необычайного экономического роста и повсеместного повышения уровня жизни [1]. Стремительный рост ряда экономик новых индустриальных стран, в частности Китая, не изменил кардинально общую картину асимметрии севера и юга [2]. Дисбаланс в развитии наблюдается не только на глобальном уровне. Как отмечено в [3], существенные различия в моделях экономического развития севера и юга наблюдаются даже в рамках Еврoзоны с перспективой усиления данного разрыва.

Второй тренд обусловлен влиянием фактора талассоаттрактивности, следствием которого является концентрация различного рода ресурсов (человеческих, финансовых, интеллектуальных, инфраструктурных и др.) в приморской зоне. При этом в ряде научных работ отмечается большая значимость притяжения хозяйственной деятельности к морю для южных стран и регионов, нежели для северных. Например, сравнительное исследование 15 городов и городских агломераций Европы, проведенное Объединенным исследовательским центром Европейской комиссии, позволило не только подтвердить эффект «притяжения моря», но и выделить Средиземноморский регион в качестве основного места развития приморской урбанизации [4]. В целом подавляющая часть исследований о закономерностях процесса талассоаттрактивности проводится именно в регионах с мягким климатом и теплым морем [5—7].

Результаты обширного количества научных исследований показали наличие различий в динамике и траекториях развития приморских и внутренних, т.е. не имеющих выхода к морю, регионов [8—14]. Исследования фиксируют большую вовлеченность приморских территорий в мировые транспортно-логистические и производственные сети; усиленную урбанизацию и агломерационные эффекты с образованием кластеров городов; диверсифицированность структуры экономики за счет совокупности добывающих и обрабатывающих производств, разветвленной сферы услуг (туризм, транспорт, финансовый сектор); лидерство в интеграции экологических инноваций и возобновляемых источников энергии. Вместе с тем отмечается периферийность многих приморских регионов, монопрофильность многих малых и полусредних городов, катастрофическая антропогенная нагрузка на окружающую экосистему в крупных приморских городах и агломерациях, а также устойчивость морской границы, которая не может ослабнуть или исчезнуть под влиянием институциональных факторов. Все эти факторы, как отмечают С. Флетчер и Х. Смит [13], формируют уникальную общественную среду приморских пространств.

В этой связи притяжение и кластеризация ресурсов в приморской зоне рассматриваются в качестве драйвера роста и сравнительного конкурентного преимущества, способного обеспечить социально-экономическое и инновационно-технологическое превосходство.

Целью данного исследования — выявить особенности в формировании и развитии инновационных систем приморских регионов в зависимости от их территориального положения. Упор делается на изучении специфики использования внутрирегионального потенциала для инноваций в северных и южных регионах. Наибольший интерес представляет оценка различий между типами регионов в границах одной страны, поскольку позволяет обеспечить сопоставимость институционального базиса для инновационного развития. Гипотеза исследования состоит в том, что в границах одной страны приморские регионы, расположенные на юге, будут демонстрировать более высокий уровень инновационного развития, нежели те, которые расположены на севере.

В связи с географической особенностью поставленной задачи отметим, что в мире существует небольшое количество стран, на базе которых возможно проведение подобных исследований. В их числе находятся США, где противостояние севера и юга носит историко-политический характер, в некоторой степени сформировавший основу территориального устройства страны; а также Россия, имеющая ввиду своей географической протяженности значительное количество приморских регионов как на севере, так и на юге. В качестве объекта исследования выбраны приморские регионы европейской части России, поскольку они имеют развитую морехозяйственную инфраструктуру, тесную связь экономики с морем, а также длительную историю хозяйственного освоения, в результате которой сформировалась полноценная система расселения с наличием населенных пунктов разного уровня.

Теоретический базис исследования

Неравномерность территориального развития, получившая отражение в концепциях региональной дивергенции, асимметричного развития, социально-экономической поляризации и неравенства, все чаще соотносится с фактором местоположения. Результаты исследований по всему миру свидетельствуют о значимом влиянии природно-климатических условий на уровень и траекторию развития регионов. В общемировом масштабе выявлено, что Северное полушарие по уровню хозяйственной освоенности доминирует над Южным [2; 15], равнинные территории над гористой местностью [16; 17]. В ряде исследований отмечается значимость умеренного климата [18] и благоприятной экологической обстановки [19] для развития человеческого капитала и инноваций.

Расположение на берегах судоходных рек и в границах приморской зоны также формирует уникальный профиль территориально-общественной системы, как и наличие залежей полезных ископаемых [20; 21]. Изучение путей развития приморских территорий ведется с учетом значимости экономики океана и морехозяйственной деятельности, а также общемировых трендов в концентрации населения и хозяйственной активности в приморской зоне [22—24]. Наличие у региона прямого выхода к морю и/или океану традиционно выступает в качестве важнейшего конкурентного преимущества и отправной точки дальнейшего стратегирования [10; 11; 25].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирный банк, Организация Объединенных Наций (ООН) и другие международные организации и объединения активно рассматривают вопрос использования выгод географического положения с целью сокращения социально-экономического разрыва между странами на глобальном уровне [26]. Рядом научных коллективов академического сектора реализуются исследования «фактора места» в контексте отдельно взятых территорий [27], реже — на межстрановом уровне [28]. Результаты предшествующих научных работ показали, что приморские регионы испытывают колоссальную антропогенную нагрузку вследствие ускоренного притока населения и аккумуляции хозяйственной активности [29; 30]. Северные арктические районы представлены обособленными (оторванными, несвязными) «островами» развития, социально-экономическая динамика которых склонна к зависимости от глобальной конъюнктуры на сырье, нежели от национальных счетов [31].

При этом, несмотря на определенную изученность влияния приморского и прибрежного положения, полученные глобальные закономерности довольно сложно проецировать на национальную специфику. Например, широко обсуждаемые различия между северными и южными регионами Италии [3; 32] невозможно напрямую трансформировать в российскую действительность. В Средиземноморье [33; 34] и Юго-Восточной Азии [35—37] главенствующую роль играет эффект талассо-

аттрактивности, в то время как в прибрежных регионах морей Северного Ледовитого океана важны другие факторы. Также в исследованиях слабо раскрыто влияние приморского положения на инновационную траекторию развития регионов. Закономерно наличие существенных различий между южными и северными приморскими регионами по инновационной способности.

Методология исследования

Данное исследование проведено на материалах муниципальных образований четырех субъектов РФ, имеющих приморское положение: Мурманская, Архангельская, Ростовская области и Краснодарский край (рис. 1). Все регионы расположены в европейской части страны, которая традиционно является более освоенной. Мурманская и Архангельская области образованы на северо-западе России и входят в состав Северо-Западного федерального округа. Значительная часть их территории относится к районам Крайнего Севера. У Мурманской области есть выход к Белому и Баренцеву морям, у Архангельской области — еще и к Карскому морю. Ростовская область и Краснодарский край расположены на юго-западе России. Оба региона входят в состав Южного федерального округа. Территория Краснодарского края омывается Азовским и Черным морями, а Ростовской области — Таганрогским заливом Азовского моря.

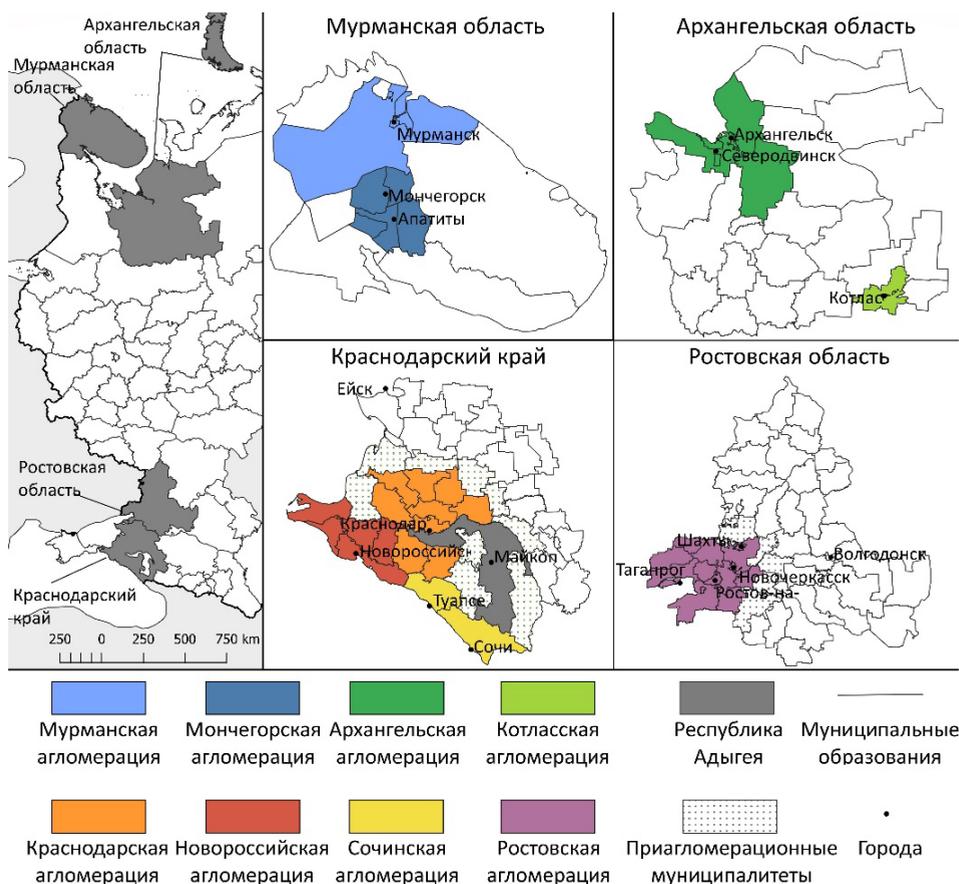

Рис. 1. География исследования приморских регионов России

Предметом изучения выступали различия в уровне инновационного развития между северными и южными регионами европейской части России. Также анализировался накопленный этими регионами инновационно-экономический потенциал в межпоселенном разрезе и выделялись возможные очаги генерации и/или потребления инноваций. Исследовательская стратегия строилась на оценке центр-периферийного характера построения территориальных общественных систем выбранных регионов под перекрестным влиянием приморского, агломерационного и природного факторов. Анализировались пространственная структура экономики регионов, их отраслевая специализация и структура формирования валовой добавленной стоимости (ВДС), представленность высокотехнологичных отраслей, расположенность к формированию экономических кластеров. Отдельное внимание уделено проблеме включенности сельских территорий регионов во внутрирегиональные экономические процессы. Исследовалось качество жизни в сельской местности как важный критерий сохранения человеческого капитала и уровень обеспеченности сельских поселений инженерной и социальной инфраструктурой. В таблице 1 представлены использованные в исследовании показатели с указанием особенностей сбора данных.

Таблица 1

Подход к оценке инновационного развития приморских регионов европейской части России

Группа	Показатель	Период / источник
Человеческий капитал	Плотность населения, чел./км ²	2013—2019 / Росстат
	Доля городского населения, %	2013—2019 / Росстат
	Доля населения с высшим и послевузовским образованием, %	2010 / Всероссийская перепись населения РФ
Экономический рост и кластеризация	Доля обрабатывающих производств в общем объеме отгруженной продукции, %	2014—2019 / Росстат
	Оборот розничной торговли, тыс. руб. на душу населения	2015—2019 / Росстат
	Число компаний на 1000 чел. населения	2015—2019 / СПАРК
Инноватизация и цифровизация	Доля новой сельскохозяйственной техники, %	2016 / Всероссийская сельскохозяйственная перепись
	Доля работников в области информации и связи (раздел J); деятельности профессиональной, научной и технической (раздел M) в среднесписочной численности работников организаций (без субъектов малого предпринимательства), %	2017—2019 / Росстат
	Плотность покрытия интернет-сетью 3G и 4G, в % от территории муниципалитетов	2019 / официальные сайты телекоммуникационных компаний «Билайн», «Мегафон», «МТС» и «Теле2»
Качество и уровень жизни	Ввод в действие жилых домов, м ² на душу населения	2013—2018 / Росстат
	Доля негазифицированных населенных пунктов, %	2013—2018 / Росстат
	Обеспеченность населения банкоматами в расчете на 1000 чел. населения	2019 / официальные сайты 23 крупнейших банков на территории РФ

Расчет показателей производился в разрезе муниципальных образований регионов выборки с последующим агрегированием по территориальным группам: «агломерационные», «приагломерационные», «периферийные» (рис. 1). В состав агломерации включались город-ядро и муниципальные образования, тесно связанные с ним социально-экономическими и транспортно-логистическими отношениями. К приагломерационным муниципалитетам отнесены районы, непосредственно прилегающие к агломерации. Их выделение было целесообразно для Ростовской области и Краснодарского края ввиду большого общего количества муниципалитетов в этих регионах. К периферийным отнесены прочие муниципалитеты, находящиеся на отдалении от агломераций.

Результаты исследования

Мурманская область

Пространственная дифференциация социально-экономического развития и инновационного потенциала Мурманской области характеризуется очаговым характером с наличием ярко выраженного полюса роста — города Мурманска, генерирующего до 50% общеобластного показателя ВДС) [38]. В южной части региона сформировался второй по значимости экономический центр, объединяющий города Мончегорск, Оленегорск, Ковдор, Кировск и Апатиты. Анализ параметров социально-экономического развития и инновационного потенциала отражает высокую степень неоднородности в хозяйственном освоении территории Мурманской области (табл. 2).

Характер местной экономики — моноотраслевой. Экономическая специализация муниципального образования, а следовательно, и инновационный профиль определяются деятельностью крупных горнодобывающих и обрабатывающих предприятий, расположенных на его территории. Ярким примером являются муниципалитеты второго экономического центра региона, в которых главный источник рабочих мест и создания ВДС — одно крупное предприятие. В Ковдорском районе ключевым экономическим игроком выступает Ковдорский горно-обогачительный комбинат, занимающийся производством апатитового, бадделеитового и железорудного концентрата; в Кировске и Апатитах — горно-обогачительный комбинат «Апатит», производящий апатитовый и нефелиновый концентрат; в Мончегорске — Кольская горно-металлургическая компания, занимающаяся производством цветных металлов; в Оленегорске — Оленегорский горно-обогачительный комбинат «Олкон», специализирующийся на производстве железорудного сырья.

Муниципальные образования Мурманской области без крупных хозяйствующих субъектов не имеют сложившейся экономической системы, способной выступать генератором и потребителем инноваций. Подтверждением этому является их отраслевая структура с преобладанием в производстве ВДС видов деятельности, получающих финансирование из бюджетов всех уровней [39]. Лидер по такой зависимости в Мурманской области — Ловозерский муниципальный район, у которого указанным образом обеспечивается более 60% ВДС. Наиболее значимый вес имеет сектор государственного управления и военной безопасности, на его долю приходится более 25% ВДС района. Сходная ситуация сложилась в Терском муниципальном районе: при отсутствии официально зарегистрированных на его территории крупных промышленных предприятий в доходах населения наблюда-

ется преобладание бюджетного сектора как источника финансирования. В таких условиях сельские территории Мурманской области не могут выступать генераторами или даже потребителями инноваций в силу специфики своего социально-экономического развития [40]. При этом сохраняются возможности для генерации инноваций в традиционных для Крайнего Севера секторах: оленеводстве, рыбном и охотничьем промыслах, сборе дикоросов, племенном животноводстве, молочном скотоводстве.

Таблица 2

**Некоторые показатели инновационного развития
муниципалитетов Мурманской области**

Показатель	Год	Муниципалитеты		
		Мурманская агломерация	Мончегорская агломерация	Периферий- ные
<i>Человеческий капитал</i>				
Плотность населения, чел./км ²	2013	11,14	14,58	1,20
	2019	14,42	13,96	1,22
Доля городского населения, %	2013	97,20	91,50	83,60
	2019	95,35	90,18	84,03
Доля населения с высшим и послеузовским образованием, %	2010	21,25	20,16	14,46
<i>Экономический рост и кластеризация</i>				
Доля обрабатывающих производств в общем объеме отгруженной продукции, %	2014	5,93	31,98	12,52
	2019	9,12	65,72	11,52
Оборот розничной торговли, тыс. руб. на душу населения	2015	70,05	77,08	49,51
	2019	75,52	88,68	65,13
Число хозяйствующих субъектов, ед. на 1000 чел.	2015	51,49	13,70	12,07
	2019	25,08	11,03	9,65
<i>Инноватизация и цифровизация</i>				
Доля новой сельскохозяйственной техники, %	2016	0	0	0
Доля работников в области информации и связи; деятельности профессиональной, научной и технической в среднесписочной численности работников организаций, %	2017	3,83	4,35	1,69
	2019	5,18	5,04	2,66
Плотность покрытия интернет-сетью 3G и 4G, %	2019	61,24*	15,95	3,92
<i>Качество и уровень жизни</i>				
Ввод в действие жилых домов на душу населения, м ²	2013	0,03	0,06	0,03
	2018	0,07	0,07	0,05
Доля негазифицированных населенных пунктов, %	2013	19,23	57,89	61,11
	2018	23,08	57,89	63,89
Обеспеченность населения банкоматами в расчете на 1000 чел.	2019	0,77	0,62	0,44

Примечание: без учета Кольского муниципального района, у которого лишь 7,78% территории покрыто интернет-связью.

Архангельская область

Социально-экономическое пространство Архангельской области также характеризуется высоким уровнем поляризации (табл. 3). Инновационный и научно-технологический потенциал сосредоточен в крупных городах региона. Основной полюс роста — вокруг Архангельска и соседствующего с ним Северодвинска. Второй по значимости экономический центр географически образует форму полосы и проходит по югу Архангельской области вдоль железной дороги от Коноши до Котласа. Остальные муниципалитеты представлены преимущественно сельским населением и имеют ярко выраженную тенденцию к обезлюдению вследствие миграционного оттока в города и естественной убыли [41].

Таблица 3

Некоторые показатели инновационного развития муниципалитетов Архангельской области

Показатель	Год	Муниципалитеты		
		Архангельская агломерация	Котласская агломерация	Периферийные
<i>Человеческий капитал</i>				
Плотность населения, чел./км ²	2013	16,05	20,63	0,77
	2019	15,66	20,17	0,69
Доля городского населения, %	2013	90,96	91,18	47,24
	2019	91,49	91,80	48,90
Доля населения с высшим и послевузовским образованием, %	2010	20,52	17,61	12,44
<i>Экономический рост и кластеризация</i>				
Доля обрабатывающих производств в общем объеме отгруженной продукции, %	2013	68,93	76,15	4,69
	2019	39,83	82,35	2,08
Оборот розничной торговли, тыс. руб. на душу населения	2015	69,77	36,21	23,39
	2019	73,87	63,40	44,80
Число хозяйствующих субъектов, ед. на 1000 чел.	2015	27,26	16,61	13,68
	2019	22,80	14,95	11,94
<i>Инноватизация и цифровизация</i>				
Доля новой сельскохозяйственной техники, %	2016	4,08	7,69	7,28
Доля работников в области информации и связи; деятельности профессиональной, научной и технической в среднесписочной численности работников организаций, %	2017	3,24	2,56	2,26
	2019	2,21	1,53	1,81
Плотность покрытия интернет-сетью 3G и 4G, %	2019	22,34*	26,57	4,61
<i>Качество и уровень жизни</i>				
Ввод в действие жилых домов на душу населения, м ²	2013	0,23	0,43	0,28
	2018	0,30	0,32	0,26
Доля негазифицированных населенных пунктов, %	2013	22,90	84,24	81,46
	2018	36,49	83,28	87,13
Обеспеченность населения банкоматами в расчете на 1000 чел.	2019	1,00	0,83	0,34

Примечание: для городов, входящих в Архангельскую агломерацию: Архангельска — 92,8% и Новодвинска — 100%.

Структура экономики Архангельской области характеризуется сосредоточением производства в низкопроизводительных отраслях: более 60% промышленной продукции генерируется в лесопромышленном секторе. Прочие сектора экономики также демонстрируют небольшую производительность труда ввиду слабой инновационности. Уровень концентрации хозяйствующих субъектов в Архангельской области невысок: даже в крупных экономических центрах региона (Мурманск, Котлас) этот показатель не превышает 20 предприятий на 1000 человек. Для сравнения в большинстве муниципальных образований Ленинградской области на 1000 человек населения приходится 35—40 предприятий. Малые и средние предприятия, наиболее активные с точки зрения генерации и внедрения инноваций, представлены преимущественно в торговле и строительстве и очень слабо — в секторе производства. В результате сложившейся в регионе структуры экономики отсутствует необходимая критическая масса хозяйствующих субъектов, которые могли бы включаться в горизонтальные кооперационные связи с последующим образованием кластеров.

Низкая экономическая активность населения еще сильнее проявляется в сельской местности. В расположенных здесь населенных пунктах практически не создаются новые рабочие места, особенно высокопроизводительные, вследствие чего молодое трудоспособное население вынуждено мигрировать в города. В результате складывается ситуация, при которой сельские территории не имеют межорганизационного разнообразия и развитого рынка труда, необходимых для удержания человеческого капитала. Районы севера и северо-востока Архангельской области характеризуются максимальным темпом оттока сельских жителей. Еще один негативный фактор — недостаточная обеспеченность сельских населенных пунктов инженерной и социальной инфраструктурой. Доля жилых домов в сельской местности с инженерными коммуникациями не превышает 19%. Также наблюдается снижение доступности для населения социальных услуг, вызванное укрупнением самих учреждений, износом материальных фондов и дефицитом специалистов.

Основной инновационный потенциал Архангельской области сосредоточен в двух отраслях экономики, на базе которых формируются организованные судостроительный и лесопромышленный кластеры. Первый активно развивается благодаря получению судостроительными предприятиями гособоронзаказа, доля которого в их выручке составляет 90—95%. Однако это нивелирует уровень диверсификации судостроительной отрасли и несет в себе риски, связанные с отсутствием конкуренции и зависимостью от государственного финансирования. Лесопромышленный кластер региона объединил в себе лесоперерабатывающие, лесозаготовительные и лесосырьевые предприятия, а также предприятия машиностроения, транспорта и логистики, научно-исследовательские и образовательные организации, обеспечивающие удовлетворение потребностей лесопромышленного комплекса. При условии дальнейшего развития лесопромышленного кластера в сторону увеличения объемов продукции глубокой переработки древесины может быть обеспечена необходимая потребность в генерации инноваций (см. Стратегию социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года¹).

Ростовская область

Внутренняя неоднородность южных приморских регионов РФ не столь контрастна, как северных, однако ярко выражена в центр-периферийном отношении. На дифференциацию и структурирование экономического пространства Южного федерального округа оказал влияние комплекс взаимосвязанных факторов, среди ко-

¹ URL: <https://www.strategy29.ru> (дата обращения: 15.03.2020).

торых наиболее важный — «разнососедство» [42], проявляющееся в формировании региона в мультикультурной и межцивилизационной среде под действием геополитических сил [43]. Основной контактный потенциал Ростовской области сосредоточен в приморской зоне. В результате перекрестного воздействия талассоаттрактивности и агломерационных сил здесь образовалась крупная Ростовская агломерация, объединившая город-миллионер Ростов-на-Дону и соседние с ним городские и сельские населенные пункты. В ее структуре могут быть выделены три пояса [44; 45]: центр, концентрирующий основной инновационно-технологический потенциал региона; полупериферия, объединяющая индустриальные полюса роста второго порядка; аграрная периферия. Если доминирующая роль Ростовской агломерации как приморского инновационного, образовательного, технологического и селитебного центра постепенно усиливается, то на периферии и полупериферии наблюдаются противоречивые тенденции на протяжении последних десятилетий (табл. 4).

Таблица 4

**Некоторые показатели инновационного развития
муниципалитетов Ростовской области**

Показатель	Год	Муниципалитеты		
		Агломерационные	Приагломерационные	Периферийные
<i>Человеческий капитал</i>				
Плотность населения, чел./км ²	2013	153,44	49,83	17,19
	2019	155,56	47,48	16,32
Доля городского населения, %	2013	80,58	68,03	42,59
	2019	80,38	68,29	42,90
Доля населения с высшим и послевузовским образованием, %	2010	18,93	13,46	12,27
<i>Экономический рост и кластеризация</i>				
Доля обрабатывающих производств в общем объеме отгруженной продукции, %	2014	50,69	69,24	34,40
	2019	56,50	77,41	34,95
Оборот розничной торговли, тыс. руб. на душу населения	2015	75,33	44,36	36,62
	2019	63,16	32,64	25,21
Число хозяйствующих субъектов, ед. на 1000 чел.	2015	27,03	7,82	10,65
	2019	25,02	7,28	9,59
<i>Инноватизация и цифровизация</i>				
Доля новой сельскохозяйственной техники, %	2016	9,90	6,42	7,03
Доля работников в области информации и связи; деятельности профессиональной, научной и технической в среднесписочной численности работников организаций, %	2017	2,50	2,60	1,90
	2019	2,20	1,60	1,80
Плотность покрытия интернет-сетью 3G и 4G, %	2019	94,70	98,51	87,82
<i>Качество и уровень жизни</i>				
Ввод в действие жилых домов на душу населения, м ²	2013	0,69	0,22	0,23
	2018	0,87	0,19	0,26
Доля неагифицированных населенных пунктов, %	2013	27,23	40,86	57,56
	2018	22,91	39,07	54,58
Обеспеченность населения банкоматами в расчете на 1000 чел.	2019	0,60	0,35	0,40

Периферийные районы и городские центры, локализованные в северо-восточной и юго-восточной части Ростовской области, характеризуются большой неоднородностью по технологическому оснащению хозяйственной деятельности, инфраструктурной обустроенности территории, качеству жилищных условий и развитию внутреннего рынка, а также темпам их роста [46]. Наиболее активное развитие характерно для муниципалитетов, непосредственно примыкающих к Ростову-на-Дону: Аксайский район, Батайск, Азов, демонстрирующих приток населения и сопровождающий его рост жилищного строительства. Из других, преимущественно сельскохозяйственных, муниципалитетов региона происходит отток населения вследствие низкого уровня средней оплаты труда, инфраструктурной необустроенности, невысокого уровня и качества жизни [47]. Главная проблема развития территории Ростовской области, практически полностью занятой агропроизводством зерновых и подсолнечных культур с низкой себестоимостью, — неразвитость внутреннего рынка и низкая платежеспособность населения. Это существенно препятствует как диффузии инноваций в повседневный быт населения, так и их генерации в производственной практике. Высокая доходность от продажи агросырья также не стимулирует к смене технологического уклада.

Для юго-восточных периферийных районов области, специализирующихся наряду с зерновыми и подсолнечными культурами на производстве картофеля, овощных культур и скотоводстве, характерна более интенсивная инфраструктурная обустроенность, в первую очередь практически полная газификация. Однако жилищный фонд в них достаточно старый и медленно обновляется, низкими остаются уровень и качество жизни, что также провоцирует отток населения. Переселение в Ростовскую агломерацию оказывается для домохозяйств более дешевым и перспективным способом улучшить условия проживания, нежели инвестиции в благоустройство и повышение технологичности быта. Основная причина — отсутствие общего благоустройства и инноватизации жилой среды малых и средних городов и сельских населенных пунктов региона. Относительно более благополучная ситуация в Ростовской области наблюдается в центральных районах периферийного ареала, тяготеющего к водной артерии р. Дон (ее участку, допускающему передвижение судов типа «река — море» достаточной грузовой мощности), а также прилегающего к местному экономическому центру — г. Волгодонску.

Интересно, что процессы периферизации и депопуляции наиболее активно происходят не собственно на периферии и ее наименее развитой части, а в полупериферийных индустриальных центрах и прилегающих к ним территориях. Последние фактически оказываются не полюсами роста второго порядка, а ареалами, передающими свои функции и население ядру Ростовской агломерации и лишь отчасти обретающими новые функции. К ним относятся Приазовье и г. Таганрог с прилегающими территориями, а также удаленные от системы «река — море» районы Шахтинской конурбации, рассматриваемые в качестве третьего агломерационного пояса вместе с Волгодонском в силу активной маятниковой миграции, образовательных и технологических связей. Если для периферийных регионов ежегодный отрицательный прирост населения составляет около 4%, то для полупериферии — более 5%. Соотношение средней заработной платы для периферии и полупериферии к средней по региону составляет 0,8 и 0,7, а доля занятых в финансовом секторе — 12,1 и 9,3% соответственно. Ниже в муниципалитетах полупериферии оказываются и средние показатели инвестиций и ввода жилых площадей на душу населения, оснащенности территории жилищно-коммунальными благами [44].

В последние годы в связи с проведением национальной политики импортозамещения наметилась тенденция к новой волне генерации инноваций не только в ядре Ростовской агломерации, но и за его пределами, в том числе в полупериферийных

районах. Среди примеров — успешные проекты, реализуемые ТАНТК им. Г.М. Бериева, «Ростсельмаш», «НЭВЗ», «Тагмет» и другими промышленными предприятиями [43], а также отдельные проекты в сфере агропроизводства, способствующие диффузии инноваций вглубь периферийных муниципалитетов [48]. Однако их реализация на данный момент не способствует коренному изменению инновационной траектории развития Ростовской области в сторону большего вовлечения в инновационные процессы полупериферии, имеющей реальный инновационно-технологический и научно-образовательный потенциалы, а также обладающей слабо используемыми выгодами приморского положения.

Важной потребностью региона, от удовлетворения которой зависит развитие промышленной полупериферии и агропромышленной периферии, а также потенциальных полюсов роста (ст. Вешенская, г. Семикаракорск, Зерноград и Пролетарск, пос. Матвеев-Курган [45]), является децентрализация. На уровне опорно-каркасной структуры региона, несмотря на сравнительно высокую транзитность населенных пунктов, расположенных на пересечении транспортных артерий, далеко не все из них сформировались как развитые центры местного значения, так и не объединив транспортно-логистический, промышленный и научно-технологический потенциалы. Данная ситуация усугубляется ослаблением сообщения с Украиной после 2014 года. В результате сохраняет свое значение артерия «Север — Юг», но утрачивается потенциал транзитной магистрали «Восток — Запад». На уровне полюсов роста присутствует многомерная иерархия, в которой небольшие потенциальные центры роста, не располагая достаточными конкурентными преимуществами, имеют лишь незначительные перспективы развития.

Краснодарский край

Пространственная структура Краснодарского края характеризуется полицентричностью за счет распределения административных, производственных, логистических и рекреационных функций между несколькими агломерациями: Краснодарской, Сочинской, Туапсинской. Однако даже при отсутствии гиперцентрализации территориального устройства региональной общественной системы данная структура имеет центр-периферийное построение [49] в сочетании с приморско-фасадным и селитебным типами [44]. Восточные и северо-восточные муниципалитеты региона, оказавшиеся удаленными как от моря, так и от экономических центров, подверглись периферизации с существенно более низкой концентрацией населения и организационной среды. В состав полупериферийных муниципалитетов вошли портовые центры Азовского бассейна, а также районы повышенной транзитности, расположенные вдоль значимых железнодорожных и автомобильных магистралей (Тихорецкий, Кавказский, Гулькевичский районы, г. Армавир). Эти районы не ориентированы на рекреационную функцию и не располагают крупными модернизированными логистическими мощностями, однако также важны для развития региона в производственном и транспортном отношении (табл. 5).

Децентрализация региона усилилась за последнее десятилетие благодаря масштабным федеральным инвестициям в благоустройство г. Сочи и прилегающих территорий при строительстве олимпийских объектов. Выросло и продолжает расти значение западных приморских муниципальных районов за счет строительства и введения в эксплуатацию Крымского моста. Тем самым в Краснодарском крае, в отличие от Ростовской области, было активизировано опорно-каркасное направление «Восток — Запад», тесно связанное с направлением «Север — Юг». Данные процессы активизировали диффузию инноваций, что напрямую отразилось на повышенных темпах инновационного развития края после 2014 года [50].

Таблица 5

**Некоторые показатели инновационного развития
муниципалитетов Краснодарского края**

Показатель	Год	Муниципалитеты				
		Краснодар- ская агло- мерация	Новорос- сийская агломерация	Сочин- ская агло- мерация	Приа- гломера- ционные	Периферий- ные
<i>Человеческий капитал</i>						
Плотность населения, чел./км ²	2013	117,79	111,10	97,54	41,66	49,70
	2019	129,71	122,61	111,14	41,71	48,92
Доля городского населения, %	2013	61,47	57,79	78,75	41,15	38,30
	2019	63,65	58,71	79,94	41,19	38,09
Доля населения с высшим и послевузовским образова- нием, %	2010	21,20	24,38	29,09	16,56	17,13
<i>Экономический рост и кластеризация</i>						
Доля обрабатывающих про- изводств в общем объеме отгруженной продукции, %	2014	41,34	26,06	20,00	53,94	42,93
	2019	38,73	25,72	13,15	62,80	35,87
Оборот розничной торговли, тыс. руб. на душу населения	2015	77,38	65,63	87,50	38,04	31,88
	2019	144,39	94,24	126,41	44,38	47,33
Число хозяйствующих субъ- ектов, ед. на 1000 чел.	2015	42,62	21,82	41,59	10,40	11,38
	2019	31,83	17,79	32,10	8,89	9,28
<i>Инноватизация и цифровизация</i>						
Доля новой сельскохозяйст- венной техники, %	2016	13,48	10,78	10,86	17,04	13,06
Доля работников в области информации и связи; дея- тельности профессиональ- ной, научной и технической в среднесписочной числен- ности работников организа- ций, %	2017	2,86	3,57	3,89	2,76	2,80
	2019	2,81	2,95	2,81	2,54	2,75
Плотность покрытия интер- нет-сетью 3G и 4G, %	2019	79,74	72,28	23,63	69,19	93,64
<i>Качество и уровень жизни</i>						
Ввод в действие жилых до- мов на душу населения, м ²	2013	1,05	0,94	0,70	0,46	0,43
	2018	1,32	0,94	0,68	0,32	0,31
Доля негазифицированных населенных пунктов, %	2013	35,74	41,44	64,63	46,67	36,14
	2018	29,51	36,50	52,38	42,50	32,66
Обеспеченность населения банкоматами в расчете на 1000 чел.	2019	0,62	0,53	0,87	0,33	0,40

Центр-периферийная система Краснодарского края имеет более распределенную структуру, чем системы Ростовской, Архангельской и Мурманской областей, что обусловлено повышенной плотностью сельского населения в мегагломерационных пространствах; густотой и качеством автодорожного сообщения между населенными пунктами [49]; выгодами территориального расположения «центров второго порядка» (г. Тимашевск, Кореновск, Усть-Лабинск, ст. Динская и др.) [51]

на пересечении транспортных магистралей и в зоне агломерационного влияния. В данных «центрах» сосредоточены важные производственные мощности по переработке сельскохозяйственного сырья, которые имеют потенциал для технологического развития. Это нашло отражение в стратегическом планировании инновационного кластерообразования в регионе с приоритетом сфер биотехнологий и глубокой умной переработки, развитие которых может способствовать диффузии инноваций из технологического центра в производственные звенья агломерационного пространства и далее вглубь региона.

Обсуждение результатов и выводы

Инновационное развитие приморских регионов имеет свою специфику, что подтверждается результатами данного исследования и более ранних [22; 52; 53]. Это специфика связана с аккумулярованием в регионе знаний, компетенций, технологий и инноваций, обусловленных ведением морехозяйственной деятельности (рыболовство, рыбоводство, рекреация и туризм, судостроение и судоремонт, др.) и развитием морского и дополняющего его речного транспорта и инфраструктуры. Очевидно, что генеральный тренд инновационного развития задается на национальном уровне и впоследствии адаптируется на региональном и муниципальном. Помимо экономических, социальных, политических, геополитических и иных факторов на инновационную траекторию приморского региона сильное влияние оказывает природно-климатический: наличие незамерзающего порта, расположенного на пересечении значимых транспортных путей; промышленных месторождений полезных ископаемых, в том числе в шельфовой зоне; благоприятного для жизни людей климата; рекреационных ресурсов, способных выполнять функцию аттракции для туристов. В данном аспекте и были прослежены различия между инновационными системами северных и южных приморских регионов европейской части России.

Результаты нашего анализа показали, что могут быть выделены три генеральные модели инновационного развития в приморской зоне.

Первая модель обусловлена генерацией, использованием и накоплением в регионе инноваций, непосредственно связанных с морскими видами деятельности: рыболовством, портово-логистической деятельностью, судостроением, приморским туризмом и др.

Вторая модель связана с позиционированием региона как полюса для привлечения человеческого капитала и развития интеллектуальных бизнесов вследствие наличия в нем благоприятных природно-климатических условий, поддержанных социальными и институциональными инновациями, обеспечивающими сравнительно более высокий уровень и качество жизни населения и предпочтения для технологичных видов деятельности.

Третья модель основана на генерации, использовании и накоплении в регионе технологических инноваций, связанных с разработкой месторождений и добычей полезных ископаемых в приморской и прибрежной зоне с их последующей переработкой и транспортировкой по морю, а также с обеспечением возможности проживания значительного количества людей вблизи этих месторождений. Сюда же может быть отнесено развитие таких традиционных видов деятельности, как лесопереработка и сельское хозяйство, продукцию которых также выгоднее перевозить морским транспортом.

В реальных приморских регионах можно наблюдать сочетание данных моделей или, наоборот, отсутствие условий для реализации хотя бы одной. Для север-

ных приморских регионов России более актуальными являются первая и третья инновационные модели вследствие менее благоприятных условий для жизни, чем в южных регионах. Так, в Мурманской области основной инновационно-технологический потенциал сконцентрирован в горнодобывающей промышленности, а в Архангельской области — в лесоперерабатывающей. Также при государственной поддержке развиваются морехозяйственные виды деятельности: судостроение и портово-логистический комплекс. Нетехнологические, в том числе социальные, инновации представлены в северных приморских регионах слабо, что объясняется низкой концентрацией населения и ограниченным внутренним рынком. Обратная сторона этого явления — депопуляция и отток населения из низкоосвоенных районов в более развитые, преимущественно в крупные города, что вызывает гиперцентрализацию системы расселения и территориального устройства. Привлечение в северные приморские регионы России высококвалифицированных специалистов, преимущественно связано с потребностями ведущих промышленных предприятий и, как правило, сопряжено с необходимостью дополнительного инвестирования. Однако механизм удержания человеческого капитала внутри этих регионов не отработан.

Южные приморские регионы европейской части России имеют более высокий уровень инновационного развития, чем северные, что позволяет говорить о подтверждении гипотезы, выдвинутой в начале исследования. При этом значительную роль в этом сыграл агломерационный фактор. Ростовской области и Краснодарскому краю удалось сформировать сильные агломерации вокруг наиболее крупных городов, которые и стали аттракторами интеллектуальных, финансовых, человеческих, промышленных и иных ресурсов. При этом существует проблема отставания в уровне экономического и инновационного развития полупериферийных и периферийных муниципалитетов.

В Ростовской области содействие диффузии инноваций из центральной агломерации в региональную периферию может быть осуществлено путем частичного переноса производственных мощностей в сельские районы и малые города с сохранением ведущей научно-технологической роли агломерационного центра — Ростова-на-Дону. Ожидается, что эксплуатация производственных мощностей повлечет за собой инвестиции в транспортно-логистическое и коммуникационное благоустройство территории, а также создание дополнительных профильных образовательных центров, что будет способствовать повышению качества человеческого капитала в периферийных районах. Развитие полупериферии Ростовской области требует выработки самостоятельной региональной политики, призванной комплексно решить проблемы недостаточной конкурентоспособности и износа базовых градообразующих производств; ориентации на недоиспользованные конкурентные преимущества, в том числе связанные с приморским положением; комплексного благоустройства территории, не отстающего по качеству от регионального центра. Социально-экономическая и инновационная динамика в полупериферийных муниципалитетах может быть простимулирована как упрочением собственных позиций Таганрога, Новочеркасска и прилегающих к ним территорий, так и усилением агломерационного тяготения к Ростову-на-Дону.

Развитие территории Краснодарского края происходит наиболее равномерно, если сравнить его с развитием всех исследованных регионов выборки с тенденцией тяготения к морю. К настоящему времени процесс роста агломераций региона все еще обусловлен инерцией урбанизации без перехода к субурбанизационным процессам. Данный фактор существенно затрудняет диффузию инноваций, так как растет разрыв в интенсивности территориального развития. Периферия и полупериферия оказываются неконкурентоспособными в привлечении населения,

размещении новых производств. При этом опыт Краснодарского края показывает, что при реализации масштабных федеральных инвестиционных проектов по благоустройству и инноватизации городской среды обеспечивается мультипликация инвестиционных вложений, способствующая частичному выравниванию инновационного ландшафта региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-310-20016 «Приморские города в инновационном пространстве европейской части России».

Список литературы

1. *United Nations*. Inequality in a rapidly changing world: world social report. N.Y., 2020.
2. *Horner R., Hulme D.* Global development, converging divergence and development studies: A rejoinder // *Development and Change*. 2019. № 50(2). P. 495—510.
3. *Regan A.* The Imbalance of Capitalisms in the Eurozone: Can the North and South of Europe Converge? // *Comparative European Politics*. 2017. № 15(6). P. 969—990.
4. *Kasanko M., Barredo J.I., Lavalle C. et al.* Are European Cities Becoming Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas // *Landscape and Urban Planning*. 2006. Vol. 77, № 1—2. P. 111—130.
5. *Bell S., Peña A.C., Prem M.* Imagine coastal sustainability // *Ocean & Coastal Management*. 2013. №83. P. 39—51. doi: 10.1016/j.ocecoaman.2013.02.016.
6. *Serra P., Vera A., Tulla A.F.* Spatial and Socio-environmental Dynamics of Catalan Regional Planning from a Multivariate Statistical Analysis Using 1980s and 2000s Data // *European Planning Studies*. 2014. № 22(6). P. 1280—1300. doi: 10.1080/09654313.2013.782388.
7. *Shi-Qing L., Rui L.* Reshaping Economic Geography of China: “Four Little Dragons” and a New Round of China’s Western Development // *RSA China Conference 2015: “Harmonious Development, Common Prosperity and the Transformation of Cities and Regions”*. URL: <http://www.regionalstudies.org/uploads/funding/conferences/presentations/european-conference-2012/presentations/shiqing-and-rui.pdf> (дата обращения:).
8. *Barragán J.M., de Andrés M.* Analysis and trends of the world’s coastal cities and agglomerations // *Ocean and Coastal Management*. 2015. № 114. P. 11—20. doi: 10.1016/j.ocecoaman.2015.06.004.
9. *Salvati L., Zitti M.* Territorial disparities, natural resource distribution, and land degradation: a case study in southern Europe // *Geojournal*. 2007. Vol. 70, № 2—3. P. 185—194.
10. *Morrissey K.* An inter and intra-regional exploration of the marine sector employment and deprivation in England // *The Geographical Journal*. 2015. № 181. P. 295—303. doi: 10.1111/geoj.12099.
11. *Kildow J.T., McIlgorm A.* The importance of estimating the contribution of the oceans to national economies // *Marine Policy*. 2010. № 34. P. 367—374.
12. *Morrissey K., O’Donoghue C., Hynes S.* Quantifying the value of multi-sectoral marine commercial activity in Ireland // *Marine Policy*. 2011. № 35. P. 721—727.
13. *Fletcher S., Smith H.D.* Geography and Coastal Management // *Coastal Management*. 2007. № 35(4). P. 419—427. doi: 10.1080/08920750701525750.
14. *Geenhuizen M., Rietveld P.* Land-borders and sea-borders: An exploration of differences in border region development // *Journal of Borderlands Studies*. 2002. № 17:2. P. 63—77. doi: 10.1080/08865655.2002.9695591.
15. *Arrighi G., Silver B.J., Brewer B.D.* Industrial convergence, globalization, and the persistence of the North-South divide // *Studies in comparative international development*. 2003. № 38(1). P. 3—31.
16. *Kummu M., Moel H., Salvucci G. et al.* Over the hills and further away from coast: global geospatial patterns of human and environment over the 20th—21st centuries // *Environmental Research Letters*. 2016. Vol. 11, № 3. doi:10.1088/1748-9326/11/3/034010.
17. *Small C., Cohen J.* Continental Physiography, Climate, and the Global Distribution of Human Population // *Current Anthropology*. 2004. Vol. 45, № 2. P. 269—277.

18. *Coccia M.* Patterns of innovative outputs across climate zones: the geography of innovation // *Prometheus*. 2015. Vol. 33(2). P. 165—186.
19. *Coenen L., Campbell S., Wiseman J.* Regional Innovation Systems and Transformative Dynamics: Transitions in Coal Regions in Australia and Germany // *Regional Innovation Systems — Theoretical Advances, Empirical Cases and Policy Lessons*. Springer, 2018. doi: 10.1007/978-3-319-71661-9_10.
20. *Tödting F., Lehner P., Trippel M.* Innovation in knowledge intensive industries: The nature and geography of knowledge links // *European planning studies*. 2006. Vol. 14(8). P. 1035—1058.
21. *Cantasano N., Pellicone G.* Marine and river environments: a pattern of Integrated Coastal Zone Management (ICZM) in Calabria (Southern Italy) // *Ocean & Coastal Management*. 2014. Vol. 89. P. 71—78. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2013.12.007>.
22. *Doloreux D., Melancon Y.* On the dynamics of innovation in Quebec's coastal maritime industry // *Technovation*. 2008. № 28. P. 231—243.
23. *Colgan C.* The ocean economy of the United States: measurement, distribution and trends // *Ocean and Coastal Management*. 2013. № 71. P. 334—343.
24. *Hynes S., Farrelly N.* Defining standard statistical coastal regions for Ireland // *Marine Policy*. 2012. Vol. 36(2). P. 393—404.
25. *Morrissey K., O'Donoghue C.* The Irish marine economy and regional development // *Marine Policy*. 2012. № 36. P. 358—364.
26. *Henderson J. Vernon; Shalizi, Zmarak; Venables, Anthony J.* Geography and Development // *Policy Research Working Paper*. World Bank, Washington, DC, 2000. Vol. 1.
27. *Camagni R.* Regional Competitiveness: Towards a Concept of Territorial Capital // *Seminal Studies in Regional and Urban Economics*. 2017. P. 115—131. doi:10.1007/978-3-319-57807-1_6.
28. *Li J.L., Yao D.M., Xu X.C.* Regional economic integration of ASEAN—an empirical analysis based on national border effect // *Economics Theory and Business Management*. 2012. № 4. P. 102—112.
29. *Bulleri F., Chapman M.G.* The Introduction of Coastal Infrastructure as a Driver of Change in Marine Environments // *Journal of Applied Ecology*. 2010. Vol. 47, № 1. P. 26—35. doi: 10.1111/j.1365-2664.2009.01751.x.
30. *Cetin M., Musaoglu N., Tanik A.* Multitemporal Assessment of Land — Use Change in a Rapidly Urbanizing Coastal Region in Turkey Using Remote Sensing // *Environmental Engineering Science*. 2008. Vol. 25, № 6. P. 917—928. doi: 10.1089/ees.2006.0254.
31. *Пилясов А.Н., Гальцева Н.В., Атаманова Е.А.* Экономика арктических «островов» (на примере Ненецкого и Чукотского автономных округов) // *Экономика региона*. 2017. №1(13). С. 114—125. doi: 10.17059/2017-1-11.
32. *Salvati L., Carlucci M.* Patterns of Sprawl: The Socioeconomic and Territorial Profile of Dispersed Urban Areas in Italy // *Regional Studies*. 2015. № 50(8). P. 1346—1359. doi:10.1080/0343404.2015.1009435.
33. *Cori B.* Spatial dynamics of Mediterranean coastal regions // *Journal of Coastal Conservation*. 1999. № 5. P. 105—112.
34. *Salvati L.* Looking at the Future of the Mediterranean Urban Regions: Demographic Trends and Socioeconomic Implications // *Romanian journal of regional science*. 2014. № 8(2). P. 74—83.
35. *Bloom D., Canning D., Malaney P.* Population Dynamics and Economic Growth in Asia // *Population and Development Review*. 2000. № 26. P. 257—290. URL: www.jstor.org/stable/3115219 (дата обращения:).
36. *Siry H.Y.* Making Decentralized Coastal Zone Management Work for the Southeast Asian Region: Comparative perspectives office of Legal Affairs: division for Ocean Affairs and the Law of the Sea. The United Nations, 2007.
37. *Yeung Y.M.* Coastal mega-cities in Asia: transformation, sustainability and management // *Ocean & Coastal Management*. 2001. № 44 (5—6). P. 319—333. doi: 10.1016/S0964-5691(01)00053-9.
38. *Скуфьина Т.П., Баранов С.В., Бажутова Е.А., Яковчук А.А.* Выявление современных особенностей и тенденций социально-экономического развития Мурманской области // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2018. №4. С. 92—101. doi: 10.25702/KSC.2220-802X.4.2018.60.92-101.
39. *Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф., Трифонова П.С., Лопатин В.М.* Источники формирования добавленной стоимости муниципальных образований Мурманской области // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2019. №4 (60).

40. *Марецкая В.Н., Марецкая А.Ю.* К вопросу о социально-экономическом развитии северных территорий Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 5 (61). С. 131—144. doi: 10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.131-144.
41. *Ковров Д.Ю.* Стратегии развития муниципальных образований: особенности и реализация (на примере Архангельской области) // АНИ: экономика и управление. 2019. № 2 (27). С. 170—174. doi: 10.26140/anie-2019-0802-0041.
42. *Сухинин С.А.* Структурные особенности экономического пространства Юга России // АНИ: экономика и управление. 2019. №3 (28). С. 354—359. doi: 10.26140/anie-2019-0803-0081.
43. *Ткаченко Ю.Г.* Вопросы диспропорций социально-экономического развития территории в условиях межрегиональной нестабильности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2018. №4 (230). С. 79—84.
44. *Миргородская Е.О., Сухинин С.А.* Неоднородность регионального экономического пространства: концептуальные подходы и методика идентификации // Вестник ВолГУ. Сер. 3: Экономика. Экология. 2017. №3 (40). С. 143—154. doi: 10.15688/jvolsu3.2017.3.14.
45. *Абдуллаев Р.А., Мищенко К.Н.* Исследование теоретико-методических основ концепции территориального развития региона и формирование системы полюсов роста Ростовской области // Региональная экономика: теория и практика. 2017. №5 (440). С. 802—813. doi: 10.24891/ге.15.5.802.
46. *Чернова Т.В.* Статистические характеристики дифференциации экономического развития муниципальных образований // Вестник РГЭУ РИНХ. 2015. №1 (49). С. 138—143.
47. *Сухинин С.А.* Социально-экономическое районирование северо-восточной периферии Ростовской области в интересах формирования территориально сбалансированной концепции ее развития // Региональная экономика: теория и практика. 2015. №21 (396). С. 36—47.
48. *Mikhaylova A.A.* The dimension of innovation in the economic security of Russian Regions // European Journal of Geography. 2018. №9 (4). P. 88—104.
49. *Казakov М.Ю.* Методические основы мониторинга периферийных территорий аграрно-индустриального региона // РППЭ. 2018. №3 (89). С. 26—33. doi: 10.26726/1812-7096-2018-3-26-33.
50. *Горочная В.В.* Инновационная безопасность и кластеризация в динамике мультиклического регионального воспроизводства: декомпозиция, модель, специфика приграничных регионов // Экономические науки. 2019. № 181. С. 200—214. doi: 10.14451/1.181.200.
51. *Андреева Ю.В.* Градостроительные подходы и приемы пространственного развития структурных элементов Ростовской и Краснодарской городских агломераций // АМГТ. 2017. №2 (39). С. 284—296. doi: 10.14451/1.181.200.
52. *Mikhaylov A.S.* Coastal agglomerations and the transformation of national innovation spaces // Baltic Region. 2019. № 11(1). P. 29—42. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-3.
53. *Lachinskii S.S., Mikhaylov A.S., Samusenko D.N. et al.* Coastal Cities and Agglomerations in the Innovative Space of Western Russia // Regional Research of Russia. 2019. № 9(4). P. 396—405.

Об авторах

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова, Россия.

E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

Василиса Валерьевна Горочная, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; специалист по учебно-методической работе, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: tunduk@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6493-8864>

Дмитрий Витальевич Хвале́й, студент, лаборант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: hvaley_gusev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9701-9442>

Иван Сергеевич Гуменюк, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития, Институт природопользования, территориального планирования и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ivagum85@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8477-5342>

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIAN COASTAL REGIONS: NORTH–SOUTH DIVERGENCE

A.S. Mikhaylov^{1,2}

V.V. Gorochnaya^{1,3}

D.V. Hvaley¹

I.S. Gumenyuk¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St, Kaliningrad, 236016, Russia

² LETI Saint Petersburg Electrotechnical University
5 Prof Popova St, Saint Petersburg, 197022, Russia

³ Southern Federal University
105 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia

Received 15 April 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-7

© Mikhaylov, A. S., Gorochnaya, V. V.,
Hvaley, D. V., Gumenyuk I. S., 2020

Coastal regions are territorial social systems whose socio-economic and innovative development is strongly influenced by the factor of coastalisation. The effect of movement to the sea determines the dynamics of settlement systems as well as their economic and infrastructure development. This holds for transport, logistics, information and communications, industrial, and other infrastructure. Coastal regions are so diverse that it is impossible to construct a development model that will fit all of them. One can speak only of general trends. This study focuses on identifying differences between the innovation systems of northern and southern coastal regions within the same country. The geographical scope of the study is four Russian coastal territories: Murmansk and Arkhangelsk in the Baltic Sea region and Rostov and Krasnodar in the Azov-Black Sea region. Methodologically, this study carries out a comparative assessment of heterogeneity of innovative development at municipal and interregional levels, using four groups of indicators: human capital, economic growth and clustering, innovation and digitalisation, and quality and standards of living. All these components are vital for regional innovative development. A statistical assessment is supplemented by a qualitative analysis of spatial patterns of innovation capital accumulation; the agglomeration factor is taken into account. It is shown that northern and southern coastal regions perform very differently on innovative development, the latter doing better than the former. Three main models of innovation generation, implementation, and accumulation of coastal regions are described. Each is associated with a different way to benefit from proximity to the sea. These are maritime activities, maritime transport, and the economic use of recreational, natural and climatic resources.

Keywords: coastal region, innovation capital, coastalisation, urban agglomeration, innovation geography, innovation space

References

1. United Nations, 2020, *Inequality in a rapidly changing world: world social report*, New York, United Nations, Sales No. E.20.IV.1, 216 p.
2. Horner, R., Hulme, D. 2019, Global development, converging divergence and development studies: A rejoinder, *Development and Change*, Vol. 50, no. 2, p. 495—510.
3. Regan, A. 2017, The Imbalance of Capitalisms in the Eurozone: Can the North and South of Europe Converge? *Comparative European Politics*, no. 15(6), p. 969—990.
4. Kasanko, M., Barredo, J.I., Lavalle, C., McCormick, N., Demicheli, L., Sagris, V. and Brezger, A. 2006, Are European Cities Becoming Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas, *Landscape and Urban Planning*, Vol. 77, no. 1—2, p. 111—130.
5. Bell, S., Peña, A.C., Prem, M. 2013, Imagine coastal sustainability, *Ocean & Coastal Management*, no.83, p. 39—51. doi: 10.1016/j.ocecoaman.2013.02.016.
6. Serra, P., Vera, A., Tulla, A.F. 2014, Spatial and Socio-environmental Dynamics of Catalan Regional Planning from a Multivariate Statistical Analysis Using 1980s and 2000s Data, *European Planning Studies*, Vol. 22, no. 6, p. 1280—1300. doi: 10.1080/09654313.2013.782388.
7. Shi-Qing, L., Rui, L. 2012, Reshaping Economic Geography of China: “Four Little Dragons” and a New Round of China’s Western Development, RSA China Conference 2012: “Harmonious Development, Common Prosperity and the Transformation of Cities and Regions”, available at: <http://www.regionalstudies.org/uploads/funding/conferences/presentations/european-conference-2012/presentations/shiqing-and-rui.pdf> (accessed 15.02.2020).
8. Barragán, J.M., de Andrés, M. 2015, Analysis and trends of the world’s coastal cities and agglomerations, *Ocean and Coastal Management*, no. 114, p. 11—20. doi: 10.1016/j.ocecoaman.2015.06.004.
9. Salvati, L., Zitti, M. 2007, Territorial disparities, natural resource distribution, and land degradation: a case study in southern Europe, *Geojournal*, Vol. 70, no. 2—3, p. 185—194.
10. Morrissey, K. 2015, An inter and intra-regional exploration of the marine sector employment and deprivation in England, *The Geographical Journal*, no. 181, p. 295—303. DOI: 10.1111/geoj.12099.
11. Kildow, J.T., McIlgorm, A. 2010, The importance of estimating the contribution of the oceans to national economies, *Marine Policy*, no. 3, p. 367—374.
12. Morrissey, K., O’Donoghue, C., Hynes, S. 2011, Quantifying the value of multi-sectoral marine commercial activity in Ireland, *Marine Policy*, no. 35, p. 721—727.
13. Fletcher, S., Smith, H.D. 2007, Geography and Coastal Management, *Coastal Management*, Vol. 35, no. 4, p. 419—427. doi: 10.1080/08920750701525750
14. Geenhuizen, M., Rietveld P. 2002, Land-borders and sea-borders: An exploration of differences in border region development, *Journal of Borderlands Studies*, Vol. 17, no.2, p. 63—77. doi: 10.1080/08865655.2002.9695591.
15. Arrighi, G., Silver, B.J., Brewer, B.D. 2003, Industrial convergence, globalization, and the persistence of the North-South divide, *Studies in comparative international development*, no. 38(1). p. 3—31.
16. Kumm, M., Moel, H., Salvucci, G., Viviroli, D., Ward, P., Varis, O. 2016, Over the hills and further away from coast: global geospatial patterns of human and environment over the 20th—21st centuries, *Environmental Research Letters*, Vol. 11, no. 3, 034010. doi:10.1088/1748-9326/11/3/034010.
17. Small, C., Cohen, J. 2004, Continental Physiography, Climate, and the Global Distribution of Human Population, *Current Anthropology*, Vol. 45, no. 2, p. 269—277.
18. Coccia, M. 2015, Patterns of innovative outputs across climate zones: the geography of innovation, *Prometheus*, Vol. 33, no. 2, p. 165—186.
19. Coenen, L., Campbell, S., Wiseman, J. 2018, Regional Innovation Systems and Transformative Dynamics: Transitions in Coal Regions in Australia and Germany, *Regional Innovation Systems — Theoretical Advances, Empirical Cases and Policy Lessons*, Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-319-71661-9_10.
20. Tödtling, F., Lehner, P., Trippl, M. 2006, Innovation in knowledge intensive industries: The nature and geography of knowledge links, *European planning studies*, Vol. 14, no. 8, p. 1035—1058.
21. Cantasano, N., Pellicone, G. 2014, Marine and river environments: a pattern of Integrated Coastal Zone Management (ICZM) in Calabria (Southern Italy), *Ocean & Coastal Management*, no. 89. P. 71—78. doi: 10.1016/j.ocecoaman.2013.12.007.

22. Doloreux, D., Melancon, Y. 2008, On the dynamics of innovation in Quebec's coastal maritime industry, *Technovation*, Vol. 28, p. 231—243.
23. Colgan, C. 2013, The ocean economy of the United States: measurement, distribution and trends, *Ocean and Coastal Management*, no. 71. p. 334—343.
24. Hynes, S., Farrelly, N. 2012, Defining standard statistical coastal regions for Ireland, *Marine Policy*, Vol. 36, no. 2, p. 393—404.
25. Morrissey, K., O'Donoghue, C. 2012, The Irish marine economy and regional development, *Marine Policy*, no. 36, p. 358—364.
26. Henderson, J.V., Shalizi, Z., Venables, A.J. 2000, Geography and Development, *Policy Research Working Paper*, no. 1, World Bank, Washington, DC.
27. Camagni, R. 2017, Regional Competitiveness: Towards a Concept of Territorial Capital, *Seminal Studies in Regional and Urban Economics*, p. 115—131. doi:10.1007/978-3-519-57807-1_6
28. Li, J.L., Yao, D.M., Xu, X.C. 2012, Regional economic integration of ASEAN — an empirical analysis based on national border effect, *Economics Theory and Business Management*, no. 4, p. 102—112.
29. Bulleri, F., Chapman, M.G. 2010, The Introduction of Coastal Infrastructure as a Driver of Change in Marine Environments, *Journal of Applied Ecology*, Vol. 47, no. 1. pp. 26—35. doi: 10.1111/j.1365-2664.2009.01751.x.
30. Cetin, M., Musaoglu, N., Tanik, A. 2008, Multitemporal Assessment of Land-Use Change in a Rapidly Urbanizing Coastal Region in Turkey Using Remote Sensing, *Environmental Engineering Science*, Vol. 25, no. 6. p. 917—928. doi: 10.1089/ees.2006.0254.
31. Pelyasov, A.N., Galtseva, N.V., Atamanova, E.A. 2017, Economy of the arctic "islands": the case of Nenets and Chukotka autonomous okrugs, *Economy of region*, no. 1(13), p. 114—125. doi: 10.17059/2017—1—11.
32. Salvati, L., Carlucci, M. 2015, Patterns of Sprawl: The Socioeconomic and Territorial Profile of Dispersed Urban Areas in Italy, *Regional Studies*, vol. 50, no. 8, p. 1346—1359. doi:10.1080/00343404.2015.1009435.
33. Cori, B. 1999, Spatial dynamics of Mediterranean coastal regions, *Journal of Coastal Conservation*, no. 5, p. 105—112.
34. Salvati, L. 2014, Looking at the Future of the Mediterranean Urban Regions: Demographic Trends and Socioeconomic Implications, *Romanian journal of regional science*, Vol. 8, no. 2, p. 74—83.
35. Bloom, D., Canning, D., Malaney, P. 2000, Population Dynamics and Economic Growth in Asia, *Population and Development Review*, Vol. 26, p. 257—290, available at: www.jstor.org/stable/3115219.
36. Siry, H.Y. 2007, *Making Decentralized Coastal Zone Management Work for the Southeast Asian Region: Comparative perspectives office of Legal Affairs: division for Ocean Affairs and the Law of the Sea*, The United Nations.
37. Yeung, Y.M. 2001, Coastal mega-cities in Asia: transformation, sustainability and management, *Ocean & Coastal Management*, Vol. 44, no. 5—6, p. 319—333. doi: 10.1016/S0964-5691(01)00053-9.
38. Skufina, T.P., Baranov, S.V., Bazhutova, E.A., Yakovchuk, A.A. 2018, Detection of current features and trends of socio-economic development of the Murmansk region, *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porádka*, Vol. 4, p. 92—101. doi: 10.25702/KSC.2220-802X.4.2018.60.92-101 (In Russ.).
39. Zakharchuk, E.A., Pasyukov, A.F., Trifonova, P.S., Lopatin, V.M. 2019, sources of value added municipalities of the Murmansk region, *Regional economics and management: electronic scientific journal*, no. 4 (60) (In Russ.).
40. Maretskaya, V.N., Maretskaya, A.Yu. 2018, To the question of socio-economic development of rural territories in the Murmansk region, *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porádka*, no. 5 (61), p. 131—144. doi: 10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.131-144 (In Russ.).
41. Kovrov, D.Yu. 2019, Development strategies of municipal authorities: features and implementation (on the example of the Arkhangelsk region), *ASR: Economics and Management*, no. 2 (27). p. 170—174. doi: 10.26140/anie-2019-0802-0041 (In Russ.).
42. Sukhinin, S.A. 2019, Structural features of the economic space of South Russia, *ASR: Economics and Management*, no. 3 (28), p. 354—359. doi: 10.26140/anie-2019-0803-0081 (In Russ.).
43. Tkachenko, Yu.G. 2018, Issues of disproportions of social and economic development of the territory in the conditions of interregional instability, *The Bulletin of the Adyge State University*, no. 4 (230), p. 79—84 (In Russ.).

44. Mirgorodskaya, E.O., Sukhinin, S.A. 2017, The heterogeneity of the region's economic space: conceptual approaches and identification methods, *Journal of Volgograd State University. Economics*, no. 3 (40), p. 143—154. doi: 10.15688/jvolsu3.2017.3.14 (In Russ.).
45. Abdullaev, R.A., Mishchenko, K.N. 2017, A research into the theoretical and methodological foundations of the concept of regional spatial development and the formation of growth poles of the Rostov oblast, *Regional Economics: Theory and Practice*, no. 5 (440), p. 802—813. doi: 10.24891/re.15.5.802 (In Russ.).
46. Chernova, T.V. 2015, Statistical characteristics of differentiating economic development of municipalities, *Vestnik RSUE*, no. 1 (49), p. 138—143 (In Russ.).
47. Sukhinin, S.A. 2015, Socio-economic zoning of the north-eastern periphery of the Rostov region for a geographically balanced development concept, *Regional Economics: Theory and Practice*, no. 21 (396), p. 36—47 (In Russ.).
48. Mikhaylova, A.A. 2018, The dimension of innovation in the economic security of Russian Regions, *European Journal of Geography*, Vol. 9, no. 4, p. 88—104.
49. Kazakov, M. Yu. 2018, Methodical foundations of monitoring of peripheral territories of the agro-industrial region, *Regional problems of transforming the economy*, no. 3 (89). p. 26—33. doi: 10.26726/1812-7096-2018-3-26-33 (In Russ.).
50. Gorochnaya, V.V. 2019, Innovation security and clustering in the dynamics of multicyclic regional reproduction: decomposition, model, specifics of border regions, *Economic sciences*, no. 181, p. 200—214. doi: 10.14451/1.181.200 (In Russ.).
51. Andreeva, J.V. 2017, Town-planning approaches and methods of spatial development of structural elements of Rostov and Krasnodar urban agglomerations, *AMIT*, no. 2 (39), p. 284—296. doi: 10.14451/1.181.200.
52. Mikhaylov, A.S. 2019, Coastal agglomerations and the transformation of national innovation spaces, *Balt. Reg.*, no. 11(1), p. 29—42. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-3.
53. Lachininskii, S.S., Mikhaylov, A.S., Samusenko, D.N., Mikhaylova, A.A., Sorokin, I.S. 2019, Coastal Cities and Agglomerations in the Innovative Space of Western Russia, *Regional Research of Russia*, no. 9 (4), p. 396—405.

The authors

Dr Andrey S. Mikhaylov, Leading Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; LETI Saint Petersburg Electrotechnical University, Russia.

E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

Dr Vasilisa V. Gorochnaya, Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Southern Federal University, Russia.

E-mail: tunduk@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6493-8864>

Dmitry V. Hvalej, Student, Laboratory Assistant, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: hvalej_gusev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9701-9442>

Dr Ivan S. Gumenyuk, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ivagum85@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8477-5342>

МЕНЕДЖМЕНТ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ТУРИСТСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ: ПРИМЕР РЕГИОНА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Т. Студзеницкий¹

А. Якубовский²

Б. Мейер³

¹ Морской университет в Гдыне,
81-225, Польша, Гдыня, ул. Морская 81—87

² Университет Марии Склодовской-Кюри,
20-718, Польша, Люблин, ул. Красницка 2д

³ Университет Щецина,
71-101, Польша, Щецин, ул. Мицкевича, 64

Поступила в редакцию 17.07.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-8

© Студзеницкий Т., Якубовский А.,
Мейер Б., 2020

Особенности управления туристскими дестинациями широко освещены в научной литературе, однако менеджмент транснациональных дестинаций, располагающихся на территории нескольких стран, не изучен. Развитие транснациональных дестинаций обусловлено эффективным сотрудничеством основных заинтересованных сторон. Условия для этого сформировались в регионе Балтийского моря (РБМ) в конце XX века на фоне интенсивного развития интеграционных процессов. РБМ стал первым макро-регионом Европейского союза, реализующим транснациональную стратегию, в рамках которой туризм был признан одним из приоритетов развития региона. Создание эффективной системы управления туристскими дестинациями стало ключевой задачей этого процесса. Цель данной статьи дать определение концепции менеджмента транснациональной туристской дестинации и подвергнуть ее критическому анализу. Одной из задач исследования стали выявление изменяющихся детерминант управления туризмом в регионе Балтийского моря и выявление характера отношений, связывающих основные заинтересованные стороны. Авторами был проведен обзор научной литературы по вопросу менеджмента туристских дестинаций, осуществлен критический анализ вторичных источников (документов, информационных материалов, интернет-ресурсов). В качестве методов исследования были выбраны совместное наблюдение и интервью. В исследовании выделены три модели менеджмента туристских дестинаций: ориентированное на маркетинг, на планирование и на управление. Развитие менеджмента туристских дестинаций характеризовалось постепенным увеличением доли участия в нем субъектов государственного сектора, что было связано с маргинализацией индустрии туризма. Данная тенденция привела к систематическому сокращению государственного финансирования структур, управляющих туристической отраслью. Выделение средств Европейским союзом в рамках программ Европейского территориального сотрудничества стало частичным, но не совсем эффективным решением этой проблемы.

Ключевые слова:

транснациональная туристская дестинация, менеджмент туристской дестинации, международное сотрудничество, регион Балтийского моря, Балтийский регион

Для цитирования: Студзеницкий Т., Якубовский А., Мейер Б. Менеджмент транснациональных туристских дестинаций на примере региона Балтийского моря // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 127—146. doi: 10.5922/2078-8555-2020-3-8.

Введение

В конце XX века в результате геополитических изменений в Европе регион Балтийского моря стал зоной очень динамичного социально-экономического сотрудничества. Это сотрудничество усилилось с вступлением Польши и Прибалтийских государств в Европейский союз в 2004 году. Следующим этапом интеграции стран Балтии стала разработка инновационной Стратегии Европейского союза для региона Балтийского моря в 2009 году. Развитие транснационального туризма стало одним из приоритетов Стратегии. Был осуществлен ряд мероприятий по созданию и внедрению модели многоуровневого управления туризмом. Следует подчеркнуть, что данные мероприятия — это не первая попытка управлять транснациональной туристской дестинацией, которой является регион Балтийского моря.

В настоящей статье представлен сравнительный анализ современной концепции и ранее изученных подходов в управлении туристскими дестинациями стран Балтийского моря. Такой подход помогает определить детерминанты туристического сотрудничества в регионе Балтийского моря, а также вносит вклад в развитие концепции транснационального управления туристскими дестинациями. Из всех макрорегионов ЕС РБМ является наиболее передовым в развитии транснационального туризма; в результате он становится своего рода испытательным полигоном, опыт которого может быть применен в других макрорегионах ЕС.

Различные подходы к менеджменту туристских дестинаций

В научной литературе существует большое количество определений понятия «туристская дестинация», однако, несмотря на различные толкования, можно выделить основные положения при его характеристике:

- 1) территория [1] (коммуна [2], пространство, район, регион, место), которая составляют пункт назначения туристов [3];
- 2) совокупность субъектов (учреждений [4], кластеров [5]), создающих условия для туризма в посещаемой зоне;
- 3) совокупность продуктов, потребляемых посетителями во время их пребывания на этой территории [6];
- 4) совокупность впечатлений (ощущений), которые посетители получают от пребывания в этой зоне [7].

Различные подходы к определению термина «туристическая дестинация» дополняют друг друга, что позволяет охарактеризовать его более полно [8].

Согласно определению, данному Всемирной туристской организацией (ЮНВТО), туристская дестинация — «физическое пространство, в котором посетитель проводит время по крайней мере с одной ночевкой. Оно включает туристские продукты, такие как услуги и объекты туристической привлекательности (аттракции), и туристские ресурсы в пределах одного дня путешествия. Это пространство имеет физические и административные границы, определяющие способ его управления, образы и восприятие, создающие его рыночную конкурентоспособность»¹.

В свою очередь, в руководстве Европейской комиссии по управлению районами устойчивого туризма² дестинация характеризуется как:

- 1) географический район, в настоящее время или потенциально привлекательный для посетителей / туристов;

¹ *A Practical Guide to Tourism Destination Management*. Madrid, 2007.

² *The European Tourism Indicator System ETIS — toolkit for sustainable destination management*. URL: https://ec.europa.eu/growth/sectors/tourism/offer/sustainable/indicators_en (дата обращения: 02.07.2020).

2) место или район, который четко определяется как пункт назначения для посетителей и имеет целый набор объектов и продуктов, которые возможно использовать в туристических целях;

3) место или район, который рекламируется как пункт назначения для туриста или потребителя туристических услуг;

4) место или область, где процесс управления посетителями обычно включает в себя целый ряд заинтересованных сторон государственного и частного секторов, включая принимающее сообщество;

5) место или область, в котором предложение и спрос на туристические услуги, то есть экономику посетителя, можно определить.

Ряд научных исследований доказывает, что туристские дестинации являются ключевыми точками развития туризма [9] и, следовательно, для изучения туризма. При этом трудности управления дестинациями обусловлены их комплексным характером [10], а именно тем фактом, что менеджмент дестинаций осуществляется посредством широкого спектра инструментов [11]. Управление дестинациями зачастую осуществляется специализированными профессиональными учреждениями («организация менеджмента дестинации») [12]. Другим часто встречающимся решением является совместное (органы государственного управления и организации, выполняющие отдельные виды работ) управление дестинациями [13]. Эти задачи в основном касаются маркетинга [14], поэтому такие организации называются «организациями маркетинга дестинаций» [15].

В случае международных дестинаций осуществление менеджмента намного сложнее, что вызвано, помимо прочих факторов, различающимися административными структурами, правовыми порядками и несовместимостью систем управления туризмом. Именно поэтому исследователи и практики ищут новые организационные, правовые и экономические решения для поддержки развития транснационального туризма [16]. В целях управления туристскими дестинациями используются и адаптируются решения, разработанные в рамках теории многоуровневого управления [17]. Они предполагают включение основных заинтересованных сторон из дестинации в процесс управления. Таким образом, происходит разделение расходов на развитие туризма в дестинации.

Регион Балтийского моря как туристская дестинация

Отсутствие единого подхода к пониманию границ и состава Балтийского региона, приводит к тому, что остается нерешенным и вопрос о разграничении дестинаций в Балтийском регионе. Существует множество определений понятия «регион Балтийского моря» [18]. Бесспорно, в этот регион входят страны, имеющие доступ к Балтийскому морю, однако в некоторых случаях Беларусь и Норвегия, которые не имеют такого доступа к Балтийскому морю, также рассматриваются как часть региона; эти страны расположены в Балтийском бассейне и функционально связаны с остальными странами Балтии.

В целях исследования допустимо предположить, что регион Балтийского моря охватывает десять стран, восемь из которых являются государствами — членами ЕС, а две — странами-партнерами. Государства — члены ЕС — это Дания, Эстония, Финляндия, Германия (земли Берлин, Бранденбург, Бремен, Гамбург, Мекленбург-Передняя Померания, Шлезвиг-Гольштейн и Нижняя Саксония (только область NUTS II региона Люнебург)), Латвия, Литва, Польша и Швеция; страны-партнеры: Норвегия и Россия (Санкт-Петербург, Архангельская область, Вологодская область, Калининградская область, Республика Карелия, Республика Коми, Ленинградская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Новгородская область и Псковская область). Данный подход к определению границ и состава региона Балтийского моря идентичен подходу, используемому программой региона Балтийского моря INTERREG (рис. 1)³.

³ Area // Interreg Baltic Sea Region. URL: <https://www.interreg-baltic.eu/about-the-programme/area.html> (дата обращения: 06.07.2020).

Рис. 1. Область действия программы региона Балтийского моря INTERREG в 2014—2020 годах

Источник: авторская разработка, основанная на [21].

Продвижение региона Балтийского моря как транснациональной туристской дестинации началось с распада СССР и приобретения независимости Литвой, Латвией и Эстонией. В Европе трансграничное сотрудничество стало динамично развиваться [19], охватывая не только страны, но и регионы и города. Основой для устойчивого развития [20] дестинации была идея использования привлекательного исторического и природного наследия региона, многочисленных связей между государствами, расположенными на Балтийском море, и готовность сотрудничать (с энтузиазмом, выраженным основными заинтересованными сторонами) в туристических целях [21]. С тех пор были внедрены различные решения для менеджмента дестинации, которые можно представить тремя моделями: маркетинг, планирование и управление.

Комиссия по туризму Балтийского моря: ориентированный на маркетинг менеджмент дестинации

Комиссия по туризму Балтийского моря представляла собой учреждение, координирующее маркетинговую деятельность ключевых структур туристической системы региона Балтийского моря. Она была зарегистрирована в Швеции в 1990-х годах как международная неправительственная организация. Идея ее создания родилась во время Балтийской туристической конференции в Любеке (Германия) в 1988 году. Название этой организации — Baltic Tourism Commission (BTC) — было изменено с момента ее создания на Baltic Sea Tourism Commission вследствие необходимости добавить слово «море», поскольку организация ранее была связана только с прибалтийскими республиками. Несмотря на изменение названия, аббревиатура BTC исполъе зовалась до роспуска этого учреждения, которое произошло примерно в 2010 году.

Инициаторами создания этой организации были представители индустрии туризма (туроператоры, авиаперевозчики, морские перевозчики и отельеры, среди прочих). Кроме них членами BTC также были правительственные органы и органы самоуправления, туристические организации (на национальном, региональном и местном уровнях) и субъекты социального сектора (рис. 2).

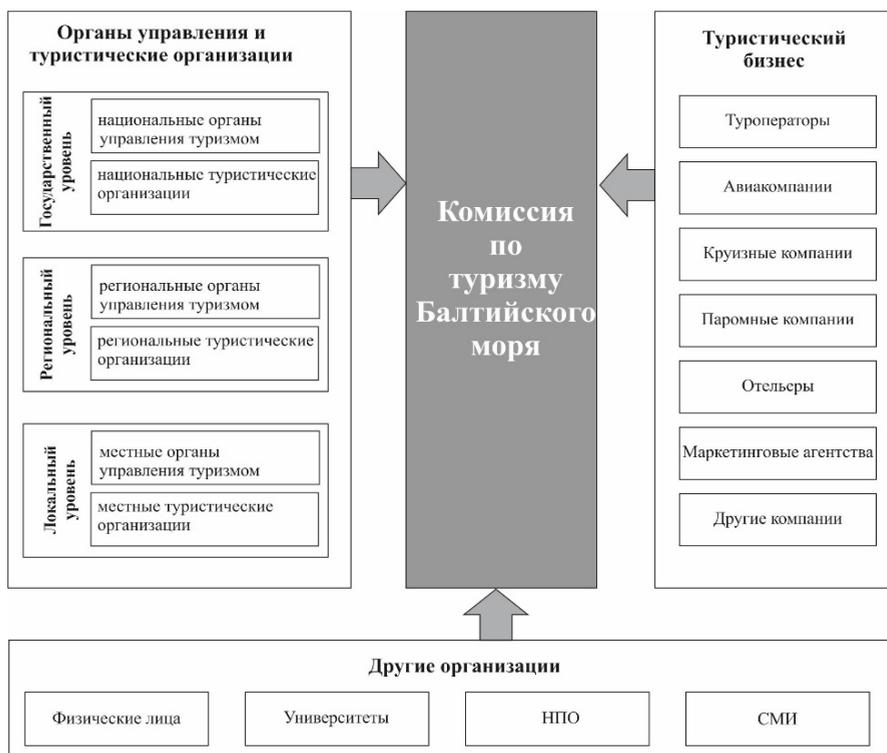

Рис. 2. Организационная модель Комиссии по туризму Балтийского моря

Источник: разработка авторов, основанная на данных *Baltic Sea Breezes*⁴.

Следует отметить, что в BTC состояли не только представители соответствующих дестинаций, но также организации (в основном туроператоры) из стран, направляющих туристов (рис. 3). Эта структура была очень полезна в продвижении туристических продуктов на целевых рынках, включая зарубежные (Австралия, Канада, США).

⁴ *Baltic Sea Breezes*. 2004. № 5. P. 48.

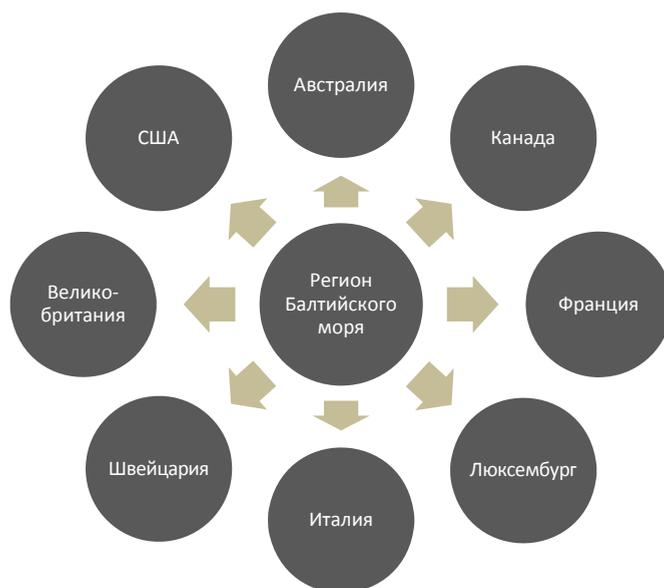

Рис. 3. Направляющие туристов страны, входящие в Комиссию по туризму Балтийского моря
Источник: собственная разработка, основанная на данных Baltic Sea Breezes.

На пике своего существования ВТС насчитывала более 100 участников, со временем их количество стало уменьшаться. К 2004 году в организации было всего 62 подразделения, в том числе 44 — из стран, расположенных на Балтийском море. В то время субъекты из России больше не были частью ВТС, но сотрудничество с целевыми группами (например, Группой янтарного наследия, Группой Ганзейского наследия, Группой наследия викингов) осуществлялось при участии российских властей и туроператоров (*Baltma Tours*, например). Финляндия предоставила наибольшее количество организаций, которые имели членство в ВТС, в то время как наименьшее количество членов было из стран, имеющих собственный развитый рынок туристических услуг.

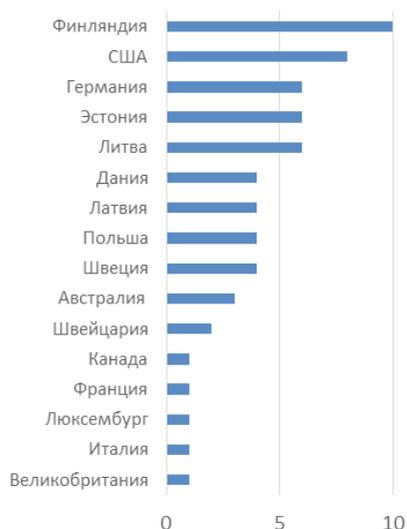

Рис. 4. Количество участников Комиссии по туризму Балтийского моря из различных стран

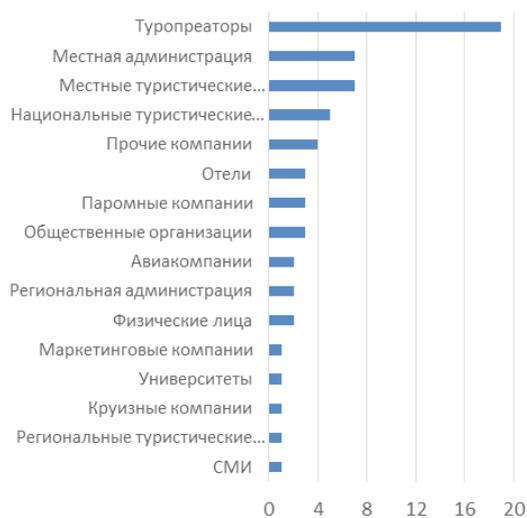

Рис. 5. Количество участников Комиссии по туризму Балтийского моря, представляющих различные категории

Комиссия функционировала как типичная организация маркетинга дестинации (ОМД). Она проводила маркетинговые мероприятия, включая совместную подготовку транснациональных туристических продуктов, которые затем предлагались на целевых рынках. Организация имела собственные веб-сайт, журнал, публиковала информационные материалы и рекламировала РБМ как привлекательное направление на многочисленных туристических ярмарках и выставках. Комиссия сотрудничала с международными организациями (Совет Европы, Европейское экономическое сообщество, Совет государств Балтийского моря) в сфере поддержки ключевых форм туризма. Также она была организатором Балтийского рынка путешествий (*Baltic Travel Market*), в рамках которого были заключены сделки между предприятиями туристической индустрии из разных стран. Транспортная доступность всегда играла важную роль в развитии туристической отрасли, поэтому Комиссия лоббировала проект по созданию туристического маршрута «Янтарная дорога», который должен был соединить Балтику с Адриатическим морем.

В целях улучшения координации своей деятельности Комиссия по туризму Балтийского моря создала отделения в ряде стран РБМ. Ее представительство действовало в Польше до 2002 года. Получая финансирование из государственного бюджета, Комиссия координировала сотрудничество между польскими членами организации: Министерством туризма, Польской туристической организацией, Гданьском, Гдыней и Морским университетом в Гдыне. В то же время польское отделение организации было координатором рабочей группы «Янтарное наследие». Целью группы было создание международных туристических продуктов, связанных с янтарем (например, чемпионат мира по сбору янтаря, международные ярмарки янтаря, международные поездки по янтарному маршруту).

Сеть устойчивого развития туризма в регионе Балтийского моря: менеджмент дестинаций, ориентированный на планирование

Платформа *Network Sustainable Tourism Development in the Baltic Sea Region* (NSTDBSR) была создана академическими учреждениями и экологическими организациями РБМ как восходящая инициатива. Организаторы стремились обеспечить устойчивое развитие туризма в соответствии с руководящими принципами Повестки дня на XXI век, разработанными на Саммите Земли в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Управление такой инициативой требовало значительных средств, которые были получены из программы *INTERREG*. Бюджет проекта «AGORA — Сеть устойчивого развития туризма в регионе Балтийского моря» составил 2,9 млн евро. Проект осуществлялся в 2005-2007 годах и координировался Университетом Грайфсвальда в Германии.

Партнерами Проекта стали международные, национальные, региональные и местные учреждения стран Балтийского моря и Беларуси. Заинтересованные стороны — участники Проекта (табл. 1) провели оценку и доработали инструменты, используемые в пространственном планировании и управлении туризмом, для повышения эффективности туризма, функционирующего на принципах устойчивого развития. Эти инструменты были проверены на практике, а также в рамках нескольких пилотных проектов, обратная связь отражена в инициативе «Инструментарий». Были разработаны новые инструменты правоприменения, поддерживающие проекты в области устойчивого туризма, которые впоследствии были апробированы в рамках экспериментальных инициатив. Весь опыт, информация и оценка, предоставленные партнерами, были интегрированы в инициативу «Фабрика стратегий», которая включала политические рекомендации по устойчивому развитию туризма в РБМ.

Окончание таблицы 1

Местный			Региональный			Уровень	
Социальный сектор	ОМД	Государственное управление	Социальный сектор	ОМД	Государственное управление	Члены ЕС	Категория
LTD Tourist Co. Darss	Общество поддержки археолого-экологического центра г. Аберсдорф, Ассоциация поддержки <i>Social-Hansa Uivarolo</i>	Экологический совет острова Фемарн	Туристический центр национального парка	Совет по туризму Мекленбурга-Передней Померании	Министерство окружающей среды Мекленбурга-Передней Померании	Германия	Германия
—	CEUS Школа бизнеса	Округ Сторстрем	—	—	Регион Зеландия	Дания	Дания
—	Университет г. Кальмар	—	—	—	—	Швеция	Швеция
—	—	Город Исокоро	—	—	Университет Хельсинки	Финляндия	Финляндия
—	—	—	—	Национальный парк Матсалу	—	Эстония	Эстония
—	—	—	—	—	Северовидземский биосферный заповедник	Латвия	Латвия
—	Культурный центр Томаса Манна	Город Неринга	—	Совет коммун и городов бассейна на р. Парсета	—	Литва	Литва
—	Университет Гданьска	—	—	Польский экологический клуб г. Гливице	—	Польша	Польша
—	Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей	—	—	—	—	Россия	Россия
—	—	—	—	—	—	Беларусь	Беларусь

¹ AGORA — Network Sustainable Tourism Development in the Baltic Sea Region, Keep.eu Database, адрес доступа: <https://keep.eu/projects/648/> (дата обращения 03.07.2020).

По завершению Проекта его финансирование было прекращено, однако организации, которые участвовали в проекте, продолжили развивать некоторые мероприятия проекта.

Туристический центр Балтийского моря: менеджмент дестинации, ориентированный на управление

Туристический центр Балтийского моря — это инновационный инструмент управления многоуровневым туристическим направлением. Его создание стало результатом многолетнего синергетического и туристического сотрудничества в регионе Балтийского моря, а также разработки стратегии ЕС для РБМ.

РБМ был выбран в качестве пилотной зоны в ЕС, поскольку является «символом макрорегионального сотрудничества» [22]. Стратегия ЕС для региона Балтийского моря была принята Европейской комиссией в июне 2009 года. В рамках стратегии было реализовано межправительственное (например, проекты VASAB или HELCOM), а также транснациональное (восходящее) сотрудничество и осуществлено их согласование в рамках политики сплочения ЕС. Таким образом, стратегия не заменяет существующие сети и отношения [23], но в ее рамках их использование происходит наиболее эффективно [24]. Стратегия включает в себя 4 горизонтальных мероприятия, 3 цели и 13 приоритетных областей. Туристическая политика является одной из 13 областей текущей общей политики, в процессе реализации которой основное внимание уделяется тематическим областям мероприятий, проводимых в рамках интегративной структуры — Стратегии ЕС для региона Балтийского моря, и направленных на решение текущих и будущих проблем региона Балтийского моря. На рисунке 6 представлен обзор Плана действий Стратегии, в котором определены ее общие цели, области политики и горизонтальные мероприятия. Туризм был закреплен за целью «Повышение благосостояния», главным образом благодаря предполагаемому экономическому потенциалу региона⁵.

Рис. 6. Модель функционирования Стратегии ЕС для региона Балтийского моря

⁵ Policy Area Tourism // EUSBSR EU Strategy for the Baltic Sea Region. URL: <http://www.baltic-sea-strategy-tourism.eu/pa-tourism/> (дата обращения: 06.07.2020).

Структура управления политикой в сфере туризма охватывает только государственный уровень восьми стран, входящих в Европейский союз. Единственным исключением является Министерство экономики, трудовой занятости и здравоохранения Мекленбурга-Передней Померании, которое официально организовано на региональном уровне (табл. 2).

Таблица 2

**Структура управления Стратегией ЕС для стран Балтийского моря
в области туризма**

Уровень	Категория	Страна							
		Германия	Дания	Швеция	Финляндия	Эстония	Латвия	Литва	Польша
Региональный	Государственное управление	—	—	—	—	—	—	—	—
	Министерство экономики, трудоустройства и здравоохранения Мекленбурга-Передней Померании	—	—	—	—	—	—	—	—
Национальный	ОМД	Национальный совет по туризму Германии	Туристический центр Дании	—	—	—	—	—	—
	Государственное управление	—	—	Министерство предпринимательства и инноваций	Министерство занятости и регионального экономического развития	Министерство экономики и коммуникаций	Министерство экономики, от-дел по предпринимательству и конкурентноспособности	Министерство экономики и инноваций	Министерство спорта и туризма

Туристический центр Балтийского моря напрямую связан с Туристическим форумом Балтийского моря (рис. 7). Структура Форума гораздо более сложная, имеет множество разных представителей и состоит из четырех уровней: международного, национального, регионального и местного. В заседаниях Форума принимают участие не только организации из стран ЕС, но также из Норвегии, России и Беларуси. Форум носит ротационный характер и проходит в разных странах каждый год. Национальные, региональные и местные туристические организации играют важную роль в его работе.

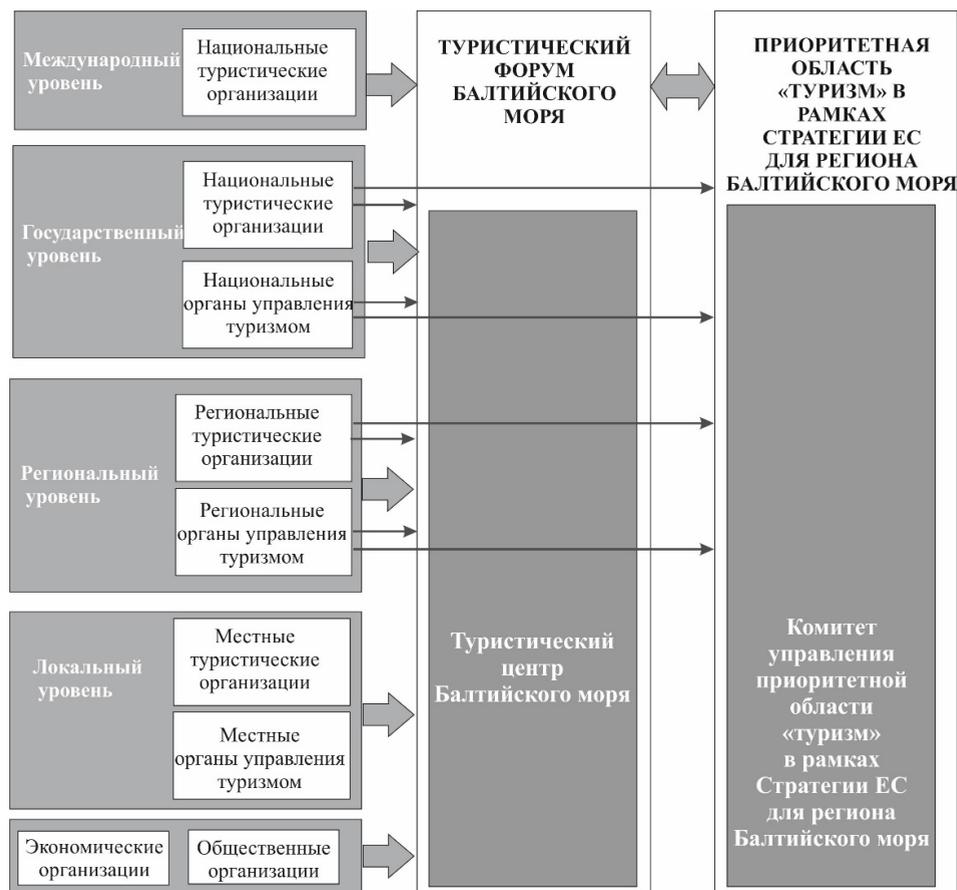

Рис. 7. Организационная модель транснациональной дестинации РБМ

На создание института, ответственного за управление туристскими дестинациями, ушло несколько лет. Эта тема обсуждалась на Туристическом форуме Балтийского моря (табл. 3). В результате на средства программы «V-A INTERREG 2014—2020 Польша — Дания — Германия — Литва — Швеция (Южная Балтика)» начал функционировать Туристический центр Балтийского моря.

Туристический центр Балтийского моря координируется Министерством экономики, трудоустройства и здравоохранения земли Мекленбург-Передняя Померания. К процессу разработки были привлечены организации только из шести стран Балтии (табл. 4), что было следствием ограниченной географической области поддержки программы «INTERREG», из средств которой финансировалось создание Центра⁶.

Туристический центр Балтийского моря был создан в целях совместного повышения конкурентоспособности устойчивого туризма в регионе Балтийского моря. Одной из главных задач Центра была реализация и распространение концепции корпоративной социальной ответственности (КСО) [25]. По словам координаторов Центра, учреждение стремится стать «ведущим экспертным центром, выступающим за развитие туризма в регионе Балтийского моря, обеспечивающим партнерство, распространение идей и знаний»⁷. Заинтересованные стороны определили следующие задачи как наиболее важные:

⁶ *Baltic Sea Tourism Center — Sustainable development structures for ACTIVE TOURISM* // Keep.eu. URL: <https://keep.eu/projects/17777/> (дата обращения: 06.07.2020).

⁷ *Sustainable tourism cooperation in the Baltic Sea region*. URL: <https://bstc.eu/partnerships/about-the-bstc> (дата обращения 03.07.2020).

- объединение ресурсов, обмен новыми знаниями в целях обеспечения готовности отвечать соответствующим тенденциям;
- обмен опытом в целях решения общих задач;
- предоставление информации и обеспечение возможности проведения сравнительного анализа;
- получение сведений об участниках, проектах и инициативах путем координации и стратегического использования результатов проекта;
- поддержка обучения и разработка продуктов в отраслевых областях;
- повышение значимости территорий, стран и всего региона Балтийского моря в качестве туристской дестинации.

Таблица 3

Основные положения о туристическом сотрудничестве, изложенные в декларациях, принятых Туристическим форумом Балтийского моря

Год	Место	Декларация
2012	Росток, Германия	Дальнейшее развитие сотрудничества за счет создания на транснациональном уровне платформы для сотрудничества с Туристическим форумом Балтийского моря во главе в целях непрерывного сотрудничества на основе многоуровневого процесса
2013	Рингстед, Дания	Развитие текущих проектов по получению начальных инвестиций и новых инициатив в соответствующих транснациональных сетях и кластерах в качестве вклада в формирование профиля региона как устойчивой туристской дестинации
2014	Карлс-круна, Швеция	Содействие укреплению структуры сотрудничества для управления совместными маркетинговыми и проектными инициативами на транснациональном уровне согласно концепции Туристического центра Балтийского моря
2015	Гданьск, Польша	Полная поддержка создания флагманского Туристического центра Балтийского моря в целях укрепления транснациональной коммуникации и сотрудничества в вопросах туризма, для дальнейшей профессионализации Туристического форума Балтийского моря, а также для развития всего региона Балтийского моря как единой туристской дестинации
2016	Пярну, Эстония	Создание более современной, непрерывной, коммуникационной платформы, которая является дополнением ежегодного Форума и таким образом улучшает систему сетей и координации, в том числе с помощью флагманского Туристического центра Балтийского моря. Усиление содержательной и тематической ориентации Форума на культурный и активный туризм, кулинарию, исследования рынка, сотрудничество науки и бизнеса
2017	Турку, Финляндия	Содействие деятельности Туристического центра Балтийского моря. Дальнейшее развитие транснационального сотрудничества в проектах и процессах в области устойчивого туризма с целью определения региона Балтийского моря в качестве привлекательного направления, поощрения участия заинтересованных сторон из стран, не входящих в ЕС, для обеспечения интеграции всех стран региона Балтийского моря
2018	Рига, Латвия	Активная поддержка деятельности Туристического центра Балтийского моря и недавно созданных экспертных групп по устойчивому туризму, исследованиям рынка. Разработка и подготовка Отчета о туристическом рынке (BSTC TMM) и Радара развития туризма (TTR) в целях распространения и оказания поддержки программы «Устойчивое развитие туризма в регионе Балтийского моря после 2020 года»,
2019	Брюссель, Бельгия	Декларация 2019 года на официальном сайте еще не размещена

Таблица 4

Заинтересованные стороны Туристического центра Балтийского моря

Прочие	Региональный			Национальный		Уровень
	Организации самоуправления	ОМД	Государственное управление	ОМД	Государственное управление	
Университет прикладных наук Штральзунда	—	Совет по туризму Макленбурга-Передней Померании	Министерство экономики, трудоустройства и здравоохранения Макленбурга-Передней Померании	Национальный совет по туризму Германии	—	Германия
—	—	Туристический центр Восточной Дании	—	Туристический центр Дании	—	Дания
—	—	—	Регион Блеклинге	—	—	Швеция
—	—	—	—	Туристический центр Финляндии	—	Финляндия
—	—	—	—	—	—	Эстония
—	—	—	—	—	Министерство экономики, отдел по предпринимательству и конкурентноспособности	Латвия
—	Ассоциация «Регион Клайпеда»	—	—	—	—	Литва
—	Ассоциация польских коммун Евро-регион Балтика	Совет по туризму Поморского воеводства	Органы самоуправления Поморского воеводства	Туристическая организация Польши	—	Польша

Разработанная в 2018 году модель управления Туристическим центром Балтийского моря основана на концепции многоуровневого управления [26; 27] (рис. 8). Следует подчеркнуть, что инициаторы этой структуры управления учитывали участие не только субъектов ЕС, но и российских партнеров [28], заинтересованных в развитии туристической дестинации Балтийского моря, однако пандемия COVID-19 в 2020 году заморозила работу Туристического центра Балтийского моря. В результате формирование четырех основных групп было отложено. Сложившаяся ситуация — серьезная угроза для развития туристских дестинаций. Многочисленные исследования подтверждают, что фонды Европейского территориального сотрудничества играют ключевую роль в развитии туризма в приграничных районах [29]. Между тем проект ЕС по финансированию Туристического центра Балтийского моря был недавно завершен, а альтернативные средства обеспечения непрерывного существования структуры управления еще не найдены.

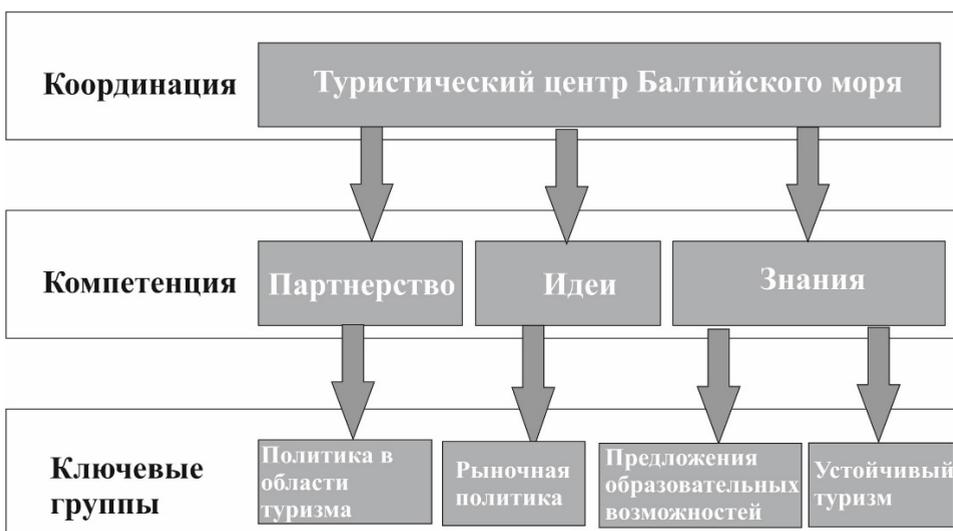

Рис. 8. Модель управления Туристического центра Балтийского моря

Выводы

Регион Балтийского моря можно рассматривать как транснациональную дестинацию. Его отличает высокий туристический потенциал, включающий транснациональные достопримечательности, общую историю и плодотворное долгосрочное сотрудничество. Тем не менее определение границ РБМ спорно, а значит, и определение границ дестинации проблематично. Разумным представляется определение границ, обозначенное в Программе региона Балтийского моря «INTERREG», согласно которому Регион охватывает страны Балтийского моря и Норвегию. Кроме того, в туристическом сотрудничестве время от времени принимает участие Беларусь (которая не водит в состав региона Балтийского моря). Организации, которые соуправляют туристскими дестинациями, в основном включают представителей центральных и местных административных единиц, национальные, региональные и местные туристические организации и предпринимателей. Общественные организации и образовательные учреждения имеют ограниченное участие.

Были предприняты многочисленные попытки координации туристического сотрудничества в РБМ, неоднократно создавались структуры управления туризмом. На сегодняшний день реализованы три концепции менеджмента туристских дестинаций: ориентированный на маркетинг, на планирование и на многоуровневое

управление. Первая концепция была разработана в 1990-х годах. Основными заинтересованными сторонами, задействованными в этом процессе, были крупные предприятия (авиакомпании, паромные компании, гостиничные сети), которые извлекали значительную выгоду из членства в Комиссии по туризму Балтийского моря и, соответственно, с готовностью финансировали деятельность этой организации.

Вторая концепция — планирование, ориентированное на развитие туризма на принципах устойчивого развития. Сеть устойчивого развития туризма в РБМ была создана в основном образовательными учреждениями, а также экологическими и общественными организациями. Были разработаны ценные теоретические решения, но не инструменты для их применения на практике. К сожалению, это сотрудничество финансировалось за счет средств ЕС, и с завершением соответствующих проектов финансирование для продолжения работы Сети оказалось невозможным.

Концепция управления многоуровневой туристской дестинацией, которая реализуется в настоящее время, особенно интересна в связи с синергией между Туристическим центром Балтийского моря, Туристическим форумом Балтийского моря и Стратегией ЕС по развитию РБМ в области туризма в основе этой синергии.

Анализ эволюции управления туристскими дестинациями показывает, что сохранение стабильности структуры управления требует значительного финансового участия заинтересованных сторон. Средства ЕС должны использоваться только для «запуска» управленческих структур, но они не могут служить основой их деятельности. В настоящее время в многоуровневой системе управления туризмом в РБМ роль экономического сектора была ограниченной. Государственные заинтересованные стороны умеренно вовлечены в развитие транснациональных дестинаций, поскольку, вероятно, не видят достаточных преимуществ в сотрудничестве. В то же время индивидуальное продвижение стран Балтии и регионов на туристическом рынке укрепляется, что представляет серьезную угрозу для дальнейшего существования Туристического центра Балтийского моря, лишая этот институт возможности по-настоящему управлять развитием туризма. Дополнительная угроза — завершение трансграничного проекта, который финансировал деятельность центра. Ключевым недостатком этого проекта было отсутствие участия в нем организаций из некоторых стран РБМ. И наоборот, одним из способов развития дестинации является использование возможностей постоянно совершенствующейся Стратегии ЕС по развитию региона Балтийского моря. Это инструмент, которым стоит пользоваться и который позволит продолжить деятельность, связанную с развитием и продвижением РБМ в качестве привлекательной, устойчивой и доступной транснациональной туристической дестинации.

Исследование выполнено в рамках гранта WPIТ/2019/PZ/09 «Zarządzanie strategiczne zrównoważonym rozwojem regionów nadmorskich» («Стратегическое управление устойчивым развитием прибрежных регионов») Морского университета в Гдыне.

Статья подготовлена по результатам доклада на Международной научно-практической конференции «Регионы в условиях глобальных изменений», проводимой при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-05-22007.

Список литературы

1. Pechlaner H. The competitiveness of Alpine destinations between market pressure and problems of adoption // Tourism. 1999. Vol. 47, № 4. P. 332—343.
2. Meyer B. Creating tourist space on the basis of natural environment as an element of sustainable development, case of the Stepnica commune // Conference Proceedings of 4th International Scientific Conference on ToSEE — Tourism in Southern and Eastern Europe Location. Opatija, 2017. Vol. 4. P. 365—375.

3. *Magas D., Vodeb K., Zadel Z.* Menadžment turističke organizacije i destinacije. Opatija, 2018.
4. *Buhalis D.* Marketing the Competitive Destination of the Future // *Tourism Management*. 2000. Vol. 21, №1, P. 97—116.
5. *Мартышенко Н.С.* Кластерный подход к пространственному развитию туристских дестинаций региона (на примере Приморского края) // *Экономические науки*. 2010. № 1(62). P. 143—147.
6. *Bieger T.* Reengineering destination marketing // *Tourism Review*. 1998. Vol. 53, № 3. P. 4—17.
7. *Hu Y., Ritchie J.R.B.* Measuring Destination Attractiveness: A Contextual Approach // *Journal of Travel Research*. 1993. Vol. 32, № 2. P. 25—34.
8. *Studzieniecki T.* An international political region as a tourist destination — a case study of the Visegrad Group // *Conference Proceedings of 19th International Colloquium on Regional Sciences Location*. Cejkovice, 2016. P. 969—976.
9. *Laesser C., Beritelli P.* St. Gallen Consensus on Destination Management // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2013. Vol. 2, № 1. P. 46—49.
10. *Fyall A., Garrod B.* Destination management: a perspective article // *Tourism Review*. 2020. Vol. 75. P. 165—169.
11. *Rosa Flores B.A. de la, Cruz Jiménez G., Porras F.* Policy networks, elites and governance. A conceptual framework for a case study in tourism // *Pasos-revista e turismo y patrimonio cultural*. 2016. Vol. 14, № 3. P. 595—609.
12. *Estevao J., Carneiro M., Teixeira L.* Destination management systems' adoption and management model: proposal of a framework // *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*. 2020. Vol. 30, № 2. P. 89—110.
13. *Ferri M.A., Aiello L.* Tourism destination management in sustainability development perspective, the role of entrepreneurship and networking ability: Tourist Kit // *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*. 2017. Vol. 13, № 5—6. P. 647—664.
14. *Mwinuka O.H.* Reviewing the role of tourism marketing in successful sustainable tourist destinations // *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*. 2017. Vol. 6, № 2. P. 1—11.
15. *Choi J., Chihyung M., Choi S.* Outcomes of Destination Marketing Organization Website Navigation: The Role of Telepresence // *Journal of Travel & Tourism Marketing*. 2016. Vol. 33, № 1. P. 46—62.
16. *Nilsson J., Eskilsson L.* Creating Cross-Border Destinations: Interreg Programmes and Regionalisation in the Baltic Sea Area // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2010. Vol. 10, № 2. P. 153—172.
17. *Blasco D., Guia J., Prats L.* Emergence of governance in cross-border destinations // *Annals of Tourism Research*. 2014. Vol. 49. P. 159—173.
18. *Klemeshev A.P., Korneevets V.S., Palmowski T.* Approaches To The Definition of The Baltic Sea Region // *Baltic Region*. 2017. Vol. 9, № 4. P. 4—20.
19. *Jakubowski A., Miszczuk A., Kawalko B. et al.* EU's New Borderland: Cross-Border Relations and Regional Development. Oxford, 2017.
20. *Awedyk M., Niezgoda A.* Resilience planning as an opportunity for future sustainable development in tourism // *Operations Research and Decisions*. 2018. Vol. 28, № 2, P. 23—40.
21. *Studzieniecki T., Soares J.R.R.* Interregional Tourism Cooperation: A Europe Case Study // *HOLOS*. 2017. Vol. 33, № 4. P. 135—158.
22. *Karlsson M.* Transnational Relations in the Baltic Sea Region. Huddinge, 2004.
23. *Awedyk M., Niezgoda A.* New opportunities for future tourism after 25 years of political and socioeconomic transformation — foresight in Poland's tourism planning // *Journal of Tourism Futures*. 2016. Vol. 2, № 2. P. 137—154.
24. *Zauchka J., Pyć D., Böhme K. et al.* EU macro-regional strategies for the Baltic Sea Region after 2020. A nutshell of beauty and possibilities // *EUROPA XXI*. 2020. Vol. 38. P. 5—30.
25. *Spodarczyk E., Szlagowska-Rudzka K.* Is Social Responsibility Required in the Cooperation Among Universities, Businesses and Local Government in the Local Environment? // *Proceedings of the 11th European Conference on Management Leadership and Governance (ECMLG 2015)*. Book Series, 2015. P. 437—444.
26. *Studzieniecki T., Przybylowski A.* Multilevel governance issues in EU macroregions // *Conference Proceedings of 6th Central European Conference in Regional Science (CERS) — Engines of Urban and Regional Development Location*. Banska Bystrica, 2017. 2017. P. 486—494.

27. *Skrzeszewska K., Beran L.V.* Maritime Governance — Differences Between Assumptions and Realizations // Proceedings of the International Conference on Management Leadership and Governance. Saint Petersburg, 2016. P. 312—320.

28. *Zaitseva N., Kropinova E.* Problems and prospects of cross-border cooperation in tourism between Russia and Europe // Baltic Region. 2016. №3. P. 133—146.

29. *Studzieniecki T., Meyer B.* The programming of tourism development in Polish cross-border areas during the 2007—2013 period // 6th Central European Conference in Regional Science (CERS) — Engines of Urban and Regional Development Location. Banska Bystrica, 2017. P. 506—516.

Об авторах

Томаш Студзеницкий, PhD., доцент, Морской университет в Гдыне, Польша.

E-mail: t.studzieniecki@wpit.umg.edu.pl

<https://orcid.org/0000-0002-1272-0908>

Анджей Якубовский, PhD., доцент, Университет Марии Склодовской-Кюри, Польша.

E-mail: andrzej.jakubowski@umcs.pl

<https://orcid.org/0000-0003-2368-7426>

Беата Мейер, PhD., профессор, Университет Щецина, Польша.

E-mail: beata.meyer@usz.edu.pl

<https://orcid.org/0000-0001-9730-7532>

TRANSNATIONAL TOURIST DESTINATION MANAGEMENT: A CASE STUDY OF THE BALTIC SEA REGION

T. Studzieniecki¹

A. Jakubowski²

B. Meyer³

¹ Gdynia Maritime University
81–87, Morska ul., Gdynia, 81–225, Poland

² Maria Curie-Skłodowska University
2d Kraśnicka al., Lublin, 20–718, Poland

³ University of Szczecin
64 Mickiewicza, Szczecin, 71–101, Poland

Received 17 July 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-8

© Studzieniecki, T., Jakubowski, A.,
Meyer, B., 2020

The issue of tourist destination management has been widely reflected in scientific literature. However, transnational destinations, i.e. those that are located on the territory of several countries, have not been given enough attention. The development of transnational destinations can occur provided there is close cooperation among key stakeholders. In the Baltic Sea Region (BSR) conditions for effective cooperation were created at the end of the 20th century when integration processes intensified. Currently, the BSR is the first macro-region of the European Union to implement a transnational strategy, in which tourism is recognised as a development priority. Creating an effective tourist destination management

To cite this article: Studzieniecki, T., Jakubowski, A., Meyer, B. 2020, Transnational tourist destination management: a case study of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 3, p. 127–146. doi: 10.5922/2078-8555-2020-3-8.

system has become a key challenge in this process. This article aims to identify and critically analyse the concept of transnational tourist destination management. Another goal is to identify the changing determinants of tourism management in the BSR and to explore relations between key stakeholders. To this end, we conducted a review of literature on destination management. We carried out a critical analysis of secondary sources (documents, information materials, the Internet resources) and supplemented the review with our insights from participatory observation. We also obtained additional information from interviews. Three models of destination management were identified: marketing-oriented, planning-oriented, and governance-oriented. Our research shows that the evolution of destination management is characterised by a gradual increase in the participation of public entities. This is related to the marginalisation of the tourism industry, which resulted in a systematic decrease in state funding for maintaining destination management structures. Acquiring the European Union funds from the European Territorial Cooperation Programs has become a partial but not entirely effective solution to this problem.

Keywords:

transnational tourist destination, tourist destination management, international cooperation, Baltic Sea Region, Baltic Region

References

1. Pechlaner, H. 1999, The competitiveness of Alpine destinations between market pressure and problems of adoption, *Tourism*, Vol. 47, no. 4, p. 332–343.
2. Meyer, B. 2017, Creating tourist space on the basis of natural environment as an element of sustainable development, case of the Stepnica commune. In: *Conference Proceedings od 4th International Scientific Conference on ToSEE – Tourism in Southern and Eastern Europe Location: Opatija, CROATIA Date: MAY 04–06*, Vol. 4, p. 365–375.
3. Magaš, D., Vodeb, K., Zadel, Z. 2017, *Menadžment turističke organizacije i destinacije*, Rijeka, Sveučilište u Rijeci.
4. Buhalis, D. 2000, Marketing the Competitive Destination of the Future//*Tourism Management*, Vol. 21, no. 1, P. 97–116.
5. Martysenko, N.S. 2010, Klasternyy podkhod k prostranstvennomu razvitiyu turistski-kh destinatsiy regiona (na primere Primorskogo kraja), *Ekonomicheskie Nauki*, Vol. 1, no. 62, p. 143–147 (In Russ.).
6. Bieger, T. 1998, Reengineering destination marketing, *Tourism Review*, Vol. 53, no. 3, p. 4–17.
7. Hu, Y., Ritchie, J.R.B. 1993, Measuring Destination Attractiveness: A Contextual Approach, *Journal of Travel Research*, Vol. 32, no. 2, p. 25–34.
8. Studzieniecki, T. 2016, An international political region as a tourist destination — a case study of the Visegrad Group. In: *Conference Proceedings of 19th International Colloquium on Regional Sciences Location: Cejkovice, Czech Republic Date (June 15–17, 2016)*, p. 969–976.
9. Laesser, C., Beritelli, P. 2013, St. Gallen Consensus on Destination Management, *Journal of Destination Marketing & Management*, Vol. 2, no. 1, p. 46–49.
10. Fyall, A., Garrod, B. 2020, Destination management: a perspective article, *Tourism Review*, no. 75, p. 165–169.
11. Rosa Flores, B.A. de la, Cruz Jiménez, G., Porras, F. 2016, Policy networks, elites and governance. A conceptual framework for a case study in tourism, *Pasos-revista e turismo y patrimonio cultural*, Vol. 14, no. 3, p. 595–609.
12. Estevao, J., Carneiro, M., Teixeira, L. 2020, Destination management systems' adoption and management model: proposal of a framework, *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*, Vol. 30, no. 2, p. 89–110.
13. Ferri, M.A., Aiello, L. 2017, Tourism destination management in sustainability development perspective, the role of entrepreneurship and networking ability: Tourist Kit, *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, Vol. 13, no. 5–6, p. 647–664.
14. Mwinuka, O.H. 2017, Reviewing the role of tourism marketing in successful sustainable tourist destinations, *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*, Vol. 6, no. 2, p. 1–11.
15. Choi, J., Chihyung, M., Choi, S. 2016, Outcomes of Destination Marketing Organization Website Navigation: The Role of Telepresence, *Journal of Travel & Tourism Marketing*, Vol. 33, no. 1, p. 46–62.

16. Nilsson, J., Eskilsson, L. 2010, Creating Cross-Border Destinations: Interreg Programmes and Regionalisation in the Baltic Sea Area, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, Vol. 10, no. 2, p. 153–172.
17. Blasco, D., Guia, J., Prats, L. 2014, Emergence of governance in cross-border destinations, *Annals of Tourism Research*, no. 49, p. 159–173.
18. Klemeshev, A.P., Korneevets, V.S., Palmowski, T. 2017, Approaches To The Definition of The Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, № 4, p. 4–20. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-1.
19. Jakubowski, A., Miszczuk, A., Kawalko, B. et al. 2017, *EU's New Borderland: Cross-Border Relations and Regional Development*, Oxford, Routledge.
20. Awedyk, M., Niezgoda, A. 2018, Resilience planning as an opportunity for future sustainable development in tourism, *Operations Research and Decisions*, Vol. 28, no. 2, p. 23–40.
21. Studzieniecki, T., Soares, J.R.R. 2017, Interregional Tourism Cooperation: A Europe Case Study, *HOLOS*, Vol. 33, no. 4, p. 135–158.
22. Karlsson, M. 2004, *Transnational Relations in the Baltic Sea Region*, Södertörn Academic Studies, Huddinge, Södertörns högskola.
23. Awedyk, M., Niezgoda, A. 2016, New opportunities for future tourism after 25 years of political and socioeconomic transformation — foresight in Poland's tourism planning, *Journal of Tourism Futures*, Vol. 2, no. 2, p. 137–154.
24. Zaucha, J. et al. 2020, EU macro-regional strategies for the Baltic Sea Region after 2020. A nutshell of beauty and possibilities, *EUROPA XXI*, no. 38, p. 5–30.
25. Spodarczyk, E., Szelągowska-Rudzka, K. 2015, Is Social Responsibility Required in the Cooperation Among Universities, Businesses and Local Government in the Local Environment? In: *Proceedings of the 11th European Conference on Management Leadership and Governance (ECMLG 2015)*, Book Series: Proceedings of the Conference on European Management Leadership and Governance, p. 437–444.
26. Studzieniecki, T., Przybyłowski, A. 2017, Multilevel governance issues in EU macroregions. In: *Conference Proceedings of 6th Central European Conference in Regional Science (CERS) — Engines of Urban and Regional Development Location: Banská Bystrica, Slovakia date September 20–22, 2017*, p. 486–494.
27. Skrzyszewska, K., Beran, L.V. 2016, Maritime Governance — Differences Between Assumptions and Realizations. In: *Proceedings of the International Conference on Management Leadership and Governance, St Petersburg State Univ Econ, Saint Petersburg, Russia, April 14–15, 2016*, p. 312–320.
28. Zaitseva, N., Kropinova, E. 2016, Problems and prospects of cross-border cooperation in tourism between Russia and Europe, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 133–146. doi: 10.5922/2079-8555-2016-3-8.
29. Studzieniecki, T., Meyer, B. 2017, The programming of tourism development in Polish cross-border areas during the 2007–2013 period. In: *Conference: 6th Central European Conference in Regional Science (CERS) — Engines of Urban and Regional Development Location: Banská Bystrica, SLOVAKIA Date: SEP 20–22*, p. 506–516.

The authors

Dr Tomasz Studzieniecki, Assistant Professor, Gdynia Maritime University, Poland,
E-mail: t.studzieniecki@wpit.umg.edu.pl
<https://orcid.org/0000-0002-1272-0908>

Dr Andrzej Jakubowski, Assistant Professor, Maria Curie-Skłodowska University,
E-mail: andrzej.jakubowski@umcs.pl
<https://orcid.org/0000-0003-2368-7426>

Prof. Beata Meyer, University of Szczecin, Poland.
E-mail: beata.meyer@usz.edu.pl
<https://orcid.org/0000-0001-9730-7532>

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТУРИСТСКИХ СФЕР ГОСУДАРСТВ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

М. А. Саранча

Российский государственный университет туризма и сервиса
141221, Россия, Московская обл., Пушкинский район,
дп. Черкизово, ул. Главная, 99

Поступила в редакцию 16.10.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-9
© Саранча М.А., 2020

Конкурентоспособность туристской сферы является одним из фундаментальных качеств государств, способствующих их полноценному участию в международном туристском рынке. Комплексная и системная оценка при сравнении с этой сферой в других государствах позволяет выявлять её структуру, сильные и слабые стороны. Актуален данный вопрос и для Балтийского региона, в котором туристская сфера представляет собой важное направление хозяйственной деятельности и влияет на повышение качества жизни его населения. Гипотеза исследования: при помощи разработанной авторской методики возможно выявить и оценить туристскую конкурентоспособность государств Балтийского региона. Цель исследования — оценка конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона. В статье дается обзор методик оценки конкурентоспособности туристских сфер территорий. Предлагается авторская методика комплексной оценки конкурентоспособности туристских сфер государств. Интегральный индекс строится из 4 субиндексов (условия, инфраструктура, доступность и аттрактивность), 22 компонент и более чем 100 индикаторов. Методика оценки предполагает выполнение 9 этапов. Для расчетов используется обширный набор источников данных. Результаты оценки графически представлены в виде карт-схем и диаграммы. Оценка стран Балтийского региона показала их высокий (ФРГ) и относительно высокий уровни конкурентоспособности. Сильные позиции страны занимают по туристской инфраструктуре и условиям организации туристской деятельности. Более неоднородная ситуация наблюдается по туристской доступности, особенно ценовой, на западе региона. По уровню аттрактивности одним из мировых лидеров является ФРГ, относительно высоким уровнем обладают Российская Федерация, Польша, Норвегия и Швеция. Оценка показала слабые позиции России относительно конкурентов в области туристских формальностей, благоприятности условий для малого и среднего бизнеса, в вопросах обеспечения безопасности туристов; требуют внимания инфраструктура, система статистических наблюдений и продвижение. В заключении статьи осуществлена рефлексия предложенной методики оценки и результатов ее апробации.

Ключевые слова:

Балтийский регион, государство, методика, туризм, оценка туристской конкурентоспособности

Введение

Туризм в настоящее время стал глобальным общественным явлением с огромным потенциалом. Согласно данным Международного совета по путешествиям и туризму и Всемирной туристской организации (United Nations World Tourism

Для цитирования: Саранча М. А. Оценка конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 147–165. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-9.

Organization, UNWTO, ЮНВТО), на начало 2019 года общий вклад туризма в мировой валовой внутренний продукт составил 10,4% (9,1 трлн дол. США), прямой — 3,3% (2,8 трлн дол. США). Трудовой деятельностью в туристской сфере занимаются 328 млн человек (1/10 от общего числа занятых мира). Вклад туризма в мировые инвестиции составил 4,4% (0,98 трлн дол. США), в экспорт — 6,6% (1,7 трлн дол. США), при этом уже семь лет подряд рост туристического экспорта (+4%) превышает рост экспорта товаров (+3%).

Оценка конкурентоспособности является ценным инструментом комплексного выявления состояния и структуры туристских сфер государств, определения их сильных и слабых мест. Она может использоваться для стратегического планирования развития туризма в странах профильными органами власти, бизнесом и другими заинтересованными лицами [1—5]. Кроме того, может служить платформой для многостороннего международного диалога в целях понимания и прогнозирования новых тенденций и рисков в области туризма, адаптации туристской политики, практики и инвестиционных решений стран, ускорения разработки новых моделей, обеспечивающих долгосрочность и устойчивость развития данного сектора [6—8].

Особо остро данный вопрос стоит в условиях обострившейся ситуации, связанной с пандемией COVID-19: распространения заболевания, закрытия границ между странами, введения карантинных режимов и т.д. Международный туризм и туристские сферы отдельных стран стоят перед серьезными вызовами, приводящими к переосмыслению явления, в том числе связанными с перестроением рынка по окончании пандемии и новым витком конкурентной борьбы между странами и их субъектами.

Предметом исследования выступили методика и результаты оценки конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона.

Цель исследования — оценка конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона.

Обзор литературы

Вопросы концептуального построения моделей конкурентоспособности туризма свое активное развитие получили в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Одну из первых признанных моделей предложили Д. Крауч и Б. Риччи в 1999 году [9], уточненную в 2003 году [10]. Подход авторов опирается на работы М. Портера [11]. На входе модели выделяются сравнительные (человеческие и физические ресурсы, наличие ноу-хау, капитал, инфраструктура туризма, а также исторические и культурные ценности) и конкурентные (аудит и инвентаризация, обслуживание, рост и развитие, эффективность и результативность) преимущества. Конкурентоспособность формируется под влиянием микро- и макросред через группы факторов и ресурсов (36 признаков, содержащие 250 факторов): ключевые ресурсы и аттракторы, в том числе поддерживающие; менеджмент дестинации; политика, планирование и развитие дестинации; квалифицирующие и усиливающие детерминанты. Комплексное развитие идеи авторов применительно к глобальному уровню осуществил Вей-Чианг Хун [12].

Широкое признание получила и Интегративная модель конкурентоспособности Л. Двайера и Ч. Кима [13]. Модель включает восемь основных структурных блоков: основные ресурсы (унаследованные и созданные); поддерживающие факторы и ресурсы (общая инфраструктура, качество услуг, доступность); факторы управления назначением; условия спроса (осведомленность, восприятие и предпочтения); ситуационные условия (экономические, социальные, культурные, демографические, экологические, политические и т. д.) и показатели эффективности рынка. Позже

в работе [14] при помощи методов «Дельфи» и «Аналитический иерархический процесс» была выявлена значимость каждого из индикаторов для оценки конкурентоспособности [14].

Особого внимания заслуживает модель Э. Хита [15], имеющая комплексный характер. Модель схематически представлена в виде «дома», состоящего из основных ключевых элементов:

- фундамента, который формирует сущностную базу конкурентоспособности (ключевые аттракции, безопасность и здоровье, инфраструктурные и управленческие возможности, капитализация добавочной стоимости, посредники, опыт);
- цемента, который связывает все элементы (каналы связи, партнерские отношения, стейкхолдеры и бенефициары, исследования и прогнозы, управление факторами конкурентоспособности, международный менеджмент);
- строительных блоков, позволяющих вывести туризм дестинации в статус «случился» (политика устойчивого развития, стратегический и холистический маркетинг);
- стратегии (скрипта) развития;
- крыши — ключевых драйверов успеха (видение и руководство, следование ценностям и принципам, политическая воля, предпринимательство, общественный фокус и развитие человеческих ресурсов) [16; 17].

На международном уровне оценке конкурентоспособности туристских сфер государств на постоянной основе уделяют внимание ЮНВТО, Международный совет по туризму и путешествиям, Всемирный экономический форум и Организация экономического сотрудничества и развития.

ЮНВТО занимается мониторингом отдельных статистических показателей по странам мира (в особенности туристских потоков, импорта и экспорта, занятости населения в сфере туризма, вклада туризма в макроэкономические показатели), ведением по ним баз данных и подготовкой статистических справочников и отчетов [18]. Непосредственную комплексную оценку конкурентоспособности туристских сфер стран ЮНВТО не осуществляет. Это же касается и Международного совета по туризму и путешествиям, который ведёт наблюдения за конкретными экономическими индикаторами туристских сфер стран мира: экспорт и импорт, вклад туризма в валовый внутренний продукт, занятость в туризме, инвестиции и др.

Наиболее известным и авторитетным в мире является «Индекс конкурентоспособности путешествий и туризма» (*The Travel & Tourism Competitiveness — TTCI*) Всемирного экономического форума [19], рассчитываемый один раз в два года с 2007 года. Последний «Индекс» за 2019 год включил в себя 140 стран и определялся по 4 субиндексам (благоприятность общих условий; политика по созданию благоприятных условий; инфраструктура; ресурсы культуры и природы), 14 основным компонентам и 90 отдельным показателям.

Оценка индекса базируется на открытых данных, однако существенным её недостатком является широкое использование экспертных оценок, в частности, внимательное знакомство с материалами показывает, что эти оценки нередко «грешат клишированностью» и противоречат фактическим ситуациям и имеющимся статистическим данным. Немало вопросов есть и к методическим решениям: структуре индекса, определению субъекта оценки, приведению показателей к единой системе измерения (нормирование через максимальное и минимальные значения без учета статистического распределения значений), отсутствию учета их разной важности, сведению показателей в интегральные (используется среднее арифметическое) [19—21]. Также слабо учитываются географические особенности стран, не учитываются производственно-потребительские цепочки, величина и структура туристских прибытий и отбытий и др.

Несколько иной подход к определению конкурентоспособности стран в 2013 году выработала Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [22]. Оценка проводится по четырем категориям индикаторов: измеряющим эффективность и воздействие туризма; определяющим способность предоставления качественных и конкурентоспособных туристских услуг, в том числе среду ведения бизнеса; аттрактивности; государственному регулированию и управлению, экономическим возможностям. Кроме того, индикаторы делятся на три типа: основные, дополнительные и индикаторы будущего развития.

К основным индикаторам были отнесены прямой валовой внутренний продукт туризма, доходы от въездного туризма, число ночевков посетителей, экспорт туристских услуг, производительность труда в туристском сервисе, паритет покупательной способности, требования к въездной визе в страну, ресурсы природы и биоразнообразию, культурные и креативные ресурсы, удовлетворенность посетителей, национальный план действий в сфере туризма. Дополнительные индикаторы: диверсифицированность рынка и рост рынков; занятость в туризме по возрасту, уровню образования и типу контрактов; индекс потребительских цен в туризме; воздушная связь и интермодальность; «Индекс лучшей жизни». Индикаторы будущего развития: государственные бюджетные ассигнования на туризм; коэффициент банкротств компаний; использование инновационных услуг; структура производственно-потребительских цепочек туризма.

ОЭСР не ставила целью непосредственную оценку стран, а предложенную методику рекомендовала к использованию для членов и партнеров Организации в качестве инструмента выявления конкурентоспособности их туристских сфер.

Л. Квелбар с соавторами при помощи регрессионного анализа оценили значимость факторов конкурентоспособности туристских сфер стран мира на основе их структурирования на шесть групп: экономические факторы (макросреда, бизнес-среда, общая инфраструктура) и туристские факторы (ресурсы, инфраструктура туризма и управление). Исследование показало большую важность общих факторов экономической среды [23].

С. Бухер проводит оценку конкурентоспособности туристской сферы Российской Федерации, основанную на методике и материалах «Индекса конкурентоспособности путешествий и туризма» (ТТСИ). Автор переработал показатели (часть добавив, а часть — удалив) и структурировал их на три группы: нормативно-правовая база; деловая среда; человеческие, культурные и природные ресурсы [24].

Р. Кройз и М. Кубичкова [25] разработали систему ранжирования туристических направлений, основанную на теории конкурентоспособности. Их индекс конкурентоспособности в сфере туризма определяется удовлетворенностью посетителей, производительностью в туристской сфере и качеством жизни населения [26].

Н.С. Морозова [27] предлагает оценивать три вида конкурентоспособности дестинаций: потенциальную, существующую и реально достижимую. Она предлагает использовать методику индексной оценки: оценивать конкурентоспособность туристской дестинации через взвешенное среднее арифметическое с нормированием показателей через максимальные и минимальные значения. При оценке конкурентоспособности учитываются три группы показателей: конкурентный успех или достигнутый уровень конкурентоспособности дестинации; потенциал конкурентных преимуществ; конкурентные слабости.

Л.М. Капустина и В.В. Вязовская в построении структуры индекса основываются на модели М. Портера [11], адаптированной авторами к туризму, выделяя следующие группы показателей: факторные условия; условия спроса; родственные и поддерживающие отрасли; стратегии фирм; случайные события; государственная политика. Оценка же предлагается проводить при помощи кластерного анализа, с учетом конкурентоспособности видов туризма и конкуренции в туристской индустрии внутри страны [28].

Вей-Вень У показывает, что в зависимости от выбранных методов интегральной оценки конкурентоспособности стран (даже при едином подходе к структурированию показателей) результаты могут сильно меняться и варьироваться. Поэтому необходимо одновременное применение ряда методик с последующим сопоставлением между собой и пониманием, что итоговые ранги имеют условный смысл. При этом сильная изменчивость места страны в рейтинге говорит о несбалансированности ее структуры конкурентоспособности и позволяет находить слабые места для последующего принятия корректирующих мер [29].

Методика

В рамках работ по обоснованию стратегического планирования развития туризма в Российской Федерации (разрабатываемой подпрограммы «Туризм») и взаимодействия с ЮНВТО (предоставившей базы данных о странах мира и запросившей результаты расчетов) были проведены исследования по оценке конкурентоспособности туристских сфер государств мира, в том числе государств Балтийского региона: Эстонии, Латвии, Литвы, России, Польши, Германии, Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии. Методика оценки была основана на ранее опубликованной работе автора [30] с некоторыми корректировками и использованием оптимизированного количества индикаторов.

Оценка проводилась по следующим этапам:

- изучение исследуемой территории, теории и методологии оценки;
- определение субъекта и объекта оценки;
- определение принципов оценки;
- определение критериев оценки и их параметров;
- сбор и систематизация информации;
- определение ценности критериев оценки и их параметров;
- приведение параметров критериев оценки к единой системе измерения;
- сведение параметров критериев оценки в обобщающие частные и интегральные показатели;
- проверка и корректировка результатов оценки [31].

В качестве объектов оценки выступили государства мира, субъектов — конкурентоспособность их туристских сфер. Границы и состав Балтийского региона для исследования определялись исходя из принципа целостности входящих в него государств, особенностей организации туристской деятельности с учетом результатов работы [32]. В качестве базовых принципов оценки выступили ключевые показатели и их репрезентативность, системность, информационная доступность и достоверность показателей, сравнимость полученных результатов и др.

Для оценки были использованы данные ЮНВТО, Всемирного экономического форума, Всемирного банка, Международного совета по туризму и путешествиям, Всемирной организации здравоохранения, «Доклада о человеческом развитии» Программы развития ООН, Управления ООН по наркотикам и преступности, Национального консорциума по изучению терроризма и противодействию терроризму, Группы Всемирного банка, «Индекс экологической эффективности» Йельского университета, Всемирной организации интеллектуальной собственности, Корнельского университета, журнала «The Economist», «Индекс развития информационно-коммуникационных технологий» Международного союза электросвязи, «Индекс паспортов» (сайта passportindex.org и Международной ассоциации воздушного транспорта), Всемирной торговой организации, Международной организации гражданской авиации, Международной ассоциации воздушного транспорта,

сайтов ethnologue.com, Booking.com, trivago.ru, организации «Bloom Consulting» и др. Особое внимание было уделено сбору статистических данных и минимизации использования экспертных оценок.

Оценка была проведена по четырём субиндексам (табл. 1).

Таблица 1

Структура «Индекса туристской конкурентоспособности» государств

Показатель	Индикатор
<i>Субиндекс «Доступность»</i>	
Географическое положение	Количество стран-соседей, коэффициент соотношения расстояния между сопоставляемыми странами и значениями внешней страны: численность населения, число международных отбытий туристов, объем туристских расходов резидентов
Ценовая доступность	Цены на коллективные средства размещения, цены на такси, цены на авиабилеты, сборы аэропортов, налоги, паритет покупательной способности цен, цены на топливо, индекс Биг Мака, тарифы мобильной сотовой связи, тарифы на широкополосный Интернет
Формальная доступность	Доля стран с упрощенными визовыми формальностями, открытость двусторонних соглашений о воздушном сообщении, количество действующих региональных торговых соглашений
Альтернативная доступность (наличие альтернативных стране туристских направлений — субституты)	Схожесть туристской специализации с соседними странами, коэффициент соотношения расстояния и числа международных прибытий туристов между сопоставляемыми странами
Языковая доступность	Распространенность языков (по числу носителей), используемых в стране за рубежом
<i>Субиндекс «Инфраструктура»</i>	
Транспортная инфраструктура	Качество авиационной инфраструктуры, количество вылетов воздушных судов, число аэропортов, число операторов авиалиний, пассажиропоток авиации, длина железных дорог, качество железнодорожной инфраструктуры, качество автодорог, качество автомобильного транспорта, длина улучшенных автомобильных дорог, число фирм по прокату автомобилей, качество портовой инфраструктуры
Средства размещения	Количество коллективных средств размещения, номеров и мест в них, количество международных гостиничных сетей, сетевых гостиниц, лидинговых гостиниц, число побед гостиниц в международных рейтингах, оценка посетителями гостиниц по сервисам «Booking.com», «Trivago»
Информационно-коммуникационные технологии	«Индекс развития информационно-коммуникационных технологий»
Турфирмы	Количество турфирм, объем доходов турфирм, число занятых в турфирмах
Банкоматы	Количество банкоматов
Госуправление	Приоритетность туризма, полнота предоставления данных в ЮНВТО, эффективность маркетинга и брендинга, доля туристской сферы в расходах государства

Окончание таблицы 1

Показатель	Индикатор
<i>Субиндекс «Условия»</i>	
Безопасность и правопорядок	Похищения, грабежи, нападения, сексуальные насилия, смертность в ДТП, количество террористических актов, число погибших в них лиц за последние 8 лет, конфликтные риски, восприятие преступности в обществе, число полицейских, коммерческие издержки преступности и насилия, надежность полицейских служб, бизнес-издержки, вызванные терроризмом
Бизнес-условия	Индекс «DOINBUSINES»
Здравоохранение	Число койко-мест, число квалифицированных специалистов, расходы на здравоохранение, 22 индикатора по заболеваниям (первичная заболеваемость ВИЧ, число заражений малярией, клещевым энцефалитом, отдельными инфекционными и бактериальными заболеваниями), смертность от наркомании, доступ населения к улучшенным санитарным условиям
Природно-экологические	Смертность от природных чрезвычайных ситуаций, смертность и заболевания, связанные с ультрафиолетовым излучением солнца, смертность от загрязнения окружающей среды, доступ к улучшенным источникам воды, обеспеченность пресной водой, видовое разнообразие и доля исчезающих видов животных, растений и амфибий, процент территории, покрытой лесом, процент территории, не занятой антропогенными ландшафтами, процент территории, покрытой сельскохозяйственными угодьями, экологическое состояние окружающей среды, доля территорий, занятых наземными и морскими особо охраняемыми природными территориями, число охраняемых видов животных, загрязненность воздуха, строгость экологических норм, обеспечение соблюдения экологических норм, ратификация международных природоохранных договоров
Человеческие ресурсы	Плотность населения, «Индекс развития человеческого потенциала с поправкой на неравенство», человеческие ресурсы и рынок труда
Уровень развития инноваций	«Глобальный инновационный индекс»
<i>Субиндекс «Аттрактивность»</i>	
Число объектов из Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО	По категориям «Культура» и «Смешанный», по категориям «Природа» и «Смешанный»
Уровень внутреннего спроса	Объем туристских расходов внутри страны
Уровень внешнего спроса	Число международных прибытий туристов, число международных посещений экскурсантами, объем туристских расходов зарубежных туристов внутри страны
Победы объектов страны в ведущих мировых туристских рейтингах	Число побед объектов страны в ведущих мировых туристских рейтингах («World tourism awards», «TripAdvisor», «Travel + Leisure» и др.)
Туристские запросы в Интернете	Число запросов на 9 языках в 20 самых популярных поисковых системах по 273 тега

Для приведения индикаторов к единой системе измерения использовалось нормирование по формуле

$$C_{ij} = \frac{x_{ij} - \bar{X}_j}{Q_j} + 4,$$

где C_{ij} — нормированное значение j -го индикатора i -й страны; X_{ij} — преобразуемый j -й индикатор i -й страны; \bar{X}_j и Q_j — среднее арифметическое и стандартное отклонение по j -му индикатору оценки соответственно; $i = 1, \dots, n$; n — число стран; $j = 1, \dots, m$; m — число индикаторов оценки.

Интегральные индексы вычислялись при помощи взвешенного среднего геометрического. Весовые коэффициенты индикаторов и промежуточных интегральных индексов определялись по формуле

$$Q_i = \frac{r_{jl}}{\sum_{j=1}^m r_{jl}},$$

где Q_i — весовой коэффициент j -го индикатора оценки; r_{jl} — коэффициент корреляции j -го индикатора и l -го вектора. Для определения l -го вектора по каждому индикатору страны делились на классы при помощи кластерного анализа методом K -средних. Количество выделяемых классов определялось с помощью дисперсии (минимизация дисперсии внутри кластеров и ее максимизация между кластерами). После этого классы стран по индикаторам логически сопоставлялись между собой с ранжированием. Неранжируемые логически классы из определения l -го вектора исключались. Для каждого ранга классов вычислялось значение: среднее арифметическое по индикатору, которое затем присваивалось каждому объекту оценки (стране), вошедшему в соответствующий класс; в случае невозможности таких процедур значение определялось по методу Лутсмы [33].

Для удобства картографирования, восприятия и интерпретации результаты оценки были преобразованы в вербальную шкалу со степенями, равными в 1 стандартное отклонение вокруг центра статистического распределения значений, равного 4: «высокий» уровень ($C_{ij} > 5,5$), «выше среднего» ($4,5 > C_{ij} > 5,5$), «средний» ($3,5 > C_{ij} > 4,5$), «ниже среднего» ($2,5 > C_{ij} > 3,5$) и «низкий» ($C_{ij} < 2,5$) [30].

Результаты исследования

Представленные ниже результаты оценки, согласно описанной методике, отражают позиции стран Балтийского региона относительно конкурентоспособности туристских сфер других стран мира.

Большинство стран Балтийского региона находится в выгодном географическом положении относительно крупных центров спроса на туристские услуги и продукты (особенно ФРГ), а также имеет относительно высокие и высокие уровни значений внутреннего спроса. Все это подкрепляется высоким уровнем развития транспортной инфраструктуры и связности стран, а также относительно высокой формальной открытостью (в частности, благодаря Шенгенскому соглашению). Несмотря на большое количество государств Европы и высокий уровень конкуренции между ними на туристском рынке, их альтернативная доступность характеризуется относительно высоким уровнем (рис. 1).

В отличие от соседей Российская Федерация имеет серьезные барьеры для туристов, связанные с паспортно-визовыми формальностями и слабой открытостью к двухсторонним соглашениям о воздушном сообщении. Так, например, в «Индексе конкурентоспособности путешествий и туризма» (ТТСИ) Россия по данному параметру находится в конце списка оцениваемых стран (123-е место из 140). Однако при интерпретации данного показателя необходимо учитывать и риски, связанные с необходимостью соблюдения баланса в обеспечении безопасности государства и ее граждан от внешних угроз (в том числе террористических), обусловленных напряженным характером отношений России с целым рядом зарубежных государств.

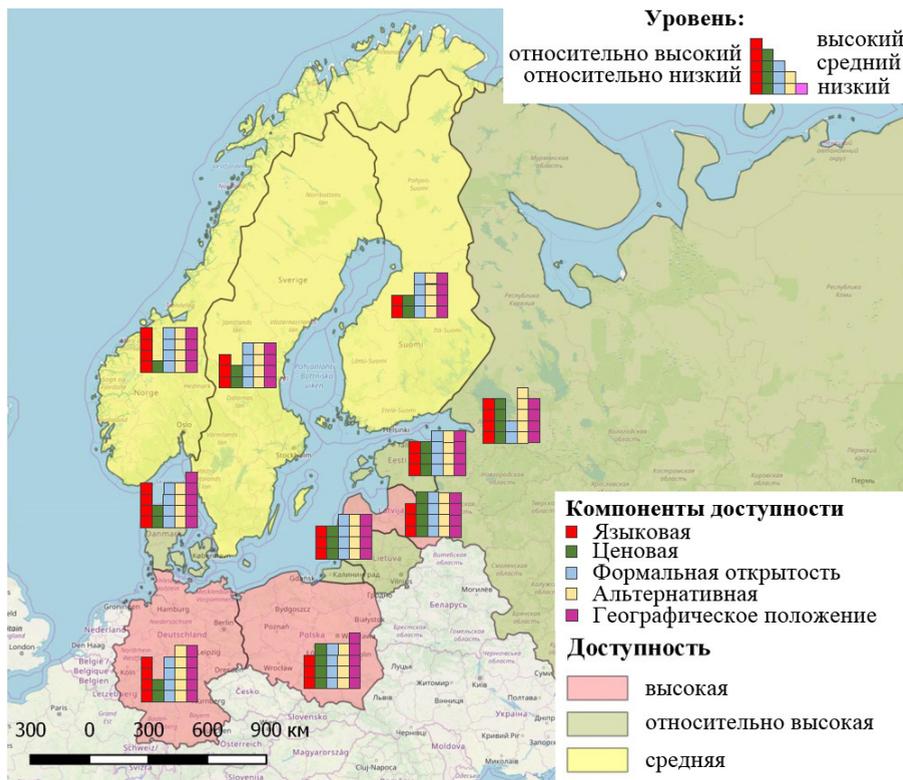

Рис. 1. Уровень туристской доступности государств Балтийского региона

Слабая сторона большинства государств Балтийского региона — их низкая ценовая доступность по сравнению с другими государствами мира (особенно Норвегии, Швеции, Германии, Дании и Финляндии). В то же время для Российской Федерации показатель ценовой доступности является одним из ключевых конкурентных преимуществ на международном туристском рынке, как и для Польши.

Относительно высокий уровень языковой доступности обеспечивается за счет близости языков германоязычных народов Балтийского региона, популярности в мире немецкого языка, а также достаточной распространенности русского. Во многих государствах (в особенности в Норвегии и Финляндии) местное население в большинстве хорошо владеет английским языком, особенно занятое в сервисном секторе экономики. Кроме того, хорошо развита туристская навигация.

В целом Норвегия, Швеция и Финляндия обладают средней по миру туристской доступностью (за счет слабых позиций по ценовой доступности, для Финляндии и Швеции — еще и по языковой). Высокие же значения характерны для ФРГ, Польши и Латвии. Остальные страны обладают относительно высокими значениями туристской доступности (рис. 1).

Уровень конкурентоспособности туристской инфраструктуры большинства государств Балтийского региона относительно высокий (рис. 2), за исключением Дании и Российской Федерации (средний уровень). Это коррелирует с результатами и других оценок конкурентоспособности туристских сфер стран мира.

По большинству оцениваемых компонентов наблюдаются относительно высокие значения, особенно благоприятная ситуация складывается по уровню конкурентоспособности информационно-коммуникационных технологий. Для Российской Федерации характерны высокие позиции по масштабам развитости сети банкоматов.

Рис. 2. Уровень конкурентоспособности туристской инфраструктуры государств Балтийского региона

Все страны региона активно взаимодействуют с ЮНВТО в области обмена информацией, отличаются успехами в области брендинга и продвижения (особенно Германия, Норвегия, Эстония и Швеция), за исключением Латвии и Литвы.

Отдельно стоит отметить Эстонию, которая характеризуется высокой долей туристской сферы в государственных расходах и отношением к туризму как к приоритетному направлению развития экономики страны. В остальных странах отмечаются относительно низкие уровни значений представленных показателей. Так, Россия в «Индексе конкурентоспособности путешествий и туризма» (ТТСИ) по приоритетности туризма в экономике страны заняла 86-е место из 140 стран.

Уровни конкурентоспособности средств размещения туристов в Балтийском регионе — средний и выше среднего по миру (рис. 2). Интересными представляются потребительские оценки коллективных средств размещения в букинговых системах, поскольку они соотносят конкретные объекты размещения с конкретными потребителями и их удовлетворенностью. Среди государств Балтийского региона высокий уровень по потребительским оценкам получили коллективные средства размещения Польши, Литвы и Эстонии, относительно высокий — ФРГ, Финляндии, Российской Федерации и Латвии, средний — Норвегии, Швеции и Дании.

Важную роль в конкурентоспособности туристских сфер государств играют условия (см. соответствующий субиндекс в таблице 1) их функционирования и развития (рис. 3). В Балтийском регионе такие страны, как Германия, Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия, отличаются высокой благоприятностью созданных соответствующих условий, по большинству компонентов и индикаторов оценки условий они занимают ведущие позиции в мире. Для остальных стран, в том числе и для России, характерны относительно высокие значения.

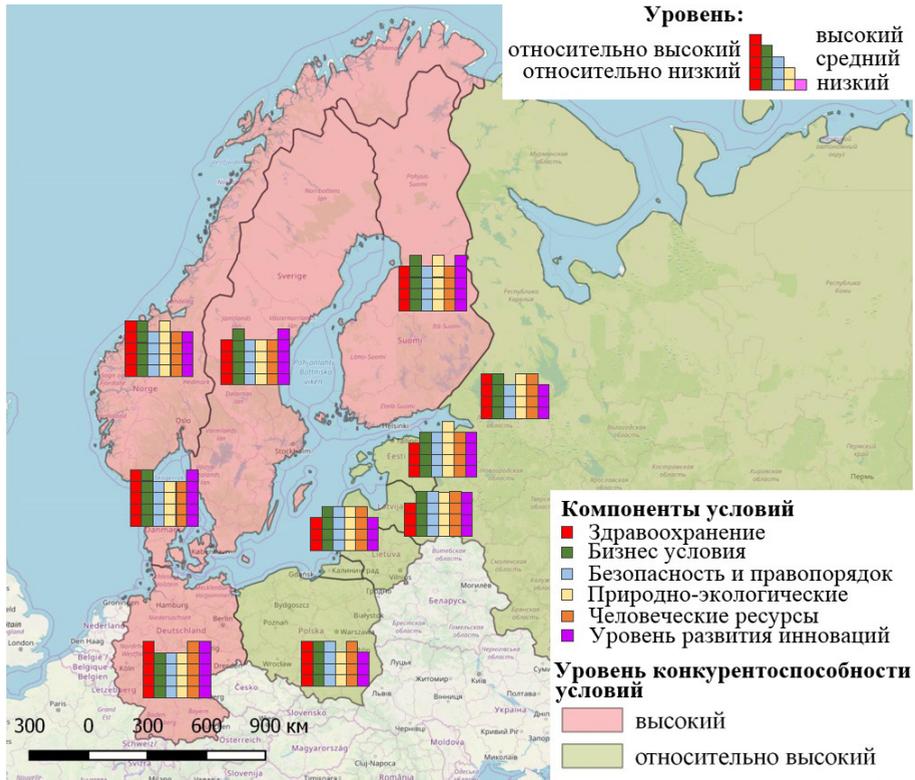

Рис. 3. Уровень конкурентоспособности условий туристских сфер государств Балтийского региона

В Российской Федерации слабыми оценочными компонентами конкурентоспособности условий сферы туризма выступают уровень развития и внедрения инноваций (согласно материалам «The Global Innovation Index 2019») и, особенно, безопасность и правопорядок. Данные профильных международных организаций (ВОЗ, Управления ООН по наркотикам и преступности, «Global Terrorism Database», Всемирный экономический форум и др.) показывают, что в России имеются риски конфликтов с зарубежными государствами, высокие риски совершения террористических актов, повышенный уровень смертности от дорожно-транспортных происшествий и совершения убийств, низкая надежность полицейских служб. Усложняется этот фактор субъективным восприятием со стороны иностранных лиц Российской Федерации как опасной для посещения страны, обусловленным воздействием зарубежных средств массовой информации.

Следует отметить, что именно по общим условиям функционирования и развития туристских сфер стран наблюдаются существенные отличия результатов оценки (особенно по Российской Федерации) по представленной методике и другим работам, которые в своем большинстве опираются на данные «Индекса конкурентоспособности путешествий и туризма» Всемирного экономического форума. Главными источниками данных отличий выступают индикаторы, полученные экспертным путем, целенаправленно указывающие на плохие условия для ведения бизнеса в России (92-е место из 140 стран) и опасность посещения страны в контексте высокой преступности и плохой эффективности системы правоохранительных органов (98-е место), плохую экологическую ситуацию и слабую устойчивость природной среды (82-е место). С другой стороны, в «Индексе конкурентоспособности путешествий и туризма» Всемирного экономического форума сильно завышаются значения Рос-

сийской Федерации по сфере здравоохранения (6-е место), которые, в частности, опровергаются теми же данными по заболеваемости Всемирной организации здравоохранения и внутренней статистике Министерства здравоохранения РФ.

Ключевым компонентом туристской конкурентоспособности государств является attractiveness их объектов (рис. 4). Высоким уровнем attractiveness в Балтийском регионе обладает только ФРГ, занимая ведущие места в мире и регионе по большому числу показателей. Относительно высокий уровень attractiveness характерен для туристских объектов Российской Федерации, Норвегии, Швеции и Польши. Приближаются к ним по значениям Финляндия и Дания, наиболее слабые позиции в регионе характерны для Эстонии, Латвии и Литвы. Однако отметим, что каждая из стран обладает своими преимуществами и специализацией, по которым занимает сильные позиции.

Рис. 4. Уровень конкурентоспособности attractiveness туристских объектов государств Балтийского региона

Примечание: 1 — число объектов из Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО; 2 — популярность по туристским запросам в ведущих поисковых системах Интернета; 3 — уровень спроса на туристские услуги, товары и продукты; 4 — уровень спроса на туристские услуги, товары и продукты со стороны иностранных граждан; 5 — число побед объектов государства в ведущих мировых туристских рейтингах.

Интегральный уровень конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона показан на рисунках 5 и 6 (на рисунке 6 стоит учесть, что результаты двух подходов имеют разные единицы измерений, но сопоставимы между собой при сравнении ситуаций в отдельных странах, для наглядности показаны экстремальные значения показателей). Высокие значения имеет ФРГ, остальные страны — относительно высокие. В рейтинге «Индекса конкурентоспособности путешествий и туризма» Всемирного экономического форума Россия занимает 39-е место, по результатам данного исследования — 31-е.

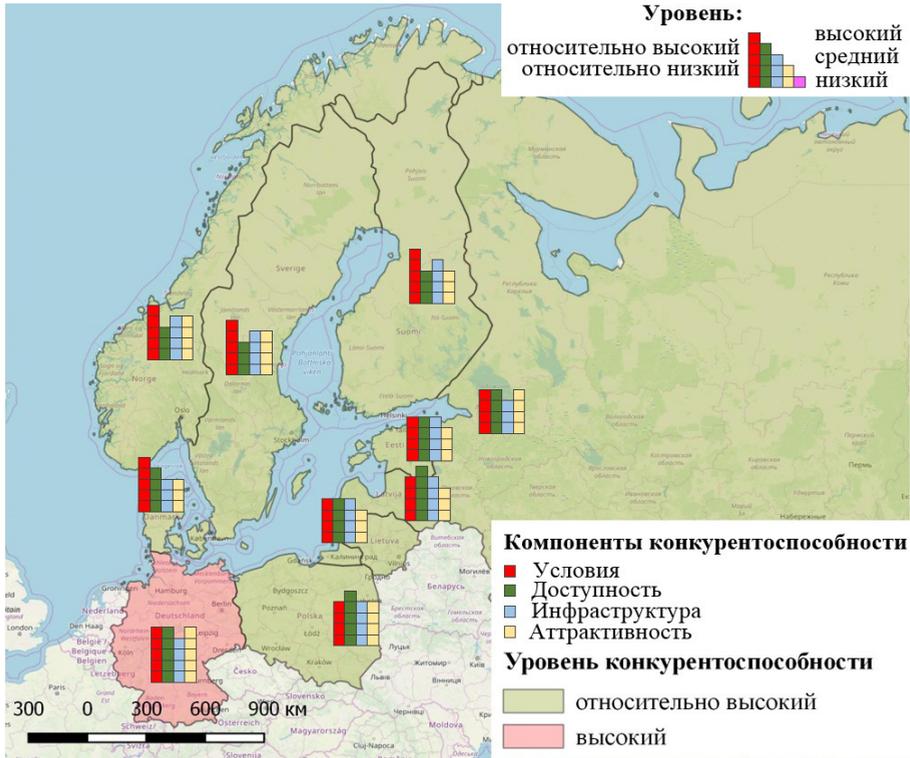

Рис. 5. Интегральный уровень конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона

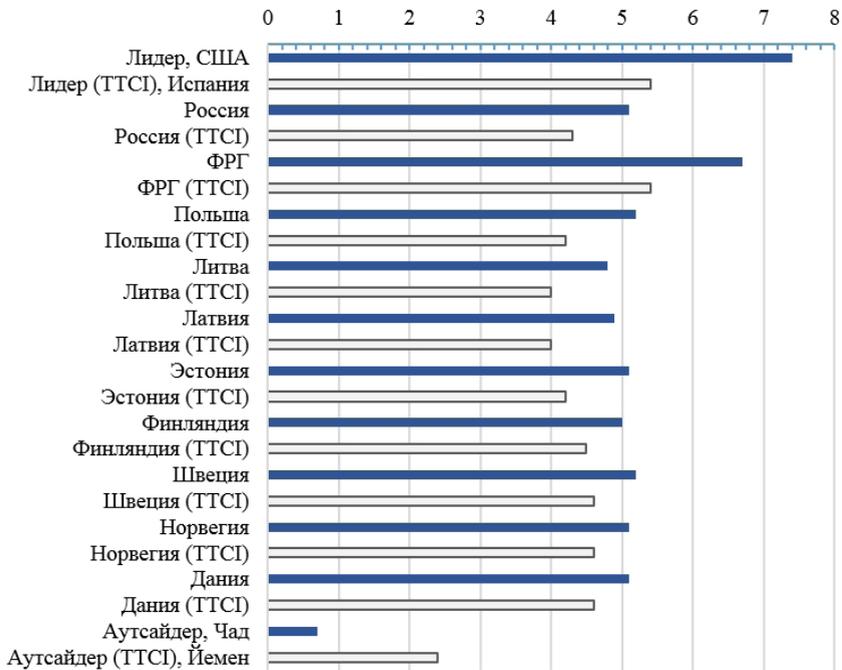

Рис. 6. Сопоставление уровней конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона по результатам оценки ТТСИ и авторской методики

Для многих государств региона (за исключением Польши, Латвии, Литвы и Эстонии) характерен отрицательный платежный туристский баланс, особо ярко он проявляется в Российской Федерации и Норвегии. В Российской Федерации при высокой туристской аттрактивности наблюдается серьезный перекося спроса в сторону выездного туризма, что формирует отрицательный платежный баланс страны на более чем 23 млрд дол. США в год. При этом в среднем один иностранный турист тратит в России около 760 дол. США, а выезжающие граждане Российской Федерации — 1 060 дол. США. Во внутреннем туризме за счет масштабов страна занимает 16-е место в мире по сумме туристских расходов, однако в пересчете на душу населения РФ уступает ФРГ в 13,5 раз, США — в 9,4 раз и Китаю — в 2,1 раза. Близкая к России ситуация во внутреннем туризме в пересчете на душу населения характерна и для Польши, Латвии, Литвы и Эстонии. В остальных странах региона значения данного показателя находятся на высоком уровне.

Заключение

Предложенная и апробированная методика дает вполне надежные результаты и согласуется с результатами других подобных работ. Представлен авторский вариант структурирования индекса, основанный на том, что конкурентоспособность и непосредственно сама организация туристской деятельности определяются четырьмя блоками: аттрактивностью, инфраструктурой и общеэкономическими условиями (попеременно выделяемыми и в большинстве других индексов, но редко в совокупности), а также доступностью (отсутствует в других работах). Последний блок особенно важен, поскольку территория может быть привлекательной, с прекрасной инфраструктурой и экономическими условиями, но если не учтен фактор доступности для посетителей — все остальное становится вторичным. Однако именно в совокупности эти четыре блока и формируют целостную картину.

Большинство работ по оценке конкурентоспособности стран мира опираются на данные «Индекса конкурентоспособности путешествий и туризма» Всемирного экономического форума, в лучшем случае учитывают данные Всемирного банка, ЮН-ВТО и Международного совета по путешествиям и туризму. Опыт показал, что таких данных зачастую недостаточно, и это может приводить к сильным искажениям результатов оценки, в частности обусловленным экспертными мнениями. Преимуществом предложенной работы является привлечение широкого перечня источников данных и стремление уйти от экспертных оценок в сторону статистических и фактических данных. Однако такой подход сильно увеличивает трудоемкость исследования, формирует зависимость расчетов по методике от доступности и формы представления данных.

Непосредственно сам расчетный инструментарий в большинстве работ опирается на нормирование через максимальные и минимальные значения (что уже сильно искажает картину), а интегральный показатель определяется через среднее арифметическое без использования весовых коэффициентов значимости индикаторов оценки, что мало корректно с позиций теории принятия решений, статистики и квалиметрии. Более интересным вариантом являются применение кластерного анализа (но и там учет веса/значимости индикаторов оценки остается в стороне), регрессионного анализа (возникает проблема исходного вектора и несемантических корреляций) и т.д. В нашем исследовании было решено для нормирования индикаторов использовать статистический подход через стандартное отклонение, который для общей картины по миру и сравнительной оценки стран является одним из наиболее оптимальных. Интегральный же показатель рассчитывался через взвешенное среднее геометрическое, что позволяло снизить остроту проблемы усреднения данных и сокрытия плохих значений по одним показателям за счет хороших значений по другим, обеспечивая учет неравнозначности сводимых индикаторов. Проблема

определения значимости показателей решалась посредством построения ранжированного вектора кластеров через их логическое сопоставление с последующим определением корреляции между вектором и значениями индикаторов оценки.

Разработанная нами методика, как и подобные ей, «страдает» от необходимости усреднения исходных данных при их интеграции и «стирает» частные свойства оцениваемых объектов и отдельных явлений [31]. Однако именно такой подход и позволяет структурированно генерализировать широкий спектр данных для последующего практического использования результатов оценки.

Оценка конкурентоспособности туристских сфер государств Балтийского региона показывает, что в целом наиболее благоприятная ситуация наблюдается в области созданных общеэкономических условий и в туристской инфраструктуре, с несколько лучшими значениями у стран западной части региона. Регион включает крупные центры туристского спроса мирового уровня и соседствует с таковыми, однако существует острая конкуренция в туристской отрасли и внутри Европейского региона. Страны Балтийского региона обладают относительно высокой туристской доступностью, однако характеризуются высокими ценами (за исключением России, Польши и Латвии). По уровню attractiveness явным лидером региона выступает ФРГ, следом идут Российская Федерация, Польша, Норвегия и Швеция. В целом же страны региона характеризуются относительно высокими позициями в мире по конкурентоспособности при ведущих позициях в регионе и мире ФРГ (2-е место по авторской оценке и 3-е место по «Индексу конкурентоспособности путешествий и туризма» (ТТСИ)).

Результаты оценки показывают, что в Российской Федерации необходимо уделить особое внимание упрощению туристских формальностей. Однако имеющиеся реалии и тенденции говорят о том, что данные формальности должны быть адресными и ориентированными не на количество, а на повышение качества туристского потока. Следует заняться созданием благоприятных условий для малого и среднего бизнеса в туристской сфере (в том числе снятием нерациональных барьеров), вопросами обеспечения безопасности туристов как на уровне предотвращения проблемных ситуаций, так и в рамках деятельности правоохранительных органов. Отдельное проведение работ требуется и в информационном поле, которое работает на формирование в западном мире образа России как врага и как опасное направление для путешествий. Требуется работа с рядом опасных заболеваний, по которым в стране имеются риски для туристов (ВИЧ, заболевания, передающиеся половым путем, клещевой энцефалит, туберкулез и др.).

Классически одной из ключевых проблем туристской сферы страны называют туристскую инфраструктуру, однако выполненная оценка определила ее уровень конкурентоспособности относительно стран мира как средний. Тем не менее сравнение России с непосредственными конкурентами на туристском рынке оказывается не в ее пользу. Особо это касается оценок по индикаторам коллективных средств размещения туристов и внимания, уделяемого туризму со стороны государства. Например, требуется совершенствование системы федеральных и региональных статистических наблюдений за туристской сферой, которые на данный момент не позволяют достаточно определенно судить о ее состоянии и развитии. Сильные позиции России по attractiveness не обеспечены достаточными и продуманными мерами по продвижению страны не только на внешнем, но и на внутреннем рынке. Ключевыми должны стать меры и действия по становлению и развитию детского туризма как инструмента воспитания и развития детей и молодежи.

Стратегическим преимуществом и одновременно недостатком страны выступают ее географические масштабы, требующие в туристской плоскости развитой транспортной инфраструктуры, качественной и доступной для массового потребителя. Несмотря на низкие цены по сравнению с зарубежными странами, для большинства россиян туризм не является доступным, и почти половина (по данным

Всероссийского центра изучения общественного мнения) не отдыхает за пределами своего региона. Доля транспортных расходов от совокупных расходов на путешествие в среднем составляет около 40%, что обычно на 10–25% выше, чем у стран-конкурентов («Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 г.»). Одной из ключевых проблем сферы туризма России является отрицательный платежный баланс страны более чем на 23 млрд дол. США в год. Все это и многое другое, выявленное в рамках исследования, требует принятия взвешенных решений и продуманной стратегической линии по развитию туристской сферы страны и, в частности, по повышению ее конкурентоспособности.

Список литературы

1. Александрова А.Ю. Новейшее представление о сфере туризма как системе // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 1. С. 24–38. doi: 10.12737/3405.
2. Рубцов В.А., Байбаков Э.И., Габдрахманов Н.К., Хоссейни С.С. Устойчивость и туризм: подходы, принципы, методы и индикаторы устойчивого развития // Экологический консалтинг. 2016. № 3 (63). С. 2–9.
3. Gössling S., Hall C.M., Weaver D. Sustainable Tourism Futures: Perspectives on Systems, Restructuring and Innovations. N.Y., 2009. doi: 10.4324/9780203884256.
4. Reframing Sustainable Tourism / S.F. McCool, K. Bosak (eds.). N.Y., 2016. doi: 10.1007/978-94-017-7209-9.
5. Weaver D.B. Sustainable tourism: theory and practice. Oxford, 2007. doi: 10.4324/9780080474526.
6. Зырянов А.И. География туризма: от теории к практике : монография. Пермь, 2018.
7. Butler R. The Tourism Area Life Cycle. Vol. 1: Applications and Modifications. Aspects of Tourism. Harvard, 2006.
8. Mill R.C., Morrison A.M. The Tourism System. N.Y., 2012.
9. Crouch G.I., Ritchie B.J.R. Tourism, competitiveness, and social prosperity // Journal of Business Research. 1999. Vol. 44. P. 137–152.
10. Ritchie J.R.B., Crouch G.I. The competitive destination, a sustainable tourism perspective. Cambridge, 2003.
11. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М., 2016.
12. Wei-Chiang Hong. Global competitiveness measurement for the tourism sector // Current Issues in Tourism. 2009. Vol. 12, № 2. P. 105–132, doi: 10.1080/13683500802596359.
13. Dwyer L., Kim C. Destination competitiveness: Determinants and Indicators // Current Issues in Tourism. 2003. Vol. 6, № 5. P. 369–413.
14. Oh M., Kim S., Lee A. Development of an Evaluation Scale for Inter-Country Tourism Industry Competitiveness using the Delphi Technique and Analytic Hierarchy Process // International Journal of Tourism Sciences. 2013. Vol. 13, № 2. P. 1–32. doi: 10.1080/15980634.2013.11434671.
15. Heath E. Towards a Model to Enhance Destination Competitiveness: A Southern African Perspective // Journal of Hospitality and Tourism Management. 2002. Vol. 10, № 2. P. 124–141.
16. Артамонова М.В., Белова С.В., Ефремова Е.Г. Концептуализация вопросов конкурентоспособности туристской дестинации в зарубежных исследованиях // Вестник КемГУ. 2015. №2–7 (62). С. 147–152.
17. Goffi G. Determinants of Tourism Destination Competitiveness: a theoretical model and empirical evidence. Ancona, 2013.
18. Статистика туризма / под ред. А.Ю. Александровой. М., 2014.
19. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019. Cologny ; Geneva, 2019.
20. Саранча М.А. Методологические проблемы интегральной оценки туристско-рекреационного потенциала территории // Вестник Удмуртского университета. Сер. Биология. Научки о земле. 2011. Вып. 1. С. 118–127.
21. Pearce D.G. Frameworks for Tourism Research. Wallingford, 2012. doi: 10.1079/9781845938987.0000.
22. Dupeyras A., MacCallum N. Indicators for Measuring Competitiveness in Tourism: A Guidance Document // OECD Tourism Papers. 2013/02. P., 2013. <http://dx.doi.org/10.1787/5k-47t9q2t923-en>.

23. Svelbar L., Dwyer L., Koman M., Mihalic T. Drivers of Destination Competitiveness in Tourism: A Global Investigation // *Journal of Travel Research*. 2015. Vol. 55, № 8. doi: 10.1177/0047287515617299.
24. Бухер С. Конкурентоспособность России на глобальном туристическом рынке // *Экономика региона*. 2016. №1. С. 240—250.
25. Croes R., Kubickova M. From potential to ability to compete: Towards a performance-based tourism competitiveness index // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2013. Vol. 2. P. 146—154.
26. Khoshkhou M.K., Nadalipour Z., Pourjam A. Global Travel and Tourism Competitiveness: An Evaluation of Iran Tourism industry in the world, 2015. URL: <https://www.researchgate.net/publication/318788584> (дата обращения: 20.03.2020).
27. Морозова Н.С. Концепция формирования и развития конкуренции в туризме: монография. М., 2011.
28. Капустина Л.М., Вязовская В.В. Конкурентоспособность стран на мировом рынке туристских услуг : монография. Екатеринбург, 2017.
29. Wu Wei-Wen. Beyond Travel & Tourism competitiveness ranking using DEA, GST, ANN and Borda count // *Expert Systems with Application*. 2011. Vol. 38. P. 12974-12982. doi: 10.1016/j.eswa.2011.04.096.
30. Саранча М.А. Конкурентоспособность туристской сферы стран мира как основа устойчивого развития: методология и результаты оценки // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2017. Т. 11, № 1. С. 18—24.
31. Саранча М.А. Потенциал и организация развития туристско-рекреационной деятельности в Удмуртской Республике: географический анализ и оценка на основе географических информационных систем : монография. Ижевск, 2011.
32. Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т. и др. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // *Балтийский регион*. 2017. Т. 9, № 4. С. 7—28. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-1.
33. Lootsma F.A., Schuijt H. The Multiplicative AHP, SMART and ELECTRE in a Common Context // *Journal of multi-Criteria Decision Analysis*. 1997. Vol. 6. doi: 10.1002/(SICI)1099-1360(199707)6:4<185::AID-MCDA136>3.0.CO;2-E.

Об авторах

Михаил Александрович Саранча, доктор географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российский государственный университет туризма и сервиса, Россия.

E-mail: mialsar@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4394-0556>

ASSESSING COMPETITIVENESS OF THE BALTIC STATES IN TOURISM

M. A. Sarancha

Russian State University of Tourism and Service
99 Glavnaya St, Cherkizovo, Pushkinsky district,
Moscow region, 141221, Russia.

Received 16.10.2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-9
© Sarancha, M. A., 2020

Tourism competitiveness is a basic requirement for a country's presence in the international tourism market. A comprehensive and systematic assessment of tourism competitiveness and comparisons with other states make it possible to identify its structure, strengths and weak-

nesses. Assessing competitiveness is a live issue in the Baltic region, where tourism is an important part of the economy and a factor in improving living standards. This study advances the hypothesis that the methodology developed by the author will aid in assessing the tourism competitiveness of the Baltic region states. The research aims to assess the competitiveness of the Baltic tourism industries. It reviews methodologies for assessing the competitiveness of tourism industries and presents an original nine-step methodology for comprehensive assessment thereof. The aggregate index comprises four sub-indices (conditions, infrastructure, accessibility, and attractiveness), 22 components, and over 100 indicators. The calculations use a wide range of data sources. The results are displayed in charts and graphs. The Baltic region states are seen to have a high (Germany) or relatively high level of competitiveness. All the countries perform well on tourism infrastructure development and conditions for doing business in tourism. The Baltic region states rank differently on the affordability of tourism. Germany is the regional leader in terms of attractiveness, followed by the Russian Federation, Poland, Norway, and Sweden. The analysis showed that Russia lagged behind its competitors in travel formalities, the climate for small and medium businesses, and travel safety; infrastructure, statistical monitoring, and promotion required attention as well. In the conclusion, the proposed methodology and the results of its testing are analysed.

Keywords:

Baltic region, state, methods, tourism, tourism competitiveness

References

1. Aleksandrova, A.Yu. 2014, The newest comprehension of tourism as a system, *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism], no. 1, p. 24–38, doi: /10.12737/3405 (in Russ.).
2. Rubcov, V.A., Bajbakov, E.I., Gabdrahmanov, N.K., Hossejini, S.S. 2016, Sustainability and tourism: approaches, principles, methods and indicators of sustainable development, *Ekologicheskij konsalting* [Ecological consulting], no. 3(63), p.2–9 (in Russ.).
3. Gössling, S., Hall, C.M., Weaver, D. 2009, *Sustainable Tourism Futures: Perspectives on Systems, Restructuring and Innovations*, New York, Routledge, 320 p. doi: 10.4324/9780203884256.
4. McCool, S.F., Bosak, K., ed. 2016, *Reframing Sustainable Tourism*, New York. Springer, 257 p. doi: 10.1007/978-94-017-7209-9.
5. Weaver, D.B. 2007, *Sustainable tourism: theory and practice*, Oxford, Elsevier, Butterworth-Heinemann, 226 p. doi: 10.4324/9780080474526.
6. Zyryanov, A.I., 2018, *Geography of tourism: from theory to practice*, Perm State National Research University, 416 p. (in Russ.).
7. Butler, R. 2006. *The Tourism Area Life Cycle Volume 1: Applications and Modifications. Aspects of Tourism*, Harvard, 392 p.
8. Mill, R.C., Morrison, A.M. 2012, *The Tourism System*, New York, Kendall / Hunt Publication, 444 p.
9. Crouch, G.I., Ritchie, B.J.R. 1999, Tourism, competitiveness, and social prosperity, *Journal of Business Research*, no. 44, p.137–152.
10. Ritchie, J.R.B., Crouch, G. I. 2003, *The competitive destination, a sustainable tourism perspective*, Cambridge, Cabi Publishing.
11. Porter, M. 2016, *International competition. Country Competitive Advantages*, Moscow (in Russ.).
12. Wei-Chiang, H. 2009, Global competitiveness measurement for the tourism sector, *Current Issues in Tourism*, Vol. 12, no. 2, p.105–132. doi: 10.1080/13683500802596359.
13. Dwyer, L., Kim, C. 2003, Destination competitiveness: Determinants and Indicators, *Current Issues in Tourism*, Vol. 6, no. 5, p. 369–413.
14. Oh, M., Kim, S., Lee, A. 2013, Development of an Evaluation Scale for Inter-Country Tourism Industry Competitiveness using the Delphi Technique and Analytic Hierarchy Process, *International Journal of Tourism Sciences*, Vol. 13, no. 2, p. 1–32. doi: 10.1080/15980634.2013.11434671.
15. Heath, E. 2002, Towards a Model to Enhance Destination Competitiveness: A Southern African Perspective, *Journal of Hospitality and Tourism Management*, no. 10 (2), p.124–141.
16. Artamonova, M.V., Belova, S.V., Efremova, E.G., 2015. Conceptualization of the competitiveness of tourism destinations in foreign studies., *Vestnik KemGU* [Bulletin of the Kemerovo State University], no. 2–7(62), p.147–152 (in Russ.).

17. Goffi, G. 2013, *Determinants of Tourism Destination Competitiveness: a theoretical model and empirical evidence*, Ancona, Universita Politecnica delle Marche, 208 p.
18. Aleksandrova, A. Yu. (ed.) 2014, *Tourism statistics*, Moscow, 464 p. (in Russ.).
19. *The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019, 2019*. Cologne/Geneva, World Economic Forum, 112 p.
20. Sarancha, M.A. 2011, Methodological problems of integrated evaluation of the tourist and recreational potential of the territory, *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Biologiya. Nauki o zemle* [Bulletin of the Udmurt University. Biology Series. Earth sciences], no. 1, p. 118–127 (in Russ.).
21. Pearce, D.G. 2012, *Frameworks for Tourism Research*, Wallingford, CAB International, 210 p. doi: 10.1079/9781845938987.0000.
22. Dupeyras, A., MacCallum N. 2013, *Indicators for Measuring Competitiveness in Tourism: A Guidance Document. OECD Tourism Papers, 2013/02*,. OECD Publishing, Paris. doi: 10.1787/5k47t9q2t923-en.
23. Cvelbar, L., Dwyer, L., Koman, M., Mihalic, T. 2015, Drivers of Destination Competitiveness in Tourism: A Global Investigation, *Journal of Travel Research*, no. 55. doi: 10.1177/0047287515617299.
24. Buher, S. 2016, Russia's competitiveness in the global tourism market, *Ekonomika regiona* [Regional economy], no. 1, p. 240–250 (in Russ.).
25. Croes, R., Kubickova, M. 2013, From potential to ability to compete: Towards a performance-based tourism competitiveness index, *Journal of Destination Marketing & Management*, 2, p. 146–154.
26. Khoshkhoo, M.K., Nadalipour, Z., Pourjam, A. 2015, *Global Travel and Tourism Competitiveness: An Evaluation of Iran Tourism industry in the world*, available at: <https://www.researchgate.net/publication/318788584> (accessed 15.02.2020).
27. Morozova, N.S. 2011, *The concept of the formation and development of competition in tourism*, Moscow, 264 p. (in Russ.).
28. Kapustina, L.M., Vyazovskaya, V.V. 2017, *The competitiveness of countries in the global tourism market*, Ekaterinburg, Ural University of Economics, 166 p. (in Russ.).
29. Wu, W.-W. 2011, Beyond Travel & Tourism competitiveness ranking using DEA, GST, ANN and Borda count, *Expert Systems with Application*, no. 38, p. 12974–12982. doi: 10.1016/j.eswa.2011.04.096.
30. Sarancha, M.A. 2017, Tourism competitiveness of countries as the basis for sustainable development: methodology and evaluation results, *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism], Vol. 11, no. 1, p. 18–24. doi: 10.22412/1995-0411-2017-11-1-00-00 (in Russ.).
31. Sarancha, M.A. 2011, *The potential and organization of the development of tourist and recreational activities in the Udmurt Republic: geographical analysis and evaluation based on geographical information systems*, Izhevsk, Udmurt University, 220 p. (in Russ.).
32. Klemeshev, A.P., Korneevets, V.S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G.M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg. V. 9*, no.4, p.4–20. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-1 (in Russ.).
33. Lootsma, F.A., Schuijt, H. 1997, The Multiplicative AHP, SMART and ELECTRE in a Common Context, *Journal of multi-Criteria Decision Analysis*, no.6. doi: 10.1002/(SICI)1099-1360(199707)6:4<185::AID-MCDA136>3.0.CO;2-E.

The author

Prof. Mikhail A. Sarancha, Leading Research Fellow, Russian State University of Tourism and Service, Russia.

E-mail: mialsar@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4394-0556>

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **двойное «слепое» рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

2) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*);

5) список литературы (*не менее 30 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru>.

BALTIC REGION

2020
Volume 12
№ 3

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2020.
169 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University
Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:
Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2020

Editorial council

Prof. **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof. **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof. **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof. **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Dr **Kari Liuhto**, University of Turku, Finland; Prof. **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. **Vladimir A. Mau**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof. **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof. **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof. **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Political Studies

Smirnov P.E. The evolution of US political priorities in the Baltic sea region in the 2010s4

Smirnov V.A. The transformation of the Baltic countries' political elites: general and specific features26

Social and Economic Studies

Fedorov G.M. On the economic security of Russia's Kaliningrad exclave40

Talalaeva E.Yu., Pronina T.S. Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse55

Voronov V.V., Ruza O.P., Stasane J. Multidimensional poverty in the Baltic States in the EU context: theoretical and practical aspects72

Coastal Studies

Druzhinin A.G. The strongholds of Russian coastal borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence89

Mikhaylov A.S., Gorochnaya V.V., Hvalev D.V., Gumenyuk I.S. Innovative development of Russian coastal regions: north-south divergence105

Tourism

Studzieniecki T., Jakubowski A., Meyer B. Transnational tourist destination management: a case study of the Baltic sea region127

Saranca M.A. Assessing competitiveness of the Baltic states in tourism147

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2020

Том 12

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 19.08.2020 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,1
Тираж 1000 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 67
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6